

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(НОВОЧЕРКАССКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)**

Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 2008 г.

Периодичность серии 6 номеров в год

№1 2019 г.

Серия Социально-экономические науки

Содержание	Contents
Экономика и управление народным хозяйством	Economics and National Economy Managing
<i>Колбачев Е. Б., Пахомова А. А.</i> Развитие цифрового образования в Российской Федерации: риски и угрозы.....4	<i>Kolbachev E. B., Pakhomova A. A.</i> The Development of Digital Education in the Russian Federation: Risks and Threats.....4
<i>Боровая Л. В.</i> Инновационная система российского университета: риски, связанные с ее функционированием, и пути их снижения.....12	<i>Borovaya L. V.</i> The International Experience of Insurance of Risks Related to the Conduct of Research and Development, and the Ways of Its Development in the Innovation System of the Russian Higher School.....12
<i>Булатова Н. Н.</i> Сущность и роль транспортной инфраструктуры в социально-экономическом развитии региона.....19	<i>Bulatova N. N.</i> The Essence and Role of Transport Infrastructure in the Socio-Economic Development of the Region.....19
<i>Водолазский А. А.</i> Операциональные проблемы в управлении производительностью труда.....26	<i>Vodolazsky A. A.</i> Operational Problems in Labor Productivity Management.....26
<i>Скоробогатова Т. Н.</i> О значении категорий «система» и «сеть» в социально ориентированной экономике.....37	<i>Skorobogatova T. N.</i> About Value of Categories «System» and «Network» in Socially Oriented Economy.....37

Колобов А. В. Подход к определению амбициозных целей компании на основе анализа потенциала подразделений для обеспечения конкурентоспособности.....44	Kolobov A. V. The Approach to Defining Ambitious Goals of the Company on the Basis of the Analysis of the Capacity of Units to Ensure Competitiveness.....44
Долматова Л. Г., Петрова И. А. Анализ хозяйственных рисков сельскохозяйственных предприятий и их влияние на экономически устойчивое развитие.....53	Dolmatova L. G., Petrova I. A. Analysis of the Economic Risks of Agricultural Enterprises and Their Impact on Economically Sustainable Development.....53
Овчинникова Н. Г., Алиева Н. В. Механизм территориального зонирования в практике зарубежных стран.....57	Ovchinnikova N. G., Alieva N. V. The Mechanism of Zoning in the Practice of Foreign Countries.....57
Довлатова Г. П., Ткачева О. А., Василюк Н. И., Агафонов А. С., Евдокимов П. А. Разработка инструментария для эффективного управления на middle- и entry-уровнях в рамках повышения конкурентоспособности национальной экономики.....62	Dovlatova G. P., Tkacheva O. A., Vasilyuk N. I., Agafonov A. S., Evdokimov P. A. Development of Tools for Effective Management at Middle and Entry Levels in the Framework of Increasing the Competitiveness of the National Economy.....62
Долматов Н. П., Таран С. С. Влияние критериев процесса очистки трубопровода на технико-экономические показатели дренажпромывочных устройств.....72	Dolmatov N. P., Taran S. S. Influence of Criteria of the Pipeline Cleaning Process on the Technical and Economic Indicators of the Drain Washing Device.....72
Александровская Л. А. Экологоориентированная трансформация систем сельскохозяйственного природопользования и особенности ее проявления в мелиоративной сфере.....80	Aleksandrovsкая L. A. Ecology-Oriented Transformation of Systems of Agricultural Use of Natural Resources and Especially Its Manifestations in the Field of Land Reclamation.....80
Долматова Л. Г. Система государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий в рыночных условиях.....86	Dolmatova L. G. System of State Support of Agricultural Enterprises in the Market Conditions.....86
Голощанова Л. В., Зацаринная Е. И., Довлатова Г. П. Использование мониторинга и оценки рисков в системе внутреннего контроля как элемента повышения конкурентоспособности предприятия.....90	Goloshchapova L. V., Zatsarinnaya E. I., Dovlatova G. P. The Use of Monitoring and Evaluation of Risks in the Internal Control System as an Element of Increasing the Competitiveness of Enterprises.....90

Кошевец Е. Ю.

Управление центрами инновационного, социального и технологического развития в российских университетах: известные подходы и пути их совершенствования.....96

Koshevets E. U.

Management of the Centers of Innovation, Social and Technological Development in Russian Universities: Famous Approaches and Ways of Their Improvement.....96

**Социальная структура,
социальные институты и процессы**

**Social Structure,
Social Institutions and Processes**

**Тищенко И. А., Багаджиян Ю. Г.,
Пономарев П. А.**

Гендерные стереотипы современного российского общества.....100

**Tishchenko I. A., Bagadzhyan Y. G.,
Ponomarev P. A.**

Gender Stereotypes of Modern Russian Society.....100

Юе Сюе, Гуань Шаоян

Функции концептуальной метафоры в политическом дискурсе.....107

Yue Xue, Guan Shaoyang

Functions of Conceptual Metaphor in Political Discourse.....107

Хроника

Chronicle

Памяти коллеги и товарища.....111

In Memory of a Colleague and Friend.....111

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 338.984

10.17213/2075-2067-2019-1-4-11

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РИСКИ И УГРОЗЫ¹

© 2019 г. *Е. Б. Колбачев, А. А. Пахомова*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

В статье представлена авторская точка зрения на развитие системы образования Российской Федерации. Определена потребность цифровой экономики в системе развития человеческого капитала. Обоснована взаимосвязь целеполагания в механизме формирования стратегии развития цифрового образования РФ как элемента проектирования системы стратегического управления цифрового образования Российской Федерации.

Ключевые слова: образование; цифровое образование; стратегия; управление; проект.

The article presents the author's point of view on the development of the education system of the Russian Federation. The need of the digital economy in the system of human capital development is determined. The interrelation of goal-setting in the mechanism of formation of strategy of development of digital education of the Russian Federation as an element of design of system of strategic management of digital education of the Russian Federation is proved.

Key words: education; digital education; strategy; management; project.

Указом Президента России «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [1] продекларированы цели развития страны на среднесрочную перспективу. По мнению авторов текста указа, для достижения этих целей должны быть решены задачи, сформулированные Программой, которая была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. [2], и связанные с модернизацией российской экономики и общества на основе создания и всемерного распростра-

нения цифровых технологий, киберфизических систем и других средств, характерных для Экономики 4.0.

Следствием вышеуказанного стали разработка и принятие программы Министерства просвещения РФ «Цифровая школа» [26], проекта «Московская электронная школа» [13] и ряда других ведомственных проектов в сфере образования.

Очевидно, что цифровизация образования и создание систем дистанционного обучения должны способствовать решению

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта 19-010-00377 «Проектирование системы стратегического управления развитием цифрового образования Российской Федерации».

социальных проблем российского общества, накопившихся за последние десятилетия.

Как было показано в наших более ранних работах [25], современное состояние российского общества характеризуется наличием проблем регионального и общенационального масштаба, обусловленных социально-экономическими особенностями российского народного хозяйства и общества в транзитивный период развития страны; негативными последствиями нерациональных управленческих решений, принимавшихся в стране в последние годы советского и последующие десятилетия постсоветского периода; системными недостатками экономики и общества, унаследованными Российской Федерацией от Советского государства и сформировавшимися в последние десятилетия.

Важнейшими из них являются следующие проблемы, представляющие непосредственную угрозу сохранению российского народа и территориальной целостности страны.

Во-первых, деградация человеческого капитала в регионах и в России в целом, обусловленная:

— падением интеллектуального уровня населения по причине резкого снижения креативности профессиональной деятельности большинства населения на территории регионов, обусловленного остановкой многих высокотехнологичных производств и производств, обладавших определенным инновационным потенциалом, переходом значительной части населения из созидательной сферы в примитивную торговлю, государственную службу, офисную и другие виды деятельности с низким уровнем интеллектуальной и креативной составляющих;

— снижением результативности и эффективности общего среднего образования, заменой просветительских целей средней школы целями подготовки выпускников к примитивизированной государственной итоговой аттестации (ЕГЭ), рассматриваемой значительной частью населения лишь в качестве средства обеспечения имущественного благополучия детей в будущем;

— снижением эффективности высшего и среднего профессионального образования, обусловленной отсутствием достаточного количества высокотехнологичных рабочих мест, неверием значительной части студен-

тов в перспективы работы по специальности, снижением уровня профессорско-преподавательского состава, несовершенством (а в некоторых случаях — отсутствием) эффективных процессов его воспроизводства;

— утверждением в сознании многих россиян в качестве целевой установки имущественного обогащения и благополучия, достигаемого наиболее легкими путями (одним из следствий этого стал массовый отказ выпускников средних школ от изучения физики и замена его на подготовку к единому государственному экзамену по обществознанию — дисциплине содержательно более примитивной и не обладающей креативным потенциалом).

Во-вторых, неразвитость социального капитала, проявляющаяся в низком уровне доверия населения социальным институтам, неверии в ценности и возможности российской культуры и национальных традиций. Причиной этого явились:

— оторванность институтов власти от граждан, непонимание и игнорирование их интересов, усугубляющиеся коррупционностью государственных органов и некомпетентностью их представителей, обусловленной, в частности, отсутствием у подавляющего большинства госслужащих позитивного опыта созидательной производственной (в широком смысле этого слова, включая исследовательскую, проектную и др.) деятельности;

— низкая конкурентоспособность национальной экономики, архаичность большинства производственных систем российской промышленности и других отраслей народного хозяйства, подлинные причины которой не понимаются значительной частью населения (а многие средства массовой информации способствуют такому непониманию) и связываются с якобы «родовыми» качествами россиянина, обреченного на пассивное копирование чужих достижений и жизнь в режиме «догоняющего развития»;

— низкая инновационная активность российской социально-экономической системы, неэффективность модернизации, провозглашенной руководством страны, понимаемые значительной частью населения как неизбежность в условиях России, народ которой якобы «туп и ленив»;

— декларирование превосходства западной культуры, науки, образа жизни, пренебрежение российскими традициями и достижениями советского периода, «вестернизация» образа жизни, естественное неприятие которых многими представителями молодого поколения приводит к русскому национализму, задаткам фашизма, ксенофобии;

— разобщенность российского общества, обусловленная как имущественным расслоением, так и растущим разрывом в качестве жизни и возможностях развития населения столиц и мегаполисов и провинции (малые города и села), усиливающаяся оттоком населения (как правило — наиболее перспективной его части) из провинции в мегаполисы и в дальнее зарубежье, отсутствие обратных миграционных потоков (последнему способствует дислокация большинства образовательных учреждений высшего профессионального образования в столицах и мегаполисах);

— недостаточное развитие системы внутрирегиональных и межрегиональных коммуникаций, доминирование московского транспортного узла (пересадочного пункта), приводящее к разобщенности отдельных регионов страны;

— отсутствие стройной системы ассимиляции мигрантов в России и их интеграции в российское общество на основе общероссийских культурных традиций и ценностей, усиливающее социокультурное расслоение общества;

— попытки прозападнически (по сути дела — русофобски) настроенной части гуманитарной «верхушки» общества и «медиа-элиты» превращения русского языка в язык бытового общения, его замещения английским языком в деловой сфере и сфере межнационального общения на постсоветской территории.

Преодоление вышеописанных проблем наиболее эффективно путем развития созидательной (креативной) деятельности молодежи, в процессе которой у нее будут формироваться новые жизненные установки и ценности. Это, в свою очередь, невозможно без качественного образования молодежи независимо от места проживания, чему и должна способствовать система дистанционного образования на цифровой основе.

Поэтому создание системы стратегического управления развитием цифрового образования в России является актуальной задачей, которая в свою очередь требует разработки методов и инструментов для ее проектирования.

Значительное число публикаций посвящено проблемам, угрозам и рискам, связанным с цифровизацией образования.

Весьма показательна статья А. Афанасьева [13], в которой описаны угрозы здоровью и развитию ребенка, которые, по мнению автора, очевидны специалистам в образовании и медицине, но умалчиваются авторами государственных проектов цифровизации образования. Ниже приведен список этих угроз:

- 1) непроверенные технологии;
- 2) утрата навыков письма, как следствие — утрата способностей к творчеству;
- 3) утрата способностей воспринимать большие тексты;
- 4) экранная зависимость;
- 5) снижение социальных навыков;
- 6) цифровое слабоумие, утрата умственных способностей;
- 7) использование вай-фай в школах, электромагнитное излучение;
- 8) проблемы с речевым развитием у детей;
- 9) проблемы со зрением;
- 10) компьютерная, игровая зависимость;
- 11) отказ от бумажных учебников;
- 12) разница между чтением с экрана и с бумаги;
- 13) электронное досье на каждого ребенка, контроль над семьей;
- 14) зарубежный опыт цифрового образования;
- 15) чего ждать учителям;
- 16) чипизация.

Оставляя на совести автора формулировки и стиль изложения, отметим, что он весьма точно описывает традиционные представления различных социальных групп о самой идее цифрового образования.

Гораздо более обоснованно описаны угрозы цифровизации вообще и цифровизации образования в частности в исследованиях, выполненных под руководством Р.М. Нижегородцева [14, 15]. Эти авторы исходят из того, что широкое внедрение цифровых технологий порождает целый ряд специфических угроз, характерных только для об-

цеств с укорененными в них цифровыми средствами и системами и развивающихся на этой технической основе.

Примечательно, что авторы этих работ применяют для характеристик угроз цифровизации формулировки, приведенные в государственной программе [2].

Первая из них — проблема обеспечения прав человека в цифровом мире, в том числе при идентификации (соотнесении человека с его цифровым образом), сохранности цифровых данных пользователя, а также проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде. Эта проблема обостряется в условиях образовательной деятельности, где будут идентифицироваться личности обучающегося, других пользователей образовательного контента и т.п. Столь же актуальна проблема доверия обучающихся к цифровой среде в целом и ее отдельных компонентов, связанных с конкретными образовательными программами. Эта проблема уже самим фактом своего существования негативно влияет на уровень социального капитала в стране.

Вторая проблема связана с тенденциями к построению сложных иерархических информационно-телекоммуникационных систем, широко использующих виртуализацию, удаленные (облачные) хранилища данных, а также разнородные технологии связи и оконечные устройства.

В этом случае не всегда возможно обеспечить совместимость устройств, используемых для хранения и обработки образовательного контента, и иных данных и совместимости используемого при этом программного обеспечения. В условиях использования среды дистанционного обучения с открытым исходным кодом Moodle [16] эта проблема несколько сглаживается, так как данная среда представляет собой универсальное стандартизированное средство, предполагающее, что все ее пользователи действуют в рамках универсальных нормативов. Важно также, что Moodle распространяется в открытых исходных кодах, что дает возможность адаптировать ее к особенностям каждого образовательного проекта и персонально каждого пользователя. Она интегрируется с другими информационными системами, может быть дополнена новыми сервисами и вспомогательными функциями, допускает установку

готовых или разработку новых дополнительных модулей.

В некоторой степени система Moodle ослабляет негативное воздействие цифровой среды на социальный капитал, так как она ориентирована на совместную работу пользователей. В системе для этого предусмотрены различные инструменты. При этом обучение можно осуществлять как асинхронно, когда каждый студент изучает материал в собственном темпе, так и в режиме реального времени, организовывая онлайн-лекции и семинары. Система поддерживает обмен файлами любых форматов — как между преподавателем и студентом, так и между самими обучающимися.

Несмотря на это, система Moodle не застрахована от сбоев или отключений. Кроме того, остается нерешенной проблема разделенного доступа. Облачные хранилища данных удобны тем, что пользователь, зайдя с любого устройства, включенного в облачную сеть, может воспользоваться всем массивом данных, хранящихся в этом облаке. Однако злоумышленник способен при однократном входе с произвольного устройства похитить часть этого массива, например, с целью продажи хранящихся в нем данных, не подлежащих открытому разглашению (например, фонда оценочных средств учебного курса).

В условиях цифровизации образования неизбежно создание цифровых двойников образовательного процесса, наличие которых также создает определенные угрозы. Персонал, работающий с цифровым двойником образовательного процесса, имеет возможность отследить его поведение в целом в различных ситуациях и воздействовать на него.

Еще одна проблема связана с возможностями внешнего технического воздействия на информационную инфраструктуру систем дистанционного обучения. Прежде всего, это касается инфраструктуры на макроуровне. Этот момент становится особенно актуальным в условиях антироссийской политики руководства США и зависимых от них стран-сателлитов, поводом для которой стал государственный переворот на Украине в 2014 году и последовавшие за ним события.

Это же связано и с определенной зависимостью российской образовательной сис-

темы от экспортной политики иностранных государств, так как использование технических решений, разработанных в других странах, опасно вне всякой связи с тем, готовы ли представители других стран эти решения предоставить. Импортные технологии в любом случае могут быть настроены на выполнение определенных функций в интересах стран-разработчиков и фирм-разработчиков. Это в определенной степени можно отнести и к системе Moodle, созданной и развиваемой международной командой разработчиков под руководством фонда в Австралии.

Последнее особенно ощутимо в условиях недостаточной активности и эффективности исследований и разработок, связанных с созданием перспективных отечественных систем дистанционного образования, неудовлетворительного кадрового обеспечения в области информационной безопасности образовательной деятельности.

Ряд других авторов также посвящает свои исследования потенциальным угрозам цифровизации образования для российского социума [17, 18, 19].

Таким образом, можно считать несомненным, что цифровизация образования таит в себе ряд значительных угроз, некоторые из них до сих пор не осознаны профессиональным сообществом и социумом в целом.

Отсюда следует вывод о том, что при проектировании системы стратегического управления развитием цифрового образования в России необходимо создать мощную подсистему снижения рисков, связанных с наличием этих угроз.

При этом, как было показано выше, целесообразно использовать опыт проектирования технических систем, где подобные задачи решаются. Более того, известны подходы и методы, где средства обеспечения безопасности и снижения рисков рассматриваются как доминирующие при формировании облика всей создаваемой системы. В качестве таких примеров можно назвать разработки [20, 21].

Эти подходы развиваются в исследовании [22], в котором показано, что при внедрении любых цифровых технологий необходимо принимать меры для минимизации весьма вероятных негативных воздействий цифровой среды на человека. Наиболее эффективно это может быть сделано, если

проектируемые системы изначально будут создаваться как человекоориентированные. Одной из составляющих ориентированности технической системы на человека является ее безопасность.

В контексте нашего исследования также представляет интерес известная работа И. Томотоши [23], где действия, связанные с человеческим фактором, рассматриваются с учетом их специфики в условиях управления жизненным циклом создаваемой системы (PLM) и управления проектами (PM).

Отсюда вытекает цель исследований в части разработки системы внедрения цифрового образования в современной России — обосновать целесообразность и заложить основы проектирования системы стратегического управления развитием цифрового образования Российской Федерации.

Проведенный нами анализ деятельности вузов в области цифровизации образования показал, что фактически данный процесс представлен крайне формально. Не определены цели, задачи, механизмы, период реализации и другие основные элементы. В то же время под громким заголовком «цифровизация образования» в большинстве вузов подразумевают перевод печатных изданий учебно-методического материала в электронный вид, введение онлайн-курсов, в лучшем случае это формализованный набор принципов, согласованных с приоритетами развития вуза, на основании которых формируется план мероприятий по насыщению образовательного процесса информационно-коммуникационными технологиями. Авторами исследования цифровое образование РФ понимается как многомерный процесс, ведущий к преобразованию сложной социально-экономической системы, включающей взаимодействие различных стейкхолдеров. На этом этапе считаем целесообразным выделить высшее образование как ключевой элемент системы развития человеческого капитала. Дальнейшие исследования авторов будут направлены на проектирование системы стратегического управления развитием цифрового образования Российской Федерации.

В настоящий момент можно сделать следующие выводы.

Цифровизация образования в России является потенциальным средством повышения

конкурентоспособности национальной образовательной системы. Ее функционирование и развитие невозможно без системы стратегического управления развитием цифрового образования, которая должна быть спроектирована с учетом социальных потребностей общества и государства. Стратегия цифрового образования Российской Федерации должна стать ключевым звеном в развитии человеческого капитала, одновременно связывая и объединяя территории, потребности реального сектора экономики, ожидания стейкхолдеров и самого обучаемого.

Проектирование системы стратегического управления развитием цифрового образования должно опираться на добротную методическую основу, которой является опыт проектирования технических систем. При этом следует использовать методы управления жизненным циклом создаваемой системы стратегического управления развитием цифрового образования и управления проектами.

Отсутствие опыта массового применения цифрового образования и нерешенность многих организационных вопросов, связанных с его продвижением в российскую образовательную среду, обуславливает многочисленные риски и негативные ожидания от внедрения систем цифрового образования. В связи с этим при формировании системы стратегического управления развитием цифрового образования целесообразно применение метода проектирования на основе актуарных моделей.

Литература

1. Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. №642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/.
2. Цифровая экономика Российской Федерации: программа: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — №32. — Ст. 5138 / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Бачило И.Л. Цифровизация управления и экономики — задача общегосударственная // Государство и право. — 2018. — №2. — С. 59–69.
4. Дадалко В.А. Компетенции для цифровой экономики и трансформация образовательной системы в условиях VI экономического уклада / В.А. Дадалко, Е.Д. Соловкина // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. — 2018. — Т. 14, вып. 5. — С. 913–926.
5. Каменев С.В. Образование в цифровом мире: возможности и перспективы // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — №425. — С. 85–90.
6. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография / Нижний Новгород: издательство «Профессиональная наука», 2018. — С. 223–263.
7. Колбачев Е.Б. Современный технический университет в Российском регионе: роль в развитии экономики и общества // Глобальные вызовы экономики и развития промышленности (INDUSTRY-2016). Труды науч.-практ. конференции с зарубежным участием. Под ред. А.В. Бабкина. 2016 [Электронный ресурс] — Режим доступа: [667-683.https://elibrary.ru/author_items.asp?uthorid=170668&ubrole=100&show_refs=1&show_option=0](https://elibrary.ru/author_items.asp?uthorid=170668&ubrole=100&show_refs=1&show_option=0).
8. Колбачев Е.Б. Социальная эффективность организационно-экономических решений, влияющих на развитие высшей школы в регионах России. // Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та (НПИ). Серия: социально-экономические науки. — 2012. — №1. — С. 118–124.
9. Пахомова А.А., Ташина Д.Ю. Естественнонаучные методы в исследовании университета как социально-экономической системы // Глобализация экономики и российские производственные предприятия: материалы 15-й Междунар. науч.-практ. конф., г. Новочеркасск, 16–21 мая 2017 г. — С. 134–139 / Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) имени М.И. Платова. — Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2017. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://science.npi-tu.ru/storage/app/media/nie/Global_2017.pdf.
10. Свириденко Д. Принять вызов цифровой экономики // Эксперт-Сибирь. — 2017. — №48–49. — С. 40–41.

11. Устюжанина Е. В. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития / Е. В. Устюжанина, А. В. Сигарев, Р. А. Шейн // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13, №10. — С. 1788–1804.
12. Чошанов М. А. Дидактика и инженерия: Учебное пособие / Чошанов М. А., — 3-е изд. — М.: БИНОМ. ЛЗ, 2015. — 251 с.
13. Афанасьев А. Цифровизация образования, все минусы электронной школы. Что будет с детьми? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://vc.ru/flood/43800-cifrovizaciya-obrazovaniya-vse-minusy-elektronnoy-shkoly-chto-budet-s-detmi>.
14. Карев А. В., Нижегородцев Р. М. Формирование цифровой среды и вопросы экономической безопасности // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2018. — №1. — С. 113–119.
15. Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М. Россия на пути к цифровой экономике: ловушки и вызовы // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Выпуск 1. — М.: Изд. дом ГУУ, 2017. — С. 74–86.
16. Moodle — система дистанционного обучения. Открытые технологии. Веб-приложения для бизнеса и образования [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://opentechology.ru/products/moodle>.
17. Удалов Д. В. Угрозы и вызовы цифровой экономики // Экономическая безопасность и качество. — 2018. — №4.
18. Гриняев С. Угрозы цифровой эпохи: краткий анализ возможных последствий [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/445/ugrozy-czifrovoj-epohi-kratkij-analiz-vozmozhnyh-posledstvij-7875>.
19. Журавлева А. Опасности цифровизации или цифровизация в опасности [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cb448c57a8aa90a3814c68e>.
20. Горобец Д. Г. Экономические аспекты проектирования объектов повышенной ответственности // Стоимостный анализ в реформировании предприятий: Сб. ст. — Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2000. — С. 23–24.
21. Лидерман К. М. Об экономическом инструментарии проектирования горнодобывающей техники / Экономика производственных систем и бизнес-процессов. — Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2002. — С. 25–28.
22. Kolbachev E. Cost management for digital economy's PLM systems: A way to improve the competitiveness // Material Science and Engineering, 2018. — Vol. 497.
23. Tomotoshi I., Shinya U., Tatsuya S. Toward Human-oriented Industries, Hitachi review. — 2009. — Vol. 58. — P. 174–179.
24. Trowbridge C.-L. Fundamental concepts of actuarial science. — Washington D.C.: AERF, 1989. — 79 p.
25. Колбачев Е. Б. Социальная эффективность организационно-экономических решений, влияющих на развитие высшей школы в регионах России // Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та. Серия: социально-экономические науки. — 2012. — №1.
26. Цифровизация за 500 млрд: как школьников отучат от бумажных учебников. РБК [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/20/06/2018/5af1a9f69a79478564b01d91>.

Поступила в редакцию

25 декабря 2018 г.

Колбачев Евгений Борисович — доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Kolbachev Evgueniy Borisovich — Doctor of Economics, Candidate of Engineering, Professor, head of «Production Management and Management of the Innovations» department of the South-Russian state Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-56-66, +7 (8635) 25-51-54
E-mail: kolbachev@yandex.ru

Пахомова Антонина Александровна — доктор экономических наук, профессор, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Pakhomova Antonina Aleksandrovna — Ph.D., Doctor of Economics, Professor, docent of the Production Management and Management of the Innovations department of the South-Russian State Polytechnic University (NPI).

341493, Ростовская обл., п. Персиановский, ул. Садовая, 78
78 Sadovaya st., 341493, Persianovskiy, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (961) 424-88-48; e-mail: tivano@yandex.ru

УДК 338.001.36+378.933
10.17213/2075-2067-2019-1-12-18

**ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ,
И ПУТИ ИХ СНИЖЕНИЯ**

© 2019 г. Л. В. Боровая

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск**

В статье описаны проблемы организации и развития инновационной системы высшей школы, связанные с высокими рисками для организаций-заказчиков. В статье рассмотрен мировой опыт страхования результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Сформулированы мероприятия, осуществление которых целесообразно в России для формирования системы страхования рисков, связанных с проведением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в высшей школе.

Ключевые слова: *высшая школа; научные исследования; риски; страхование; мировой опыт.*

The article describes the problems of organization and development of innovative system of higher education associated with high risks for customer organizations. The article considers the world experience of insurance of the results of research and development works. The activities are formulated, the implementation of which is advisable in Russia for the formation of a system of insurance risks associated with the research and development work in higher education.

Key words: *high school; research; risks; insurance; international experience.*

Любая инновационная деятельность осуществляется в условиях достаточно высоких рисков. Инновационная деятельность в российской высшей школе связана, кроме того, со специфическими рисками, обусловленными особенностями образовательных учреждений высшего образования. Некоторые из них связаны со спецификой российского законодательства, прежде всего — Федерального закона №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1].

Так, статьей 20 этого закона устанавливается цель инновационной деятельности в образовательных учреждениях: обеспечение модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, реализации приоритетных направлений государственной

политики Российской Федерации в сфере образования.

Той же статьей законодательно устанавливается понятие экспериментальной деятельности в образовательном учреждении как деятельности, направленной на разработку, апробацию и внедрение новых образовательных технологий, образовательных ресурсов, которая осуществляется в форме экспериментов, порядок и условия проведения которых определяются Правительством Российской Федерации.

В соответствии с этим законом организации, реализующие инновационные проекты и программы, признаются федеральными или региональными инновационными площадками и составляют инновационную инфраструктуру в системе образования, порядок формирования и функционирования которой

устанавливаются федеральным органом исполнительной власти.

Таким образом, статья 20 Закона [1] связывает инновационную деятельность и инновационную инфраструктуру высшей школы исключительно с развитием и модернизацией образовательной деятельности, что представляется, по меньшей мере, нелогичным в контексте декларируемых руководителями российского образования тенденций к встраиванию российских вузов в мировые тренды развития высшего профессионального образования [2, 3], которые связаны с исследовательской деятельностью университетов. Именно университеты в странах Запада являются основными исполнителями НИР, они выполняют функции, закрепленные в России за учреждениями науки РАН [4, 5].

В определенной мере это противоречие разрешается статьей 50 Закона [1], регламентирующей статус и требования к научно-педагогическим работникам. Эта статья гласит: «...В организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, предусматриваются должности педагогических работников и научных работников, которые относятся к научно-педагогическим работникам. Педагогические работники относятся к профессорско-преподавательскому составу указанных организаций...».

Эта же статья содержит отсылку к законодательству о науке и государственной научно-технической политике, но рассматривает научных работников вузов как выполняющих исследовательские функции и существующих в вузах параллельно с чисто педагогическими работниками. Однако «...Научные работники образовательных организаций наряду с правами, предусмотренными законодательством о науке и государственной научно-технической политике, обязаны: ... формировать у обучающихся профессиональные качества по избранной профессии, специальности или направлению подготовки; ... развивать у обучающихся самостоятельность, инициативу, творческие способности...» [1].

Основным документом законодательства о науке, к которому есть отсылка в Законе [1], является Федеральный закон №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической

политике» [6], который устанавливает в числе прочего положения об образовательной деятельности научной организации и о взаимодействии научной организации с образовательными организациями. В частности, статья 5 этого закона гласит: «...Научными организациями признаются юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, общественное объединение научных работников, осуществляющие в качестве основной деятельности научную и (или) научно-техническую деятельность...» [6].

О собственной образовательной деятельности научной организации в этой статье указывается: «...Научная организация вправе осуществлять образовательную деятельность по программам магистратуры, программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программам ординатуры, а также дополнительным профессиональным программам и программам профессионального обучения...» [6].

Этим же законом установлено, что научная организация может осуществлять сотрудничество с образовательными организациями высшего образования и координацию своей деятельности и деятельности таких образовательных организаций, в том числе на основе договоров, путем создания объединений научных организаций и образовательных организаций высшего образования в форме ассоциаций или союзов.

Таким образом, научная и образовательная деятельность рассматриваются в разных организационно-правовых полях, а инновационная деятельность связывается исключительно с развитием образовательных технологий. В этом случае нарушается фундаментальный принцип единства исследовательского и образовательного процесса — принцип, лежащий в основе деятельности университета, на основе которого в университете в ходе исследовательской деятельности генерируются новые знания и передаются студентам в ходе образовательной деятельности [7]. В контексте нашего исследования можно утверждать, что такое положение приводит к неустойчивости научно-инновационной деятельности и увеличивает риски, связанные с функционированием инновационной системы университета.

Такое положение усугубляется тем, что в сложившейся ситуации значительная часть вузовских НИР выполняется в рамках разовых грантов Российского фонда фундаментальных исследований и Российского научного фонда и во многих случаях носит нестабильный характер.

Такое неустойчивое положение вузовских исследователей обуславливает определенное недоверие к ним со стороны бизнеса, не желающего рисковать, финансируя НИР и ОКР, выполняемые в вузах, заключая договорные контракты на их выполнение.

Такое поведение предприятий и бизнес-групп, являющихся потенциальными заказчиками вузовских НИР и ОКР, вполне логично и присуще не только российскому бизнесу. Подтверждением этого является создание в странах-лидерах различных систем страхования рисков, связанных с проведением исследований поискового и прикладного характера [8]. Страхование может быть отнесено к финансовым институтам инновационной инфраструктуры.

В мировой практике страхование, связанное с НИР и ОКР, как правило, осуществляется по моделям страхования ответственности (профессиональной ответственности или ответственности за неисполнение обязательств), реже — по моделям страхования инвестиционных рисков [9].

Ситуация со страхованием R&D в странах Евросоюза обуславливается тем, что в 2016 году был принят документ «The EU competition rules on horizontal agreements» [10], позволяющий регулировать взаимодействие предприятий в области НИОКР. В нем описываются основные принципы страхования научных разработок предприятий, зарегистрированных на территории стран ЕС, а также уровни взаимодействия и распределения рисков [11].

В США широко распространены специальные страховые продукты по страхованию рисков R&D. Примером может служить компания «Chubb Group of Insurance Companies», специализирующаяся на страховании ответственности разработчиков, программного обеспечения, и компания AIG, предлагающая страховой продукт SPPI — страхование профессиональной ответственности проектировщика по отдельному проекту и др.) [11].

Подробный анализ зарубежного опыта создания и применения продуктов для страхования разработок и инновационной деятельности приведен в нашей более ранней работе [8]. Он представляется весьма позитивным, и внедрение его в условиях современной России вполне целесообразно. Однако решение этой задачи требует преодоления ряда барьеров организационного, технологического и ментального характера.

Следует иметь в виду, что в современной России практически отсутствует опыт страхования НИОКР за исключением некоторых специфических случаев (главным образом — страхование космических проектов). Однако целостная система страхования, обеспечивающая эффективную финансовую защиту экономических интересов как отдельных предприятий и организаций ракетно-космической промышленности, так и государства в целом, в стране не сформирована. Об отсутствии стабильной работы рынка ракетно-космической техники и услуг свидетельствуют, в частности, многомиллиардные финансовые потери государства при серии неудачных пусков в течение последних нескольких лет [12]. Определенный опыт страхования НИОКР есть в области фармацевтики, где работает компания «Ингосстрах» [13], но и здесь отсутствует целостная система страхования.

Определенный интерес представляют страховые продукты, с недавних пор предлагаемые на российском рынке западными страховыми компаниями. Упомянутая выше страховая компания AIG (США) представила на рынке России новый страховой продукт — страхование профессиональной ответственности проектировщика по одному проекту (SPPI — single project professional liability) — разновидность страхования профессиональной ответственности для проектировщиков, дизайнеров, инженеров и архитекторов, участвующих в одном проекте, где необходимо страхование профессиональной ответственности [14], страховая группа Allianz работает на российском рынке и предлагает страхование финансовых и коммерческих рисков, связанных с выполнением проектных работ [15].

Преодоление этих барьеров требует проведения ряда мероприятий, важнейшие среди которых следующие.

Требуется проведение большой информационно-просветительской работы среди организаций-исследователей и разработчиков с целью продвижения идеологии страхования исследовательских и проектных рисков.

Необходимо проведение исследований с целью систематизации мирового опыта страхования рисков, связанных с НИОКР, и разработки обоснованных нормативов страховых отчислений и выплат (актуарных нормативов) для страхования различных видов НИР и ОКР. В частности, необходимы исследования мирового опыта страхования R&D, выполняющиеся в университетах и исследовательских центрах при них

Важнейшей задачей государственного уровня является разработка и внесение дополнений в законодательные акты, перечисленные в начале данной статьи. Необходимо предусмотреть обязательное страхование рисков для определенных видов НИР и ОКР (например, оборонной тематики) и всех НИР и ОКР, выполняемых в образовательных учреждениях, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, а также в негосударственных образовательных учреждениях.

С точки зрения организации деятельности страхового бизнес-сообщества важно создание в рамках государственно-частного партнерства страховой компании, специализирующейся на страховании рисков, связанных с проведением НИР и ОКР, и выполняющей функции разработчика новых страховых продуктов для исследователей и разработчиков (с привлечением в качестве субподрядчиков этих работ университетов и других образовательных учреждений). Это представляется сложной задачей ввиду слабой мотивированности страховых организаций. Однако, в случае внесения в законодательные акты дополнений, предусматривающих обязательное страхование рисков для определенных видов НИР и ОКР (см. выше), эта проблема может быть преодолена в связи с возникновением соответствующего спроса.

Также для страховых организаций (для снижения их рисков) важно создание системы специализированного перестрахования, в которой компании-страховщики, страхующие риски страхователей-исполнителей НИОКР, разделяли бы риски с крупными страховыми

компаниями, имеющими ресурсы и опыт работы по страхованию, связанному с НИОКР. Для этого целесообразно перестраховщикам объединяться на основе договора о совместной деятельности в специализированные просты товарищества (перестраховочные пулы).

Очевидно, что решение этих задач — длительный и сложный процесс, поэтому следует рассмотреть мероприятия организационного характера по снижению рисков, которые могли бы быть реализованы в условиях университетов. На наш взгляд, это создание системы обращения с новыми знаниями, полученными в университете. Здесь за основу могут быть взяты идеи Е.В. Попова, М.В. Власова [16], А.В. Ефимова [17] и разработки О.Г. Голиченко по проблемам инновационного спилловера [18]. Кроме того, определенные шаги по снижению рисков заказчиков и их мотивации к размещению заказов на разработки в университетах могут быть сделаны в результате создания системы информационной работы с новыми знаниями на основе концепции «приоткрытых» инноваций, разработанной под руководством Р.М. Нижегородцева [19, 20].

В части обращения с новыми знаниями, формируемыми в университете в ходе инновационной деятельности, можно утверждать, что традиционная стратегия, основанная на том, что любое новое инженерное решение защищается патентами и другими документами, предполагающими приоритетность прав собственника на нематериальные активы, отвечала реальностям Экономики 3.0. Как показано в исследовании [20], такой подход согласуется с логикой маржиналистской доктрины, побуждающей искать источник ценности благ в их редкости, в их недоступности для агентов. Существует мнение [21] о том, что Экономике 4.0 должна быть присуща стратегия «открытых» инноваций, при которой инженерные и другие решения находятся в свободном доступе и любой экономический агент может их копировать и использовать. В этих условиях блага становятся тем дешевле, чем более массово они используются. При этом наиболее полезными должны стать блага, распространение которых ничем не ограничено. На наш взгляд, такой подход в настоящее время неприемлем для условий российской высшей школы (как и боль-

шинства производственных компаний) ввиду незавершенности процессов становления Экономики 4.0 и отсутствия управленческих механизмов, которые защитили бы интересы разработчика в кратковременном периоде.

Как показал в своих исследованиях Р. М. Нижегородцев [20], реальной стратегией, на базе которой может быть выстроен инновационный процесс большинства современных компаний, может стать стратегия «приоткрытых» инноваций, при которой некоторые технические решения, созданные компанией, могут находиться во всеобщем доступе, тогда как другие закрыты для несанкционированного копирования и использования.

Такой подход представляется наиболее приемлемым для условий современного российского технического университета, в котором необходимо найти сочетание защиты новых знаний, созданных в ходе инновационной деятельности и имеющих перспективы коммерциализации, и распространения их в соответствии с миссией университета и в целях информирования представителей бизнеса и других экономических агентов о возможностях их использования.

В исследовании [22] показано, что стратегия приоткрытых инноваций хорошо согласуется с современными концепциями жизненных циклов нововведений, состоящих из определенной последовательности этапов, ряд которых разработчик может сделать открытым для пользователей, тогда как другие этапы (как протекающие в них процессы, так и результаты их прохождения) окажутся закрытыми для внешних агентов.

Для практического применения стратегии приоткрытых инноваций в вузовских условиях необходимо разработать метод классификации информации о новых разработках и результатах исследований, на основе которого формируется «открываемая» часть этой информации. Для решения этой задачи представляется целесообразным воспользоваться подходом, представленным в исследовании [20], где описано применение стратегии приоткрытых инноваций для наукоемких корпораций. Опираясь на эти представления, можно разработать подходы к применению данной стратегии в высшей школе, рассматривая университет как специфический вид наукоемкой корпорации.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что для снижения рисков, связанных с функционированием инновационной системы высшей школы, необходимо решить задачи как на уровне государства (изменения в законодательстве и другой нормативной базе, формирование условий для развития системы страхования результатов НИОКР), так и на уровне отдельных университетов. Во втором случае в качестве методологической основы решения этих задач целесообразно применять стратегию приоткрытых инноваций.

Литература

1. Федеральный Закон №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Российская школа должна давать хорошее базовое образование / Интервью министра образования О. Васильевой [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://alexandr-palkin.livejournal.com/5502606.html>.
3. М. Котюков: мы тратим на исследования 1% ВВП, этот объем надо увеличивать [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.ntv.ru/video/1673800/>.
4. Щучинов О. С., Ладыжец Н. С. Современные концептуальные подходы к проблеме повышения эффективности управления наукой в западных университетах // Вестник Удмуртского университета, 2009. — №1. — С. 3–10.
5. Липатникова Г. И. Документы по истории университетов Европы [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XII/Univers/vved.phtml?id=6006>.
6. Федеральный закон №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».
7. Кларк У. Академическая харизма и истоки исследовательского университета / Пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. — М.: ВШЭ, 2017. — 752 с.
8. Боровая Л. В., Гарькуша В. Н., Комиссарова М. А. Мировой опыт страхования рисков, связанных с проведением НИР и ОКР, и пути его развития в инновационных системах российской высшей школы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2018. — №5.

9. Insurance Regulation in the United States and the European Union. A Comparison / Martin Eling, Robert W. Klein and Joan T. Schmit. November 2009. [Электронный ресурс] / Independent policy report. — Режим доступа: http://www.independent.org/pdf/policy_reports/2009-11-05-comparison.pdf.
10. The new EU Competition Rules on Horizontal Cooperation Agreements. A. Boutin, A. Emanuelson, H. Leupold and D. Woods [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://ec.europa.eu/competition/publications/cpn/2011_1_2_en.pdf.
11. Материалы сайта «Gov НК» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.info.gov.hk>.
12. *Стивак А.Д.* Организационно-технические мероприятия по совершенствованию системы страхования рисков при осуществлении космической деятельности в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — Т. 9, вып. 4.
13. Новости страхования. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://inguru.ru/strohanovanie_news_sh/ingosstrah... lekarstva.
14. Страхование ответственности проектировщика по одному проекту. [Электронный ресурс] — Режим доступа: aig.ru/why-aig/spri.
15. Общие правила страхования финансовых и коммерческих рисков. ОАО СК «Альянс» от 29 ноября 2013 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: [allianz... docs20180725141211.pdf](http://allianz.ru/include... allianz... docs20180725141211.pdf).
16. *Попов Е.В., Власов М.В.* Институциональное проектирование генерации знаний. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. — 258 с.
17. *Ефимов А.В.* Управление знаниями как фактор устойчивого развития в промышленности // Друкерровский вестник. — 2014. — №4.
18. *Голиченко О.Г.* Методологические основы исследования процессов национальной инновационной системы // Друкерровский вестник. — 2014. — №3. — С. 22–35.
19. *Нижегородцев Р.М.* Основы теории инноваций. — М.: Доброе слово, 2011. — 88 с.
20. *Нижегородцев Р.М.* Управление изменениями в наукоемкой компании: стратегия «приоткрытых инноваций // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2015. — №3. — С. 16–23.
21. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. / Пер. с англ. — М.: Academia, 1999.
22. *Нижегородцев Р.М., Витушкина Т.П.* Формирование и использование инновационных компетенций как инструмент управления жизненными циклами технологических нововведений // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2014. — №6. — С. 5–14.

Поступила в редакцию

25 декабря 2018 г.

Боровая Лариса Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора ИМО ЮРГТУ (НПИ), доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Borovaya Larisa Vladimirovna — candidate of economic Sciences, Deputy Director of the Institute of International education SRSPU (NPI), associate Professor of the Department of Production and innovation management of South-Russian state Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-55-68; e-mail: imo.npi.tu@gmail.com

УДК 338.49

10.17213/2075-2067-2019-1-19-25

СУЩНОСТЬ И РОЛЬ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

© 2019 г. Н. Н. Булатова

*Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
г. Улан-Удэ*

В статье рассмотрена сущность и роль транспортной инфраструктуры в социально-экономическом развитии региона. Предложен алгоритм изучения исследуемой научной категории в части определения основных элементов, признаков, характеристик, каналов и моделей транспортного сообщения. Определены количественные и качественные характеристики транспортной инфраструктуры, важность которых связана с тем, что при любом их изменении можно изменить доступность транспортных услуг для хозяйствующих субъектов и уровень мобильности населения. Представлены сравнительные характеристики различных каналов транспортного сообщения (видов транспорта).

Ключевые слова: транспортная инфраструктура; социально-экономическое развитие региона; каналы транспортного сообщения; виды транспорта.

The article discusses the nature and role of transport infrastructure in the socio-economic development of the region. An algorithm for studying the scientific category under study in terms of determining the basic elements, features, characteristics, channels and models of transport communication is proposed. The quantitative and qualitative characteristics of the transport infrastructure are determined, the importance of which is related to the fact that with any change they can change the availability of transport services for businesses and the level of population mobility. The comparative characteristics of the different transport links (modes of transport) are presented.

Key words: transport infrastructure; socio-economic development of the region; transport channels; types of transport.

Для экономического пространства Российской Федерации можно отметить характерный высокий уровень региональной дифференциации социально-экономических систем, который проявляется различиями в качестве жизни населения, темпах экономического роста. Данная дифференциация проявляется в результате [5]:

— объективных факторов указанного неравенства (ресурсным потенциалом, географическим положением и др.);

— субъективных факторов (результативностью деятельности региональных органов

государственной власти, эффективностью использования ресурсов и др.).

При этом региональные различия ограничивают обеспечение высоких показателей деятельности, темпов роста региональной и национальной экономики, в результате чего ключевой задачей формирования единого экономического пространства нашей страны можно назвать пространственную интеграцию регионов России и преодоление межрегиональной дифференциации, а это невозможно при отсутствии устойчивых сбалансированных межрегиональных взаимосвязей [6].

При этом достаточный уровень межрегионального обмена возможен лишь при наличии соответствующей инфраструктуры. Существует множество точек зрения в отношении значений термина «региональная инфраструктура». По мнению отдельных ученых, инфраструктура региона представляет собой совокупность производственных отношений и производительных сил, которая состоит из материальных, рыночных, трудовых составляющих, ориентированных на формирование благоприятных условий для поступательного развития экономики и жизнедеятельности индивидуумов [11].

Согласно позиции других экономистов инфраструктура региона — это производственная подсистема, которая характеризуется принципами системности, универсальности, ресурсоемкости, неделимости, долговечности, утилитарности, где в качестве результата деятельности выступают услуги непроизводственного и производственного характера, посредством которых обеспечиваются особо значимые условия функционирования общественного хозяйства [10].

Несмотря на некоторые отличия, общим для всех точек зрения является то, что региональную инфраструктуру можно назвать обязательным элементом региональной социально-экономической системы. Исследования экспертов и аналитиков Всемирного банка (ВБ) демонстрируют, что в современной экономике развитие инфраструктурных объектов определяет качество жизни населения и темпы экономического роста промышленности региона [9].

Влияние инфраструктуры на социально-экономическое развитие определяется ее территориальными функциями, при этом классификация инфраструктуры по функциональному признаку позволяет выявить следующие ее виды: производственную, финансовую, энергетическую, информационную, транспортную, институциональную [1].

Можно отметить также взаимосвязанность и взаимозависимость разных видов инфраструктур, причем для развития любого ее вида необходимо наличие транспортного сообщения, что позволяет выделить транспортную инфраструктуру (далее — ТИ) как центральную и ключевую, создающую условия для поступательного роста производства,

активизации личного потребления и товарообмена, эффективного развития территорий.

Согласно традиционному мнению экономистов транспортную инфраструктуру региона можно назвать связующим элементом в региональных процессах производства, обмена, распределения и потребления, поэтому упорядочивание материальных потоков (грузо- и пассажиропотоков) оказывает влияние на существенную долю расходов на производство и реализацию продукции, что позволяет обеспечить эффективное развитие региональной экономики [8]. Это подтверждается также экспертами Организации Экономического Сотрудничества, которыми было проведено исследование, показавшее, что развитие инфраструктуры позволяет получить существенный мультипликационный эффект как на региональном, так и на межрегиональном и национальном уровнях [12].

В результате инвестиционных вложений, например, в объекты транспортной инфраструктуры происходит:

- развитие межрегиональной и межотраслевой кооперации;
- активизация развития торговли и предпринимательства;
- снижение дифференциации доходов населения за счет увеличения рабочих мест;
- выравнивание региональных диспропорций: депрессивные территории развиваются более интенсивно;
- превращение в центры агломераций крупных городов;
- развитие пригородов, в которые переносится часть производств;
- повышение уровня занятости населения, снижение безработицы;
- повышение качества жизни, социальных и экономических условий жизни депрессивных территорий, моногородов за счет оптимизации транспортных потоков;
- увеличение спроса на оборудование для объектов транспортной инфраструктуры, транспортную технику, строительные материалы, металлопрокат и т. д.;
- формирование региональной и межрегиональной системы грузовой логистики;
- создание межрегиональных и международных партнерств и стратегических альянсов, которые повышают конкурентоспособность регионов;

— развитие интермодальных перевозок на основе информационных технологий и преобразования региональной экономики;

— интеграция субъектов региональной экономики в мировую экономическую систему.

То есть достижение высоких темпов экономического роста регионов может быть осуществлено на базе транспортно-инфраструктурного обеспечения внутрирегионального и межрегионального обмена различными видами ресурсов: трудовых, материальных, финансовых, сырьевых [7]. Кроме того, транспортная инфраструктура обладает ярко выраженным региональным характером, так как все ее составляющие привязаны к определенной территории.

Уровень обеспеченности региона объектами транспортной инфраструктуры является основополагающим условием производственной деятельности региональных предпринимательских структур, поскольку данный уровень должен соответствовать уровню регионального социально-экономического развития. Это связано с тем, что чем выше несоответствие транспортного и производственного потенциала в регионе, тем менее эффективно будет происходить развитие производственной, финансовой, технологической, социальной сфер региона, потому что будет затруднено перемещение всех видов ресурсов.

Необходимо отметить, что в настоящий момент сущность ТИ региона представляется как совокупность транспортных компаний и объектов различных видов транспорта, указывая на выполняемые ТИ транспортно-логистических функции [3].

Изучение научной категории ТИ рассмотрено нами в следующей последовательности:

- основные элементы;
- признаки;
- характеристики;
- каналы и модели транспортного сообщения.

1. Основными элементами современной ТИ можно назвать:

— каналы транспортного сообщения, содержание и развитие которых находится в ответственности органов государственной власти и предприятий с участием государственной собственности (различные виды транспорта: железная дорога, автомобиль-

ные дороги, водные ресурсы, воздушное пространство, трубопроводы);

— совокупность государственных и частных хозяйствующих субъектов, которые осуществляют транспортно-распределительную деятельность на территории региона;

— совокупность частных предприятий сферы услуг, которые обеспечивают бесперебойность операционных и технологических процедур в отношении транспортно-распределительной сферы.

При этом взаимодействие всех элементов региональной ТИ представляется сложным механизмом, использующим современные принципы и инструменты системного подхода, которые должны быть направлены на обеспечение поступательного развития единой социально-экономической региональной системы посредством установки и решения четких задач для транспортной инфраструктуры. Кроме того, развитие транспортной инфраструктуры и взаимодействие ее отдельных элементов должно быть обеспечено достаточным набором ресурсов и возможностей, достижение и распределение которых реализуется путем согласования частных и государственных интересов в развитии экономики регионов.

2. В соответствии с предлагаемым определением необходимо выделить следующие основополагающие признаки современной региональной ТИ:

— наличие совокупности взаимосвязанных государственных и частных экономических систем, что подразумевает участие органов государственной власти в развитии транспортного обеспечения территорий;

— рациональная организация транспортно-распределительных функций, что подразумевает развитие конкурентных отношений в сфере оказания транспортного обеспечения территорий, раскрывает особенности путей оптимизации способов хозяйствования в условиях развития транспортных сетей и сетевых транспортных компаний. Каждый регион формирует свои условия хозяйствования, в рамках которых могут формироваться разные направления экономической активности хозяйствующих субъектов;

— единство метрологических норм и требований, позволяющее унифицировать межрегиональные и региональные хозяйственные

отношения, которое является важным условием и признаком региональной транспортной инфраструктуры, т.е. условием экономически эффективного развития транспортной инфраструктуры является единство в развитии отношений ее внутренних составляющих [2].

3. Все характеристики ТИ можно разделить на количественные и качественные.

К основным количественным характеристикам ТИ региона относятся:

— объем транспортных услуг, который отражает полноту реализации экономических взаимосвязей внутрирегиональных, межрегиональных, международных материальных потоков, а также возможности перемещения населения для удовлетворения социальных и производственных потребностей, сбытовые возможности ТИ (зона охвата рынка);

— стоимостные характеристики: транспортные тарифы и цены, отражающие возможности регулирования производимых на территории региона продуктов и услуг, в себестоимость которых включаются транспортные услуги, что влияет на уровень конкурентоспособности продукции;

— скорость транспортного сообщения, которая отражает возможности изменения скорости оборачиваемости финансовых ресурсов организаций, экономии времени (не восполняемого ресурса).

К качественным характеристикам ТИ можно отнести:

— технологическую доступность объектов ТИ, которая отражает возможности территориального развития социально-экономической системы;

— предсказуемость, своевременность, ритмичность и регулярность транспортных услуг, что отражает возможности оптимизации величины страховых материальных запасов на складах предприятий, обеспечения непрерывности производственного процесса;

— безопасность ТИ, что отражает условия деятельности специальных служб, правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб, подразделений гражданской обороны, направленные на снижение террористических рисков, повышение региональной (общенациональной) безопасности;

— экологичность ТИ, характеризующая уровень негативного воздействия на окружающую среду.

Важность указанных характеристик заключается в том, что при любом их изменении можно изменить доступность транспортных услуг для хозяйствующих субъектов и населения, уровень мобильности (транспортной подвижности) населения, что способствует в том числе трудовой миграции, деловой активности, качеству жизни населения, сближению удаленных друг от друга территорий, обеспечению процессов развития региональной социально-экономической среды и в конечном итоге — полноте реализации экономических взаимосвязей внутрирегиональных, межрегиональных, международных материальных потоков.

4. Каналы и модели транспортного сообщения и их оптимальное сочетание на территории региона представляют собой немаловажное условие поступательного развития социально-экономических систем региона. Основой формирования оптимального сочетания на территории региона каналов транспортного сообщения служит информация о характерных особенностях различных видов транспорта [4].

Основные достоинства и недостатки железнодорожного, автомобильного, водного и воздушного видов транспорта (табл. 1).

При решении вопросов размещения, кооперирования и специализации производства при развитии производительных сил в условиях рынка должен быть учтен транспорт как региональный фактор развития экономики. Это дает возможность достигать высоких результатов и в сфере производства, и в сфере обращения с наименьшими транспортно-слагающими затратами.

Таким образом, роль ТИ можно объяснить, в первую очередь, отраслевой структурой экономики региона, за счет ТИ поддерживается и упрощается предпринимательская деятельность, обеспечивается географическая доступность региона. Данное утверждение можно отнести к региональному, национальному, международному бизнесу. Каналы транспортного сообщения, являясь ключевым элементом во внутрифирменной и отраслевой кооперации, играют ключевую роль в интеграции товарных рынков региона, снабжая субъектов рынка физическим доступом ко всем компонентам региональной экономической системы.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что ТИ является «жестким» элементом региональной инфраструктуры, поэтому неравномерность транспортной инфраструктуры ограничивает развитие единого экономического регионального пространства и сдерживает расширение межотраслевого взаимодействия.

Регионы нашей страны различаются многообразием экономического, природного, человеческого потенциала, уровнем инновационного развития, отраслевой структурой, социально-демографическим составом и специализацией производства, в том числе уровнем развития транспортной инфраструктуры. ТИ

можно назвать ключевым сектором экономики, который имеет тесные взаимосвязи со всеми элементами социальной сферы и экономической системы региона. Развитие ТИ региона позволяет обеспечить сближение удаленных друг от друга территорий, укрепить территориальное единство государства, сформировать оптимальные условия для реализации потенциальных социальных и экономических возможностей каждого региона, причем в условиях дальнейшего регионального развития расширения его внешних и внутренних транспортно-экономических взаимосвязей, повышения уровня жизни населения и увеличения объемов производства значение региональной

Таблица 1

**Сравнительные характеристики различных каналов транспортного сообщения
(видов транспорта)**

Канал транспортного сообщения	Достоинства	Недостатки
Железнодорожный транспорт	Доставка грузов на большие расстояния, организация погрузо-разгрузочных работ, регулярность рейсов, низкая себестоимость	Отсутствие возможности перевозки грузов до конечного потребителя, малое количество железнодорожных перевозчиков (низкая конкуренция)
Автомобильный транспорт	Высокая маневренность, соблюдение сроков, возможность доставки грузов маленькими партиями	Небольшая грузоподъемность, высокий риск потери груза (угон, хищение), высокая себестоимость
Водный транспорт	Оптимальный вид для международных перевозок, большая грузоподъемность, низкая себестоимость	Маленькая скорость, нерегулярность, особые требования к упаковке и креплению грузов, зависимость от внешних условий (погодных, навигационных)
Воздушный транспорт	Высокая скорость, дальние расстояния, доступность отдаленных пунктов доставки, низкий риск потери груза	Высокая себестоимость, зависимость от погодных условий
Трубопроводный транспорт	Низкая стоимость и высокая экологичность транспортировки, возможность перевозки большого количества газа, нефти и нефтепродуктов, возможность прокладки трубопроводов на большие расстояния между любыми объектами, ритмичность поставок, бесперебойное снабжение потребителей	Специфичность грузов, высокая капиталоемкость, ограниченность доступа к данному виду транспорта малого и среднего бизнеса (монополизированность)

ТИ и ее роль в качестве системообразующей отрасли будет увеличиваться.

Многие ученые и политики признают наличие в нашей стране системного кризиса, обусловленного низким уровнем инновационности, падением ВВП, сырьевой моделью экономики, снижением цен на углеводороды, санкциями со стороны развитых государств, инфляционными процессами. Задача преодоления современного системного экономического кризиса состоит не столько в трансформации национальной экономики в направлении устойчивого развития, сколько в изменении источников экономического роста. В данной связи на первый план выходит роль государственной научно-промышленной политики, которая определяет наиболее перспективную базу развития и общую экономическую стратегию. Данные проблемы весьма остро ощущаются и на региональном уровне, усугубляясь дифференцированным уровнем социально-экономического развития.

Приоритетное функционирование сырьевых отраслей, являющихся в данный момент ключевыми в экономике России и придающих определенную устойчивость, не способно надолго и кардинально решить задачу экономического подъема нашего государства. Основой регионального экономического роста субъектов Российской Федерации, особенно в сибирских и дальневосточных регионах, выступает развитие инфраструктуры, прежде всего, транспортной, в которой в равной степени нуждаются и государство, и бизнес. Без хорошо налаженной системы перевозок грузов и пассажиров невозможно осуществление крупномасштабных проектов, а также программ социально-экономического развития регионов.

Литература

1. Акбулатов Т.Э. Алгоритм оптимизации социальной и транспортной инфраструк-

туры северных регионов // Вестник СибГАУ. — 2012. — №3. — С. 136–139.

2. Булатов Р.В. Траектория развития транспортной инфраструктуры региона // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. — 2015. — №2 (54). — С. 244–247.

3. Булатова Н.Н., Тихонова П.В. Теоретические подходы к исследованию региональной транспортной инфраструктуры/ Экономика и предпринимательство. — 2017. — №12 (4). — С. 449–455.

4. Гаджинский А.М. Логистика. — М.: Дашков и К, 2013. — 420 с.

5. Львов Д.С. Экономика развития. — М.: 2002. — 512 с.

6. Малахова Т.П. Особенности межрегиональной дифференциации инфраструктурных условий внешнеторговой деятельности в России // Известия ИГЭА. — 2011. — №4. — С. 142–145.

7. Максимов А.Б. Транспортная инфраструктура регионов // Известия ИГЭА. — 2007. — №1. — С. 30–33.

8. Монастырный Е.А., Чистякова Н.О. Структурно-функциональная модель подсистемы «Инфраструктура» в региональной инновационной системе. // Инновации. — 2007. — №6 (104).

9. Официальный сайт «Центр экономики инфраструктуры» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://infraeconomy.com/>.

10. Филонич В.В. Сущность и роль инфраструктурных секторов в обеспечении социально-экономического развития региона // Пространство экономики. — 2013. — №1–2. — С. 104–107.

11. Physical infrastructure development: balancing the growth, equity and environmental imperatives. W. Asher, C. Crypp (eds.). — N.Y., 2010. — 271 p.

12. The wider economic benefits of transport: macro-, meso- and microeconomic transport planning and investment tools. — Paris, OECD, 2008. — 204 p.

Поступила в редакцию

24 ноября 2018 г.

Булатова Надежда Николаевна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика, организация и управление производством» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

Bulatova Nadezhda Nickolaevna — doctor of economic Sciences, Professor of the Department «Economics, organization and production management» of the East-Siberian state University of technology and management.

670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в, ФГБОУ «ВСГУТУ»
40v Kluchevskaya st., FSBEI «ESSUTM», 670013, Ulan-Ude, Russia
Тел.: +7 (901) 266-08-70; e-mail: bulatova_nad@mail.ru

УДК 331.101

10.17213/2075-2067-2019-1-26-36

**ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В УПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ТРУДА
(Окончание. Начало в №6 за 2018 год)**

© 2019 г. А. А. Водолазский

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск**

В статье представлена методика операционального измерения производительности труда и стимулирования ее роста. Для обоснования методики решались следующие задачи: исторически и социально-технологически обосновано, что базовой формой продукта для измерения производительности труда может быть только конечный продукт; разработаны способы измерения стоимости конечного продукта и формализованы способы измерения производительности; выведены формулы для обоснования теоретически объективных темпов роста (снижения) заработной платы по мере изменения производительности и сформулированы три правила об объективных соотношениях темпов роста производительности труда и заработной платы. Практическая достоверность методики проиллюстрирована на материалах промышленности России за 1998–2017 гг.

Ключевые слова: продукция валовая, чистая, конечная; производительность труда; выработка; зарплата; эффект сохранения и возрастания стоимости.

The article presents a method of operational measurement of labor productivity and stimulation of its growth. To substantiate the methodology, the following tasks were solved: historically and socially-technologically justified that the basic form of the product to measure productivity can only be the final product; developed methods for measuring the value of the final product and formalized methods for measuring productivity; derived formulas to justify theoretically objective growth rates (decline) of wages as productivity changes and formulated three rules on the objective ratio of growth rates of labor productivity and wages. The practical reliability of the method is illustrated by the materials of the Russian industry for 1998–2017.

Key words: production, gross, net, ultimate; productivity; output; wages; the effect of preserving and increasing cost.

3. Методы измерения стоимости конечного продукта

В экономической теории и хозяйственной практике существует два метода определения стоимости конечного продукта, один из которых можно назвать межотраслевым, а другой — внутриотраслевым. По межотраслевому методу величина стоимости конечного продукта определяется: 1) как валовая стоимость товаров и услуг тех отраслей,

где формируются потребительные стоимости, пригодные для непосредственного потребления [17]; 2) как разность между валовой стоимостью продукции отраслей, участвующих в создании натуральной формы конечного продукта, и стоимостью потребленных при их создании сырья и основных материалов, образующих повторный счет [18]; 3) как сумма валовой добавленной стоимости всех отраслей, создающих натуральный конеч-

ный продукт, и стоимости предметов труда, потребленных в начальном технологическом цикле [19]. Такой метод можно использовать для всего национального хозяйства и тех групп отраслей, где создаются продукты конечного потребления, но он не применим для предприятий и отраслей, создающих промежуточные продукты.

По внутриотраслевому методу величина стоимости конечного продукта определяется: 1) как сумма вновь созданной добавленной стоимости (чистой продукции) и начисленной за год амортизации основного капитала или как разность валовой продукции и стоимости промежуточных продуктов, т.е. текущих материальных затрат [15, 11, 14]. В таком случае стоимость конечного продукта оказывается тождественной валовому внутреннему продукту (ВВП), и остается неясным: следует ли вообще определять конечный продукт, если есть ВВП? Тем не менее, внутриотраслевой метод является общепринятым для всех предприятий, независимо от того, какой продукт по натуральной форме они производят — промежуточный или конечный, а всеобщее признание этого метода объясняется, вероятнее всего, тем, что он прост и дает однозначный результат

(только не совсем ясно — это ВВП или конечный продукт?). При этом возникает еще один вопрос: совпадают ли оценки величины стоимости конечного продукта по межотраслевому и внутриотраслевому методу, а если нет, то как разрешить эту проблему?

Чтобы оценить степень совпадения величины стоимости конечного продукта по отраслевому и межотраслевому методу, была составлена таблица взаимодействия трех отраслей, итогом работы которых является конечный продукт в виде станков для обработки различных материалов (дерева, металла и т.п.). Количественные значения элементов валовой продукции в таблице взяты произвольно, но структура затрат и результатов производства, т.е. соотношения между элементами стоимости валовой продукции, приблизительно соответствуют пропорциям, сложившимся в промышленности России в 2004 г. (это последний год, за который Росстат публиковал структуру затрат и результатов производства по отраслям промышленности).

По данным таблицы 1 определяем стоимость конечной продукции:

по межотраслевому методу:

1) это стоимость готового к использованию станка — 380 ден. ед.;

Таблица 1

Технология образования конечной продукции трех отраслей, ден. ед.

№	Элементы структуры затрат и результатов	Добыча и обогащение металлической руды	Выплавка и обработка металла	Производство станков	Всего по трем отраслям
1	Чистая продукция (вновь созданная стоимость)	40	80	112	232
2	Годовая амортизация основного капитала	10	15	18	43
3	Валовая добавленная стоимость (1 + 2)	50	95	130	275
4	Вспомогательные материалы и энергия	50	25	30	105
5	Сырье и основные материалы	—	100	220	320
6	Все материальные затраты (2 + 4 + 5)	60	140	268	468
7	Валовая продукция (1 + 6)	100	220	380	700

2) это разность валовой продукции и стоимости сырья и основных материалов, образующих повторный счет ($700 - 320 = 380$ ден. ед.);

3) это сумма валовой добавленной стоимости трех отраслей и стоимости сырья в первой отрасли, в которой оно использовалось: $275 + 100 = 375$ ден. ед. (разница со стоимостью станка 1,3%);

по внутриотраслевому методу:

1) это сумма чистой продукции (вновь созданной стоимости) и годовой амортизации основного капитала по итогу трех отраслей: $232 + 43 = 275$ ден. ед.;

2) разность валовой продукции и стоимости промежуточного продукта по итогам трех отраслей: $700 - (320 + 105) = 275$ ден. ед. (разница со стоимостью станка 27,6%).

Объективной является, безусловно, оценка конечной продукции по стоимости продукта, готового к использованию, т.е. стоимость станка в 380 ден. ед. Общепринятый внутриотраслевой метод определения стоимости конечного продукта недооценивает его реальный объем на 26,7%, а межотраслевой — на 1,3%, то есть он точнее в 20 раз, но использовать этот метод на предприятиях невозможно.

Как уже говорилось, стоимость конечного продукта любой натуральной формы создается поэтапно долями от одного технологического звена к другому и получает свое завершение на заключительном этапе (предприятии), где создается последняя доля его стоимости и оформляется его натуральная форма (потребительная стоимость). Носителем этих накапливаемых долей стоимости является первичное сырье, которое подвергается все более и более глубокой переработке (руда, металл, прокат, детали, двигатель и т.д.) и в конечном итоге превращается в продукт личного потребления или средство (орудие) труда. Следовательно, необходимо найти метод определения долей стоимости конечного продукта на любом предприятии, участвующем в его создании, включая заключительный этап, где вместе с последней долей стоимости создается и конечная потребительная стоимость, т.е. необходим внутрифирменный метод учета стоимости конечного продукта.

Доля стоимости конечного продукта (конечной продукции) на любом предприятии

зависит от трех составляющих: валовой продукции, чистой продукции и стоимости потребленных материальных средств. Чем больше валовая и чистая продукция предприятия, тем больше должна быть конечная продукция. Ограничителем роста конечной продукции является стоимость потребленных материальных средств.

Для доказательства данного утверждения рассмотрим следующую ситуацию. Представим, что проводится контрольный хронометраж работы двух рабочих-станочников, работающих в абсолютно одинаковых условиях и имеющих задание в течение рабочего дня выточить четыре детали общей стоимостью четыре тысячи денежных единиц, необходимые для производства станка, то есть конечного продукта. Каждый рабочий получает по четыре заготовки и, прежде чем начать их обработку, должен проверить их качество на дефектоскопе. Допустим, что первый рабочий изготовил четыре детали, использовал четыре заготовки и сэкономил какое-то количество электроэнергии и вспомогательных материалов; второй рабочий, обрабатывая первую заготовку, обнаружил в ней дефект, вынужден был использовать еще одну заготовку, но все же выточил в срок четыре детали и не превысил норму расхода других материалов.

Таким образом, при одинаковом натуральном результате (четыре детали) материальные затраты на их производство у двух рабочих оказались разные. У второго рабочего обнаружилась одна некачественная заготовка, при этом не имеет значения, где был допущен брак — при изготовлении заготовки и этот брак второй рабочий не обнаружил при дефектоскопии или это было нарушение технологии процесса обработки самим рабочим. В любом случае это следствие недостаточно высокого качества труда (профессионализма) рабочих на всех этапах создания конечного продукта и следующих за этим нарушений технологических процессов, вызывающих перерасход материальных ресурсов (неэффективное использование результатов прошлого труда).

Степень экономии или перерасхода материальных ресурсов в сравнении с технологическими нормами, а, следовательно, и меру качества труда можно выразить через коэф-

коэффициент эффекта сохранения прошлой стоимости, выразив его в виде отношения чистой продукции к стоимости потребленных материальных ресурсов. При этом за счет экономии прошлой стоимости произойдет увеличение вновь созданной стоимости, степень роста которой можно оценить с помощью коэффициента возрастания стоимости, выразив его в виде отношения валовой продукции к стоимости потребленных материальных ресурсов. В таком случае объем конечной продукции любого предприятия можно определить по формулам:

$$КП = ВП \times (ЧП/СМР) = ВП \times \text{ЭФСС}, \quad (1)$$

$$КП = ЧП \times (ВП/СМР) = ЧП \times \text{ЭФВ}, \quad (1a)$$

где КП, ВП, ЧП — продукция предприятия конечная, валовая и чистая; СМР — стоимость потребленных материальных ресурсов, включая амортизацию основного капитала; ЭФСС (ЧП/СМР) — эффект сохранения стоимости; ЭФВС (ВП/СМР) — эффект возрастания стоимости.

Содержание всех элементов формул (1) и (1a), за исключением ЭФСС и ЭФВС, хорошо известно. Но содержание коэффициента ЭФВС (ВП/СМР) самоочевидно — это отношение самостоятельных (независимых) форм продукта, которое является показателем количественного роста стоимости. С содержанием коэффициента ЭФСС не все самоочевидно. Отношение ЧП/СМР нельзя рассматривать как отношение самостоятельных форм продукции, потому что они являются структурными частями валовой продукции и могут изменяться при неизменной ве-

личине последней, выступая, таким образом, показателем изменения качества труда.

Раскроем экономическую сущность ЭФСС, представив итог работы двух рабочих в стоимостном (денежном) выражении в таблице 2.

Для каждого конкретного вида деятельности формируется свой тип технологии, нормальное соблюдение которого фиксирует соответствующий уровень ЭФСС (норматив). В данном примере нормативное значение ЭФСС = 0,5385 и, следовательно, норма расхода материалов на создание одной денежной единицы новой стоимости составляет 1,86 ден. ед. ($2600 : 1400 = 1,86$).

У первого рабочего значения коэффициента ЭФСС = 0,5873, т.е. больше нормативного, а это означает, что на создание одной денежной единицы новой стоимости используется прошлой стоимости меньше норматива, то есть 1,7 ден. ед. ($2520 : 1480 = 1,7$); у второго рабочего значения коэффициента ЭФСС = 0,3675, т.е. меньше нормативного, а это означает, что на создание одной денежной единицы новой стоимости используется прошлой стоимости больше норматива, то есть 2,72 ден. ед. ($2925 : 1075 = 2,72$).

Аналогичные процессы будут происходить и в динамике от одного периода времени к другому, но роль норматива для ЭФСС будет выполнять его значение в предыдущем периоде. При этом если ЭФСС возрастает, то это означает, что на создание новой стоимости, например, в 1 рубль, используется меньше прошлой стоимости; и наоборот, если ЭФСС снижается, то на создание новой стоимости в 1 рубль используется больше прошлой стоимости. В любом

Таблица 2

Структура стоимости произведенной продукции и влияние ее различий на величину конечной продукции (ден. ед.)

№	Показатели структуры произведенной продукции	Нормативы	Первый рабочий	Второй рабочий
1	Валовая продукция, в том числе:	4000	4000	4000
	а) чистая продукция	1400	1480	1075
	б) материальные затраты	2600	2520	2925
2	ЭФСС (1a : 1б)	0,539	0,587	0,368
3	Конечная продукция (1 × 2)	2154	2349	1470

случае рост коэффициента ЭФСС означает, что повышается качество живого текущего труда, который создает значительную часть вновь созданной стоимости за счет экономии прошлой стоимости, овеществленной в средствах производства, и тем самым увеличивает объем конечной продукции. При использовании показателя конечной продукции начнется реальная борьба за экономное расходование всех материальных ресурсов путем совершенствования качества труда; одновременно это будет и борьба за сохранение природных ресурсов.

Предлагаемый метод оценки конечной продукции доступен для использования любым предприятием, так как опирается на существующую базу экономических показателей; его можно назвать внутрифирменным и остается только понять, насколько он объективен. Для ответа на данный вопрос заимствуем часть данных из таблицы 1 и рассчитаем объем конечной продукции по формуле (1), представив весь расчет в таблице 3.

Из данных таблицы 3 видно: суммарная стоимость конечной продукции трех предприятий составила 351,2 ден. ед. (66,7 + 125,7 + 158,8), что меньше стоимости станка на 28,8 ден. ед или на 7,6%. Следовательно, предлагаемый (внутрифирменный) метод определения величины конечной продукции, во-первых, дает результат в 3,6 раза более точный, чем общепринятый; во-вторых, позволяет сформулировать операциональные определения производительности труда; в-третьих, открывает путь к решению главной проблемы: каким должно быть объективное соотношение между темпами роста производительности труда и заработной платы.

4. Теория пропорциональности между ростом производительности труда и заработной платы

Проблема соотношения темпов роста производительности труда и заработной платы является поистине глобальной. В наследство от плановой экономики Советского Союза современная Россия получила «единственный «закон», описывающий условия роста производительности труда, — это требование опережающего роста производительности труда по отношению к росту оплаты труда» [12]. В советский период установить теоретико-методологические предпосылки и меру связи роста производительности труда и заработной платы пытались, например, А. А. Глухов и В. М. Проскураков [20].

Архитектор рыночной реформы 1948 года в Западной Германии проф. Людвиг Эрхард считал, что для нормального развития рыночной экономики производительность труда должна расти быстрее роста заработной платы [21]. Для текущего этапа рыночных реформ в России также даются рекомендации о необходимости опережающего роста производительности труда в форме выработки валовой продукции по сравнению с ростом заработной платы [22, 23].

В устоявшейся рыночной системе хозяйства, например, в США, в короткие и длительные периоды времени заработная плата росла то быстрее, то медленнее производительности труда, и главная проблема состоит в том, чтобы найти способ установления закономерного условия пропорциональности между ними [15].

Решение данной проблемы всегда наталкивается на множественность форм продукта, на базе которых рассчитывают показатели

Таблица 3

Определение объема конечной продукции внутрифирменным методом, ден. ед.

№	Показатели	Добыча и обогащение металлической руды	Выплавка и обработка металла	Производство станков
1	Валовая продукция	100	220	380
2	Чистая продукция	40	80	112
3	Материальные затраты	60	140	268
4	ЭФССС (2 : 3)	0,667	0,571	0,418
5	Конечная продукция (1 × 4)	66,7	125,7	158,8

производительности труда, и чтобы начать решать проблему, ее следует предварительно упростить до крайне возможного предела. Таким пределом может служить ситуация, описанная в таблице 2, где двое рабочих работают один день и, следовательно, объем произведенной ими продукции есть одновременно и дневная производительность труда, выраженная в форме выработки: 1) натурального продукта; 2) валовой продукции; 3) чистой продукции; 4) конечной продукции. Для наглядности сведем все данные в таблицу 4.

Теперь допустим, что за дневную производительность труда установлен норматив заработной платы 700 рублей. Спрашивается, к какой же форме выработки относится установленный норматив заработной платы, и каким должен быть ее фактический размер? Если исходить из норм выработки натурального продукта и валовой продукции, то оба рабочих должны получить одинаковую заработную плату по 700 рублей. Но будет ли экономически оправдано и справедливо выплатить заработную плату обоим рабочим по 700 рублей? Нет и еще раз нет, потому что при одинаковом рабочем дне у них был одинаковый количественный, но разный качественный результат труда. Первый рабочий, вероятно, за счет более высокой квалификации не только выполнил установленную норму выработки, но при этом сэкономил материальных средств на 80 рублей, а второй рабочий перерасходовал материальных средств на 325 рублей, поэтому у первого рабочего заработная плата должна быть больше, чем у второго.

Не разрешает проблему неравенства зарплат при одинаковой выработке натурального продукта и валовой продукции использо-

вание и выработки чистой продукции. Различие выработки чистой продукции у двух рабочих лишь обозначает проблему: зарплата, вероятно, должна быть больше у того рабочего, у которого выше выработка, но насколько больше — установить невозможно.

Проблема выяснения причин неравенства в оплате труда является не локальной, а глобальной. Так, например, автор фундаментальной работы «Капитал в XXI веке» Т. Пикетти пишет: «Почему неравенство в трудовых доходах и особенно в зарплатах неодинаково в различных обществах и в различные эпохи? Согласно наиболее распространенной теории, все дело в своеобразной гонке преследования между образованием и технологиями» [24]. Из этой теории следует, что зарплата работника будет зависеть, с одной стороны, от технологии и количества труда, что предопределяет предельную производительность в виде производства максимально возможного количества валовой продукции (возрастание стоимости); и с другой — от квалификации труда, что предопределяет возможности повышения качества производственных процессов и экономного использования ресурсов (сохранение стоимости).

Чтобы формализовать эти зависимости заработной платы от результатов количества и качества труда, необходимо сначала оценить совокупный (общий) результат труда (его количества и качества) в форме продукта, измеряющего конечную производительность труда, то есть в форме выработки конечной продукции. Сделать это можно, используя формулы (1) и (1а), которые легко трансформируются в формулы (2) и (2а) оценки производительности труда:

Таблица 4

Дневная производительность труда рабочих, измеренная в разных формах выработки

№	Формы производительности труда	Нормативы	Первый рабочий	Второй рабочий
1	Выработка натурального продукта, штук	4	4	4
2	Выработка валовой продукции, рублей	4000	4000	4000
3	Выработка чистой продукции, рублей	1400	1480	1075
4	Стоимость материальных средств, включая амортизацию основного капитала, рублей	2600	2520	2925
5	Выработка конечной продукции, рублей	2154	2349	1470

$$\text{ВКП} = \text{ВВП} \times \text{ЭФСС} = \text{ВВП} \times (\text{ЧП}/\text{СМР}), \quad (2)$$

$$\text{ВКП} = \text{ВЧП} \times \text{ЭФВС} = \text{ВЧП} \times (\text{ЧП}/\text{СМР}), \quad (2a)$$

где ВВП и ВЧП — выработка продукции валовой и чистой как количественные меры промежуточной производительности труда; ЭФСС и ЭФВС — эффекты сохранения и возрастания стоимости как меры качества труда; ЧП и СМР — чистая продукция и стоимость потребленных материальных и приравненных к ним ресурсов в расчете на одного работника; ВКП — выработка конечной продукции или конечная производительность труда как базисная мера производительности и качества.

В динамике зависимости, выраженные в формулах (2) и (2a), можно представить в виде индексов формулами (3) и (3a):

$$\text{Ивкп} = \text{Иввп} \times \text{Иэфсс}, \quad (3)$$

$$\text{Ивкп} = \text{Ивчп} \times \text{Иэфвс}. \quad (3a)$$

Если бы процесс производства повторялся в неизменных условиях, а значит, при постоянных значениях коэффициентов ЭФСС и ЭФВС, то темпы роста выработки продукции конечной, валовой и чистой были бы одинаковыми, что можно выразить в виде промежуточных формул: если $\text{Иэфсс} = \text{Иэфвс} = 1$, то $\text{Ивкп} = \text{Иввп} = \text{Ивчп}$.

Из теоретически обусловленного операционального показателя производительности труда следует:

1) если ЭФСС повышается, то темп роста ВКП будет больше темпов роста ВВП и ВЧП;

2) если ЭФСС снижается, то темп роста ВКП будет меньше темпов роста ВВП и ВЧП;

3) если ЭФСС не меняется, то темп роста ВКП будет равен темпам роста ВВП и ВЧП.

От темпов изменения конечной производительности зависят и темпы изменения заработной платы, что можно формализовать в формулах (4) и (4a):

$$\begin{aligned} \text{ТОГ}'_{\text{зп/тек.пер.}} &= \text{Ивкп} \times \text{Иэфсс} = \\ &= \text{Иввп} \times \text{Иэфсс} \times \text{Иэфсс} = \\ &= \text{Иввп} \times \text{И}^2\text{эфсс}, \end{aligned} \quad (4)$$

$$\begin{aligned} \text{ТОГ}''_{\text{зп/тек.пер.}} &= \text{Ивкп} \times \text{Иэфвс} = \\ &= \text{Ивчп} \times \text{Иэфвс} \times \text{Иэфвс} = \\ &= \text{Ивчп} \times \text{И}^2\text{эфвс}, \end{aligned} \quad (4a)$$

где $\text{ТОГ}'_{\text{зп/тек.пер.}}$ — теоретически обоснованный темп изменения зарплаты: а) пропорционально индексу изменения выработки конечной продукции и индексу изменения качества труда по ЭФСС или б) пропорционально индексу изменения выработки валовой продукции и изменения квадрата индекса качества труда по ЭФСС; $\text{ТОГ}''_{\text{зп/тек.пер.}}$ — теоретически обоснованный темп изменения зарплаты: а) пропорционально индексу изменения выработки конечной продукции и индексу изменения качества труда по ЭФВС или б) пропорционально индексу изменения выработки чистой продукции и изменения квадрата индекса качества труда по ЭФВС.

В ходе исследования взаимосвязи динамики производительности труда и заработной платы были сформулированы три правила.

1. Если за определенный период сумма разности значений годовых коэффициентов ЭФСС больше единицы (положительная), а значит, повышается качество труда, то объективные, т.е. теоретически обоснованные темпы роста зарплаты должны быть больше темпов роста ВВП, ВЧП и ВКП, а темпы роста СМС должны быть меньше темпов роста ВКП, ВВП и ВЧП.

2. Если за определенный период сумма разности значений годовых коэффициентов ЭФСС меньше единицы (отрицательная), а значит, качество труда снижается, то объективные, т.е. теоретически обоснованные темпы роста зарплаты должны быть меньше темпов роста ВВП, ВЧП и ВКП, а темпы роста СМС должны быть больше темпов роста ВКП, ВВП и ВЧП.

3. Если за определенный период сумма разности значений годовых коэффициентов ЭФСС не меняется (равна нулю), а значит, качество труда остается неизменным, то объективные, т.е. есть теоретически обоснованные темпы роста зарплаты должны быть равны темпам роста ВВП, ВЧП, ВКП и СМС.

Теоретически обосновав форму продукта, которая достоверно измеряет производительность и качество труда, разработав методику оценки ее уровня и динамики, а также взаимосвязи с динамикой оплаты труда, остается подтвердить эту достоверность статистически, и можно будет считать доказанным, что выработка конечной продукции — это операциональный показатель производительности и качества труда.

5. Статистическая иллюстрация ответственности операционального определения производительности труда

Для проверки предлагаемой методики на достоверность с целью ее практического применения были использованы материалы Федеральной службы государственной статистики по отраслям (1996–2004 гг.) и видам экономической деятельности (2005–2017 гг.) в промышленности, опубликованные в статсборниках «Российский статистический ежегодник». Основной принцип отбора первичных статданных состоял в их сопоставимости в каждом из двух периодов и возможности пересчета отдельных показателей по единой методике, чтобы иметь объективно сравнимые данные. Итоговые результаты, сведенные в целом по промышленности России, представлены в таблице 5.

В 1998–2017 гг. промышленности в России прослеживаются периоды взлета и падения, причины которых тесно увязываются с динамикой операционального показателя производительности труда и составляющих его компонентов.

Очевидно, что в 1998–2004 гг. промышленность России развивалась более динамично, чем в последующие годы. В эти годы активно внедрялись новые способы производственно-коммерческой деятельности и улучшалось качество труда (свидетельством этого стал рост ЭФСС на 12,3%), экономно использовались материальные ресурсы (из всех компонентов операционального показателя производительности труда прирост потребленных материальных средств имеет наименьшее значение 32,7%, а прирост выработки конечной продукции имеет наибольшее значение 42,8%). Однако соот-

ветствующего вознаграждения работников за повышение качества и производительности труда не последовало: прирост фактической заработной платы 32,4% оказался ниже объективных теоретически обоснованных от 46,2% до 54,8,5%. Была нарушена первая закономерность стимулирования труда. Низкие темпы роста фактической заработной платы по сравнению с расчетными оптимальными темпами снизили творческую активность работников, что привело к ухудшению качества труда, затормозило скорость развития производства и замедлило рост рынка потребительских товаров и услуг.

В 2007–2013 гг. в развитии способов производственно-коммерческой деятельности в промышленности России происходил застой и ухудшение качества труда (свидетельством этого стало снижение ЭВСС на 10,0%), расточительно использовались материальные ресурсы (из всех компонентов операционального показателя производительности труда прирост потребленных материальных средств имеет наибольшее значение 13,5%, а прирост выработки конечной продукции имеет наименьшее значение — 10,6%). Была нарушена вторая закономерность стимулирования труда. Высокие темпы роста фактической заработной платы 11,5% были больше оптимальных теоретически обоснованных от 8,6% до 10,0%. Необоснованное завышение оплаты труда не приводит к активизации усилий работников к повышению производительности и качества труда, но может способствовать усилению инфляции.

Действенность третьей закономерности стимулирования труда наблюдалась на равенстве годовых темпов роста ВВП, ВЧП, ВКП и СМС (при неизменном значении ко-

Таблица 5

Динамика качества труда (ЭФСС по периодам) и среднегодовых темпов прироста производительности труда и заработной платы в промышленности России (в процентах)¹

№	Годы	ЭФСС, период	ВВП	ВЧП	СМС	ЗПФ	ВКП	ТОТЗП по эфсс	ТОТЗП по эфвс
1	1998–2004 гг.	12,3	34,3	39,7	32,7	32,4	42,8	54,8	46,2
2	2007–2017 гг.	–10,0	12,8	11,2	13,5	11,5	10,6	8,6	10

¹ Источники: Статсборники «Российский статистический ежегодник» за 2000–2018 гг.

эффициента ЭФСС), которые были равны теоретически обоснованным темпам заработной платы в отрасли машиностроения и металлообработки в 2002 г., в промышленности России в 2000 г. и в добыче полезных ископаемых в 2011 г.

Таким образом, тайна взаимосвязи темпов роста конечной производительности труда и заработной платы кроется в изменении качества труда, которое отражается в изменении значений коэффициентов ЭФСС и ЭФВС от одного периода к другому. Динамика значений коэффициентов ЭФСС и ЭФВС корректирует пропорции между ростом конечной производительности труда и заработной платы. Если же производительность труда измеряется в форме выработки валовой и чистой продукции (промежуточных показателей производительности труда), то коэффициентами, корректирующими соотношение темпов роста производительности и заработной платы, становятся квадраты изменения ЭФСС и ЭФВС.

Индексы изменений ЭФСС и ЭФВС являются теми коэффициентами пропорциональности, которые фиксируют пределы (верхний и нижний) возможного изменения заработной платы по мере изменения выработки конечной продукции. Только на базе конечной производительности труда можно установить экономически обоснованные пропорции изменения заработной платы относительно изменения производительности, а промежуточные формы производительности труда (валовая и чистая выработка) лишь упрощают процедуры расчетов темпов изменения заработной платы, что видно, в частности, из формул (4) и (4а).

Следующим шагом изучения данной проблемы является переход от относительных показателей динамики заработной платы к ее абсолютным значениям, что является предметом дополнительного исследования, которое в большей мере является социально-политическим, чем чисто экономическим.

Заключение

1. Измерение — это главнейшая операция, которая применяется людьми в практической деятельности. Более того, любая наука начинается с тех пор, как начинают измерять. Если мы не можем достоверно что-то изме-

рить, то это значит, что наши знания об этом очень малы и неясны.

2. Измерение производительности труда имеет существенное значение, если оно одновременно с полученным результатом фиксирует количественные и качественные условия его достижения, показывает возможные пути лучшего использования ресурсов. Практика современного измерения производительности труда на базе физического объема ВВП, выпуска и добавленной стоимости в постоянных ценах фиксирует лишь количественные параметры ее роста (снижения), не позволяет свести показатели производительности к сопоставимому значению и не дает информации о возможных способах роста, что как раз свидетельствует о неполном знании ее природы. Преодоление недостатков, присущих существующим способам измерения производительности труда, возможно на основе теоретического и методического обоснования операционального определения и показателя конечной производительности, представленного в статье.

3. Операциональные измерения производительности труда характеризуют качественные и количественные результаты труда и помогают, с одной стороны, определять параметры стимулирования труда, т.е. устанавливают верхний и нижний пределы роста (снижения) зарплаты, соответствующие росту (снижению) производительности, что направлено на сбережение человеческого фактора производства; а с другой — оценивать и определять направления совершенствования качества труда как способа экономии материального фактора производства и сбережения природных ресурсов.

4. Особо следует отметить, что статистическая иллюстрация операционального измерения производительности труда осуществлена на базе измерения всех показателей в текущих ценах. Если измерять производительность труда в постоянных ценах, то для сопоставимости следует и другие показатели (затраты, зарплату, прибыль и др.) тоже измерять в таких же постоянных ценах, а таких показателей в публичной статистике нет.

5. Всякое измерение неизбежно связано с погрешностями, порождаемыми несовершенством методов, поэтому предложенная в статье методика измерения производитель-

ности труда и стимулирования ее роста, безусловно, будет совершенствоваться в ходе новых исследований.

Литература

1. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 694 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 686 с.
3. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 725 с.
4. Кудрин А. Интервью на инвестиционном форуме «Россия зовет» 28.11.2018 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: ach.gov.ru>press_center/video/35219.
5. Синк Д. С. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.
6. Деминг Э. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. — 419 с.
7. Производительность труда «белых воротничков»: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступит. ст. В. В. Зотова. — М.: Прогресс, 1989. — 248 с.
8. Грейсон-мл. Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. — М.: Экономика, 1991. — 320 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
10. Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия. Гл. ред. А. М. Румянцев. — М.: «Советская Энциклопедия». — Т. 3. — 1979. — 624 с.
11. Большая экономическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2008. — 816 с.
12. Сулакишин С. С., Багдасарян В. Э., Колесник И. Ю. Государственное управление

в России и труд. Оплата, мотивация, производительность: Монография — М.: Научный эксперт, 2010. — 248 с.

13. Боговская Е. В., Водолазский А. А., Кравченко О. А. Экономические инструменты управления стимулированием роста производительности труда // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — №12. — С. 1461–1482.

14. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. — М.: ИНФРА-М, 2010. — Т. VI. — 826 с.

15. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. — М.: ИНФРА-М, 2007. — Т. XXXVI. — 940 с.

16. Большая Советская Энциклопедия. — М.: «Советская Энциклопедия», 1975. — Т. 19. — 648 с.

17. Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия. Гл. ред. А. М. Румянцев. — М., «Советская Энциклопедия», 1975. — Т. 2. — 560 с.

18. Леонтьев В. Экономическое эссе. Теории, исследования, факты и политика. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.

19. Валовой Д. В. Экономика абсурдов и парадоксов. — М.: Политиздат, 1991. — 431 с.

20. Глухов А. А., Проскураков В. М. Соотношение роста производительности труда и заработной платы в промышленности. — М.: «Экономика», 1972. — 150 с.

21. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Начала-Пресс, 1991. — 335 с.

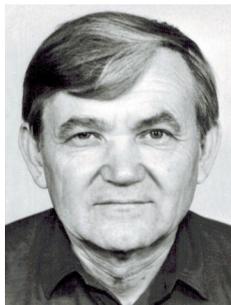
22. Ветлужских Е. Система вознаграждения. Как разработать цели и КРІ. — М.: Альпина Паблишер, 2014. — 218 с.

23. Ветлужских Е. Мотивация и оплата труда: Инструменты. Методика. Практика. — М.: Альбина Паблишер, 2016. — 149 с.

24. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.

Поступила в редакцию

21 августа 2018 г.

Водолазский Анатолий Арсентьевич — кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь. Автор исследований по методологическим проблемам экономической теории, производительности труда, экономического развития.

Vodolazsky Anatoly Arsenyevich — candidate of economic Sciences, associate Professor, independent researcher. Author of research on methodological problems of economic theory, labor productivity, economic development.

346411, г. Новочеркасск, ул. Народная, 4, кв. 53
4 Narodnaya st., app. 53, 346411, Novocherkassk, Russia
Тел.: 8 (8635) 22-52-99; 8 (918) 591-41-03; e-mail: volidiya@yandex.ru

УДК 33.012

10.17213/2075-2067-2019-1-37-43

О ЗНАЧЕНИИ КАТЕГОРИЙ «СИСТЕМА» И «СЕТЬ» В СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2019 г. Т. Н. Скоробогатова

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Обосновано применение сетевого подхода в современных экономических условиях. Проведено сравнение объединений, представленных в виде системы и сети. Показаны различия между социальными системами и социальными сетями.

Ключевые слова: *социально ориентированная экономика; система; сеть.*

The application of network approach in modern economic conditions is proved. The comparison of associations presented in the form of a system and a network is carried out. Differences between social systems and social networks are shown.

Key words: *socially oriented economy; system; network.*

Исторически осознанные действия человека связаны с системным подходом. Научно-технический прогресс, поднявший практическую деятельность от ступени ручного труда до автоматизации, определил его повсеместное применение. В условиях командно-административной экономики системный подход был незаменим, но в настоящее время уже наблюдается (конечно, наряду с системным подходом, роль которого никак не уменьшается) применение сетевого подхода по отношению к разным видам деятельности. Это во многом связано с уменьшением иерархичности связей (превалированием горизонтальных связей над вертикальными) и расширением партнерства. Такое положение отвечает тенденции поворота к социально ориентированной экономике. Действительно, именно в социально ориентированной экономике происходит переосмысливание отношений между хозяйствующими субъектами и переход от уровня сглаживания противоречий на более высокий уровень установления связей, направленных на реализацию общей цели развития. Хозяйствующие субъекты все чаще выступают в роли стейкхолдеров, сотрудничающих в интересах того или иного

объединения (чаще сетевой организации). В обрисованной ситуации объектом изучения ряда теоретиков и практиков становится сеть.

Целью статьи является рассмотрение некоторых положений, касающихся сети как объединения, становившегося все более популярным в условиях социально ориентированной экономики, и сравнения сети с системой — признанным классическим объединением.

К слову, отметим, что на сегодняшний день имеется большое количество определений понятия «система» (подробно об этом см. в работе [6]). На наш взгляд, трактовка термина должна учитывать основные свойства системы. Соответствующее определение дано, в частности, в работе советских авторов, представляющих систему как «совокупность взаимодействующих элементов, составляющих целостное образование, имеющее новые свойства, отсутствующие у ее элементов» [5]. По нашему мнению, система — целостная совокупность упорядоченно взаимосвязанных элементов, обладающая устойчивостью и интегративными качествами, нацеленная на развитие.

Некоторые авторы употребляют термин «система», характеризуя понятие «сеть» (се-

тевую организацию, сетевую структуру). Например, А. В. Олескин представляет сетевую структуру (в широком смысле) в качестве любых систем из элементов (вершин, узлов), где связи обозначаются как ребра (дуги) [4]. А. А. Глумов определяет сетевую структуру как систему элементов, объединенную для решения конкретных задач, где хотя бы два элемента связаны горизонтально и выполняют схожую функцию [2]. И. Д. Афанасенко и В. В. Борисова употребляют терминологию «сетевая система поставок» [1]. Считаем, что вышеперечисленные сочетания понятий «сеть» и «система» не совсем корректны.

Между сетью и системой имеется ряд отличий. Наиболее значимые из них представлены в нижеприведенной таблице.

Уточним, что в системе выделяются управляющая подсистема и управляемая подсистема. В сети может отсутствовать (например, в сети Интернет) или иметься (торговые, ресторанные или аптечные сети) управляющий орган. В последнем случае сети в организационном плане стоят ближе к системам.

Особого внимания требует тезис о внутренней конкуренции объединения. В системах такое соперничество может возникнуть между муниципальными образованиями в пределах определенной территории (как базы мезосистемы) или сотрудниками предприятия (основы микросистемы), выполняющими схожие функции. В сетях наиболее явно проявляется конкуренция за потребителя между торговыми предприятиями (предприятиями одной торговой марки) и предприятиями ресторанного хозяйства. Естественно, чем крупнее населенный пункт и лучше организованы транспортные коммуникации (а также транспортное обслуживание), тем названная конкуренция сильнее. Возможна и конкуренция между предприятиями-поставщиками, особенно когда поставка носит разовый характер, то есть заключение долгосрочного договора не предусматривается.

Различия между системой и сетью не исключают тесную связь между ними. Так, система может быть создана на базе сети (обратный процесс теряет смысл). В любом виде (видах) экономической деятельности система реально образуется на базе такой сети, как кластер.

Следует отметить, что системы и сети могут пересекаться. Например, на официальных

сайтах информационно-телекоммуникационной сети Интернет отражается информация ряда ЕИС: единой информационной системы закупок, единой информационной системы нотариата, единой информационной системы жилищного строительства и т.д. Во многих случаях сети шире систем, в первую очередь это касается сети предприятий (торговых, ресторанных и др.), каждое из которых представляет собой систему и входит в соответствующую сеть. В то же время, к примеру, транспортная система шире понятия «транспортная сеть». В частности, транспортная система города включает в себя улично-дорожную сеть, подвижной состав, ремонтную базу, гаражи, парки, стоянки и другие объекты, выступающие в качестве системных элементов.

Общее понятие системы конкретизируется в зависимости от области экономики. На современном этапе развития все более значимую роль приобретает логистика (кратко определяемая как наука и практика управления потоками), основные положения которой (среди коих, кстати, первоочередное место занимает системный подход) постепенно проникают во все виды деятельности. Логистическая система может быть образована на разных ступенях, начиная от уровня предприятия как ее базы (в крупном предприятии даже на основе подразделения) и до международного уровня. Логистическая сеть в материальном производстве формируется на основе цепи поставок (цепь поставок в зависимости от сложности может принимать форму цепи или сети [3]) в сфере услуг — на базе логистического куста — крупного сервисного комплекса, интернализирующего поставщиков ресурсов и партнеров, выполняющих услуги в порядке аутсорсинга (подробно о логистическом кусте см. в работе [7]).

Укажем, что, когда речь идет о самостоятельной экономической структуре (предприятия, муниципальном или государственном образовании), то ее более характеризуют системные свойства, объединение же может выступать в качестве и системы, и сети. Такое положение относится не только к хозяйствующим субъектам, но и к структурам, отражающим те или иные виды деятельности. В частности, реально говорить о государственной системе снабжения, где в качестве управляющей подсистемы выступают государственные

Таблица 1

Наиболее значимые различия между системой и сетью

Характеристики	Форма объединения	
	Система	Сеть
Краткое определение	Целое, составленное из упорядоченно связанных элементов	Совокупность рассеянных элементов, связанных переплетенными линиями
Конкретность	Понятие абстрактное, предполагает системный подход к рассмотрению объекта	Объект существует реально или виртуально
Масштаб	Разноплановый: от микроуровня до международного уровня	От регионального до международного
Границы	Точно очерчены	В большинстве случаев четко не определены
Вхождение в соответствующее объединение высшего порядка	Непрерывно	Возможно
Структурированность	Жесткая структура, возможна декомпозиция до необходимого уровня	Слабая
Срок функционирования	Ограничен целевой функцией (в природной среде в основном касается микросистем)	В основном не ограничен
Проявление интегративных свойств	На уровне всего объединения	Как на уровне всего объединения, так и на уровне группы элементов, подразделения
Информационные ресурсы	Часть замкнута внутри объединения, может являться коммерческой тайной	Доступны бесплатно или на платной основе
Моделирование	От простого до очень сложного	Относительно простое
Развитие	На определенных отрезках — равномерное, в ракурсе длительного периода — скачкообразное, главным образом направлено на модификацию	Всегда равномерное, сопровождается расширением
Возможность управления	Прямая	Косвенная
Наличие центрального органа (ядра)	Обязательно	Допустимо
Ролевые функции ядра	Выступает в качестве управляющей подсистемы, нацеленной на интеграцию	Играет роль аттрактора, координатора, контролера

Окончание таблицы 1

Состав элементов	Разнородный, сформированный согласно цели функционирования системы	Элементы часто выполняют однородные функции
Отношения между участниками объединения	Как партнерства, так и подчинения	Партнерства
Внутренняя конкуренция	Вероятна в сложных системах по определенным признакам	Вполне возможна
Вхождение и выход элементов из объединения	Процессы регламентированы, подчиняются управляющей подсистеме, меняется структура	Свободные, стохастические, не изменяющие структуру
Использование ресурсов	В интересах объединения с целью его функционирования и развития	Индивидуальное или групповое
Эффект синергии	Отражается в общем результате	Отражается на индивидуальном или коллективном участнике объединения
Оценка работы	Уровень достижения поставленной цели (целе-ориентированный подход) с учетом эффективности использования ресурсов (экономо-ориентированный подход)	Степень удовлетворения потребителей материально-вещественными (сети магазинов, аптек, ресторанов) и информационными (в частности, сеть Интернет) продуктами

Таблица 2

Различия между социальными системами и социальными сетями

Характеристики	Сообщество	
	Социальная система	Социальная сеть
Признак объединения	Профессиональный, восстанавливающий, развивающий	Профессиональный, досуговый
Знакомство всех членов объединения	Реально, за исключением засекреченных объектов	Практически невозможно
Направление связи	Вертикальное и горизонтальное	Горизонтальное
Совпадение интересов составляющих элементов (участников объединения) и объединения в целом	Совпадают, хотя люди как системообразующие элементы могут проявлять активность, что отклоняет функционирование системы от заданного курса	Иногда не совпадают
Цель	Оптимальная организация коллектива, позволяющая работникам наилучшим образом выполнять функциональные обязанности	Создание единого информационного пространства для участников сети

органы, а государственные (муниципальные) организации строго подчиняются системе государственных и муниципальных закупок. В ракурсе коммерческой логистики касательно материально-технического обеспечения можно говорить и о сети. Например, снабжение вышеупомянутого логистического куста (пока на его базе не создана система) носит сетевой характер. Хотя в целом логистический подход предусматривает четкую организацию и структурированность, направлен он больше в сторону системы, чем сети.

В нашем контексте интерес вызывает также формирование систем и сетей в разных функциональных областях логистики. Например, сбытовая сеть (категория сбытовой логистики) может выступать, как отмечают Л. А. Федоськина и А. А. Байгушкин (на основе анализа ряда работ других авторов), в качестве совокупности взаимосвязанных партнеров или маршрута, по которому передается право собственности на продукт или услугу [8]. В первом случае связь фактически обеспечивается за счет потоков, имеющих материальный, информационный или финансовый характер. Во втором случае корректнее вести речь о цепи создания ценности товара.

В условиях глобализации экономики все более значимую роль играют информационная логистика, в частности, ее каркас — информационные потоки. В производственной сфере они (естественно, при возможности) заменяют материальные потоки, требующие больших затрат на формирование и функционирование. В социальной среде информационные потоки (во многих случаях образующие информационные сети) обеспечивают контакты между людьми, которые по ряду причин не могут преодолевать длительные расстояния.

Особые отличия существуют между системами и сетями, когда они образуются людьми, то есть между социальными системами и социальными сетями (табл. 2).

Социальные системы создаются на базе хозяйствующих субъектов или каких-либо организаций. В производственной сфере в социальную систему входят только продуценты, в сфере услуг населению — как исполнители, так и потребители. При этом векторы их жизненной направленности не всегда совпадают, что создает сложности и требует компромиссного решения.

В указанных системах люди имеют общий системообразующий признак и подчиняются цели системы. Например, в системе «больница» системообразующий признак для исполнителей — наличие медицинского образования, для пользователей — наличие заболевания, цель системы — обеспечить процесс лечения; в системе «учебное заведение» системообразующий признак для исполнителей — наличие педагогического (для школ) или специального образования, для пользователей — желание и способность к обучению, цель системы — дать образование определенного уровня.

В социальных системах люди, если и не имеют личного контакта, то хотя бы знакомы визуально. В социальных сетях индивиды могут не знать своих «сетевых соседей» в лицо (хотя налаживание сетевого контакта может привести и к личному знакомству). Социальные системы нацелены на трудовую деятельность, восстановление и развитие индивидов; сети же скорее объединяют людей по интересам, в том числе профессиональным, поэтому в социальных системах связи могут иметь как вертикальный (основание — иерархия), так и горизонтальный характер; в сетях же связи — горизонтальные, предполагают сотрудничество.

И система, и сеть предоставляют условия для реализации личности. В условиях социально ориентированного общества сеть — один из инструментов помощи людям с ограниченными возможностями. Получая различную информацию, как фрагментарного, так и полного (например, прочтение книги, просмотр спектакля) характера, указанные индивиды имеют возможность обмена мнениями со своими «сетевыми знакомыми». В виртуальном социальном пространстве люди не комплексуют по поводу своих физических недостатков и полностью «раскрываются». Естественно, что в социальных сетях может распространяться негативная информация, отрицательно влияющая на пользователей и иницилирующая их к пагубным поступкам, поэтому в настоящее время в России разрабатывается система мониторинга социальных сетей, действие которой позволит блокировать соответствующие сайты или страницы, что особенно важно для пользователей подросткового возраста.

Итак, в условиях становления социально ориентированной экономики наряду с системным все чаще применяется сетевой подход, причем сетевой подход не заменяет системный подход, который присущ в первую очередь государственным структурам, а дополняет его. Соответственно, актуальным объектом исследования теоретиков и практиков становится не только система, но и сеть. Сравнение указанных объединений, а именно системы и сети, дало возможность выявить здесь ряд отличий, касающихся выделения из внешней среды, внутренних отношений, управления, результата функционирования и др. При этом данные категории взаимосвязаны, на практике могут пересекаться или входить одна в другую. Система может быть образована на основе сети (обратный вариант неправомерен), а именно: цепи поставок, логистического куста, кластера и других форм сетевой организации.

Особого внимания требуют системы и сети, образованные людьми (социальные системы и социальные сети). О людях как элементах социальной системы обычно ведут речь на уровне жестко закрепленных структур (предприятий, организаций, учреждений). Спецификой таких систем в сфере услуг населению является то, что в качестве не только субъектов, но в большинстве случаев и объектов обслуживания выступают люди, что требует компромисса при согласовании направленности их интересов. Социальные же сети выполняют функции реализации общения, что особенно важно для людей с ограниченными возможностями.

Литература

1. *Афанасенко И.Д.* Логистика снабжения: Учебник для вузов, 2-е изд. / И.Д. Афанасенко, В.В. Борисова. — СПб.: Питер, 2016. — 384 с.

2. *Глумов А.А.* Междисциплинарный подход к определению сетей и сетевых структур [Электронный ресурс] / А.А. Глумов // Управление экономическими системами. — 2017. — №11. — Режим доступа: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=4616. (Дата обращения: 03.04.2018 г.).

3. *Маликов О.Б.* Складская и транспортная логистика в цепях поставок / О.Б. Маликов. — СПб.: Питер, 2015. — 400 с.

4. *Олескин А.В.* Сетевые структуры, иерархии и (квази) рынки в биосистемах, человеческом обществе и технических информационных системах. Критерии классификации / А.В. Олескин // Сложные системы. — 2014. — №2 (11). — С. 42–64.

5. Теория управления социалистическим производством / под ред. О.В. Козловой. — М.: Экономика, 1979. — 368 с.

6. *Скоробогатова Т.Н.* В развитие концепции логистических сервисных систем / Т.Н. Скоробогатова // РИСК. — 2017. — №1. — С. 11–15.

7. *Скоробогатова Т.Н.* О координации и оценке логистического куста как новой сервисной структуры в условиях глобализации / Т.Н. Скоробогатова / Сборник научных трудов IV международной научно-практической конференции «Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства» / под общ. ред. З.О. Адамановой. — Симферополь: ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», ИТ «АРИАЛ», 2018. — С. 593–594.

8. *Федоськина Л.А.* Реализация специфических требований стандарта ISO/TS 29001–2010 в сбытовой сети нефтяной компании / Л.А. Федоськина, А.А. Байгушкин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — №1 (25). — С. 65–71.

Поступила в редакцию

12 ноября 2018 г.

Скоробогатова Татьяна Николаевна — доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Skorobogatova Tatiana Nikolaevna — doctor of economic Sciences, Professor of the Department of state and municipal management of the Institute of Economics and management of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky.

295007, г. Симферополь, пр. Ак. Вернадского 4, каб. 212-б
4 Ak. Vernadskogo av., off. 212-b, 295007, Simferopol, Russia
Тел.: +7 (3652) 60-84-98, +7 (978) 971-88-28; e-mail: stn57@mail.ru

УДК 339.137.21

10.17213/2075-2067-2019-1-44-52

ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АМБИЦИОЗНЫХ ЦЕЛЕЙ КОМПАНИИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПОТЕНЦИАЛА ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

© 2019 г. А. В. Колобов

ООО «Севергрупп», г. Череповец

В статье описан подход к динамическому определению достижимых амбициозных целей компании на горизонте от двух до пяти лет и их декомпозиции на подразделения, которые позволяют обеспечить рыночное преимущество относительно конкурентов. Для решения этой задачи дано описание механизма анализа основных факторов повышения конкурентоспособности предприятия на основе модели пяти конкурентных сил Майкла Портера. Предложен новый подход к определению количественных значений целей, которые являются амбициозными и стимулируют персонал на достижение значимых результатов. Описан подход по декомпозиции этих целей на подразделения компании на основе оценки теоретического потенциала. На базе предложенной методики показан пример постановки амбициозных целей по снижению затрат для подразделений металлургического предприятия.

Ключевые слова: бизнес-система; динамическое целеполагание; базовая цель; амбициозная цель; факторы конкурентоспособности; модель пяти конкурентных сил Майкла Портера; параметры конкурентной силы.

The article describes an approach to the dynamic definition of achievable ambitious goals of the company on the horizon from two to five years and their decomposition into divisions, which allow to provide a market advantage relative to competitors. To solve this problem, a description is given of the mechanism for analyzing the main factors of improving the competitiveness of an enterprise based on the model of the five competitive forces of Michael Porter. A new approach to quantifying goals that are ambitious and encouraging staff to achieve meaningful results is proposed. An approach is described to decompose these goals into divisions of a company based on an assessment of theoretical potential. On the basis of the proposed methodology, an example of setting ambitious cost reduction goals for divisions of a metallurgical enterprise is shown.

Key words: business system; dynamic goal setting; basic goal; ambitious goal; factors of competitiveness; model of five competitive forces of Michael Porter; parameters of competitive power.

Конкуренция, которая является основой эффективного функционирования рыночной экономики, возникает в результате борьбы компаний за ограниченный объем платежеспособного спроса потребителей. В этих условиях компании могут использовать различ-

ные средства конкурентной борьбы, например такие, как низкие цены, лучшие характеристики и качество товаров, высокий уровень сервиса клиентов, увеличенные гарантийные сроки, новые виды услуг и товаров и т.д. [1]. По этой причине особенно важным является

определение правильных точек приложения усилий, которые позволят максимально повысить конкурентоспособность компании. Кроме того, необходимо оперативно выстроить эффективную систему целеполагания, обеспечивающую фокус сотрудников компании на результативной работе по выбранным направлениям. При этом процесс определения основных точек роста конкурентоспособности и корректировки системы целеполагания должен быть максимально динамическим и происходить постоянно.

Для решения этой задачи актуальным представляется разработка подхода к динамическому определению амбициозных и достижимых целей компании на горизонте от двух до пяти лет и их декомпозиции на подразделения, которые позволяют обеспечить рыночное преимущество относительно конкурентов.

Модель Майкла Портера является фундаментальным и при этом мощным инструментом анализа основных конкурентных сил, которые влияют на соперничество внутри отрасли [2]. В первую очередь, этот метод применим для крупного бизнеса. Данный подход наиболее распространен в мире за счет его универсальности и простоты использования.

Можно выделить 3 ключевые правила, которые лежат в основе модели Майкла Портера [3].

1. Чем слабее влияние конкурентных сил, тем больше у компании возможностей к получению высокой прибыли.

2. Чем выше влияние конкурентных сил, тем выше вероятность, что ни одна компания не в состоянии будет обеспечить высокую прибыль.

3. Средняя прибыльность отрасли определяется наиболее влиятельными конкурентными силами.

В качестве конкурентных сил Майкл Портер выделяет 5 структурных единиц, которые позволяют сформировать и удержать долгосрочное конкурентное преимущество в отрасли. К ним относятся рыночная власть покупателей, рыночная власть поставщиков, угроза вторжения новых участников, опасность появления товаров-заменителей, уровень конкурентной борьбы или внутриотраслевая конкуренция (рис. 1) [4].

Для каждой конкурентной силы Майкл Портер выделяет параметры их оценки, с помощью которых могут быть определены ключевые угрозы конкурентоспособности компании. Каждый параметр оценивается по трехбалльной шкале (таблица 1).

Описание шкалы для каждого параметра более подробно описано в работе [5]. Конкурентные силы, которые имеют самую высокую оценку, являются основными, и по ним в первую очередь необходимо вырабатывать мероприятия.

В работе [6] А. Л. Карпов выделяет следующие наиболее укрупненные компенсирующие мероприятия, которые могут применяться в зависимости от текущих действующих сил конкурентоспособности:

Рис. 1. Модель пяти конкурентных сил Майкла Портера

- снижение затрат на производство;
- повышение уникальности и особенностей предложения;
- повышение доступности и качества сервиса;
- экоориентация продукции;
- повышение качества продукции (услуг);
- своевременный вывод продукции (услуг) на рынок.

На первом шаге определим ключевые драйверы повышения конкурентоспособности. На мировом рынке стали в условиях недогрузки производств присутствует высокая конкуренция между крупнейшими игроками. Рассмотрим конкурентные силы, характерные для рынка стали. Несмотря на динамичное развитие композитных технологий, в ближайшее время не предвидится возможность их использования взамен стальной продукции. По этой причине конкурентная сила «товары-заменители» не имеет большой актуальности для металлургии. Угроза появления новых игроков на рынке также

не представляется серьезной из-за высокого уровня инвестиций и затрат для входа в отрасль и протекционистской политики государства. Вертикально интегрированные металлургические компании имеют определенные преимущества с точки зрения конкурентной силы «Рыночная власть поставщиков». Тем не менее, для повышения конкурентоспособности металлургические компании все больше фокусируются на увеличении эффективности своих ресурсных активов с целью снижения затрат в основном производстве. По результатам оценки, которая описана выше, наиболее важными конкурентными силами для металлургической отрасли являются «Оценка уровня внутриотраслевой конкуренции» и «Рыночная власть покупателей». Это связано с низкой дифференциацией продуктов, а также с наличием потенциала по повышению качества продукции [7].

На втором шаге определим, какие мероприятия из тех, что были предложены А.Л. Карповым, целесообразнее всего при-

Таблица 1

Параметры оценки конкурентных сил

№	Конкурентная сила	Параметр
1	Товары-заменители	Товары-заменители «цена-качество»
2	Оценка уровня внутриотраслевой конкуренции	Количество игроков Темп роста рынка Уровень дифференциации продукта на рынке Ограничение в повышении цен
3	Оценка угрозы входа новых игроков	Экономия на масштабе при производстве товара или услуги Сильные марки с высоким уровнем знания и лояльности Дифференциация продукта Уровень инвестиций и затрат для входа в отрасль Доступ к каналам распределения Политика правительства Готовность существующих игроков к снижению цен Темп роста отрасли
4	Рыночная власть покупателя	Доля покупателей с большим объемом продаж Склонность к переключению на товары-субституты Чувствительность к цене Потребители не удовлетворены качеством
5	Рыночная власть поставщиков	Количество поставщиков Ограниченность ресурсов поставщиков Издержки переключения Приоритетность направления для поставщика

менять в данной ситуации. В этих условиях правильнее всего сфокусироваться на снижении затрат на производство и формировании превосходного клиентского опыта за счет повышения качества продукции, качества сервиса и уникальности предложения.

На третьем шаге на примере задачи по снижению затрат на производство рассмотрим подход к динамическому формированию эффективной системы целеполагания, мотивирующей персонал на достижение значимых результатов.

Определение и постановка целей — один из важнейших этапов бизнес-планирования, дающий четкое представление о требуемом результате и являющийся базой, которой подчинено функционирование систем управления. Правильно поставленная цель задает критерии для ее идентификации и позволяет обоснованно ответить на вопрос: достигнута ли цель. Чаще всего в рамках процесса целеполагания сначала формируется главная цель нулевого уровня, которая в дальнейшем декомпозируется на более низкие уровни целей [8].

Наиболее распространенным способом постановки целей является подход SMART. Термин «SMART» получил свое название по пяти критериям, которые предъявляются к цели: Specific, Measurable, Achievable, Relevant, Time bound. Каждый критерий позволяет уточнить цель. Рассмотрим каждый из них по отдельности.

Specific (цель должна быть конкретной). Цель необходимо сформулировать в виде одного конкретного результата, который мы должны получить на выходе. Если это сделать невозможно, то, скорее всего, цель требует декомпозиции.

Measurable (цель должна быть измеримой). Оценка динамики выполнения любой цели требует наличия понятной системы ее измерения. При этом единица измерения цели должна быть интерпретируемой.

Achievable (цель должна быть достижимой). Цель должна быть достижима или находиться в зоне роста. Если разложить достижение цели на шаги, то каждый из них должен быть выполним. Если цель выглядит недостижимой, необходимо поставить достижимую промежуточную цель.

Relevant (цель должна быть актуальной). Актуальность и значимость цели должна

обеспечиваться за счет ее влияния на достижение глобальных задач компании.

Time-bound (цель должна быть ограничена по сроку). Ограничение времени на достижение цели является обязательным условием. Для каждой цели должен быть определен финальный срок, при срыве которого фиксируется невыполнение цели [9].

Амбициозной является цель, достижение которой является крайне желательным, но на данный момент невозможно. Достижение таких целей позволяет сотрудникам компании понять, что они способны на большее. Самым популярным типом амбициозных целей являются тактические цели, которые нацелены на итерационное постоянное улучшение показателей. Также часто возникают ситуации, когда достижение поставленных целей требует от сотрудников радикально нового и прорывного подхода к работе. Амбициозная цель представляет собой вызов и мотивирует сотрудников компании к развитию, но в то же время амбициозные цели показывают свою эффективность только в тех случаях, когда они достижимы.

При этом стоит отметить, что при постановке целей должна учитываться бимодальная модель, включающая разные подходы для change-функции и run-функции. Под run-функцией в данном случае понимается поддержание текущего бизнеса, а под change — внедрение изменений, поиск точек роста и инновации [10].

Для постановки и отслеживания выполнения целей для run-функций больше подходит использование KPI (Key Performance Indicator, ключевой показатель производительности). Использование KPI позволяет оценить успешность выполняемых мероприятий и по сути представляет собой измеримый индикатор фактически достигнутых результатов. Использование KPI делает прозрачной систему мотивации за счет фиксации плановых и фактических значений [11].

Для change-функций большую эффективность показывает подход с использованием OKR (Objectives and Key Results, цели и ключевые результаты). Суть данного метода заключается в том, что описываются не только цели компании или команды, но и измеримые ключевые результаты, которые показывают, насколько выполняется цель [12, 13]. В ре-

зультате постановки целей с помощью OKR получают амбициозную цель и несколько измеримых действий, которые необходимо предпринять для достижения этой цели.

В целом цели, которые устанавливаются с помощью OKR, более амбициозные. Несмотря на свою амбициозность, такие цели также должны быть достижимы [14].

В компании Google при постановке амбициозных целей используют OKR двух типов, которые они называют «moonshot» и «roofshot». В таблице 2 представлено сравнение этих двух типов OKR [15].

Стоит отметить, что «moonshots» являются основой системы OKR компании Google. Тем не менее, их широкое применение возможно только в организациях с высоким уровнем зрелости и развитой культурой. Это связано с тем, что такой тип целей может демотивировать команду, т.к. люди любят и привыкли закрывать цели. Достижение уровня в 60% является сильным демотиватором, особенно вначале проекта. В компании со слабой лидерской позицией и низкой амбициозностью руководителей может возникнуть ситуация, когда достижение цели на 60% станет нормой для всех процессов. Также возможны ситуации, когда результаты какого-то подразделения, которому был установлен тип цели «moonshot», необходимы для работы другой команды. В этом случае достижение цели на 60% может быть недостаточно. По этой причине стоит уделять пристальное внимание синхронизации работы таких команд. Таким образом, для компании с недостаточным уровнем зрелости рекомендуется постановка исключительно целей типа «roofshot». При этом нет четкого описа-

ния методики определения количественных значений таких целей.

Как было описано ранее, согласно методологии SMART любая цель должна быть достижимой (achievable), при этом цель должна быть достаточно амбициозной, чтобы мотивировать персонал на достижение значимых результатов. В этих условиях актуальной представляется задача определения таких значений целей, которые будут достаточно амбициозными, но при этом достижимыми.

Согласно разработанной методике постановка целей происходит как снизу вверх, так и сверху вниз. При этом целеполагание «сверху вниз» происходит относительно конкурентов, находящихся в одной зоне присутствия, и нацелено на получение конкурентного преимущества относительно них. Целеполагание «снизу вверх» ориентировано на максимально точную оценку и достижение внутреннего потенциала.

Для целеполагания «снизу вверх» необходимо оценить теоретически достижимый потенциал. При оценке потенциала в качестве ориентиров должны учитываться минимально возможные затраты, максимально доступная производительность агрегатов, отсутствие потерь качества, отсутствие потерь дисциплины поставок. Кроме того, необходимо провести бенчмаркинг с внешними конкурентами и лучшими практиками [16].

В результате оценки потенциала определяются два показателя: потенциал в краткосрочной перспективе (до 2 лет) и потенциал в долгосрочной перспективе (более 2 лет).

Оценка потенциала состоит из следующих шагов:

Таблица 2

Описание амбициозных типов OKR

Тип цели «moonshot»	Тип цели «roofshots»
Цель как ориентир, куда двигаться, которая может быть достигнута только в долгосрочной перспективе.	Достаточно сложные цели, но достижимые.
Значения цели ставятся выше порога, который кажется реальным (соответствует потенциалу, который понятно, как достигать).	Закрытие цели означает ее выполнение на 100%.
Цель считается закрытой, если она выполнена на 60–70%.	

— шаг 1. Построение структуры влияния на затраты, качество и производительность и выявление ключевых драйверов снижения затрат, повышения качества и производительности;

— шаг 2. Выявление наилучших достигнутых показателей ключевых драйверов за предыдущие периоды;

— шаг 3. Определение наилучшего теоретического результата и технического предела;

— шаг 4. Сравнение с конкурентами и лучшими практиками;

— шаг 5. Расчет кумулятивного потенциального эффекта.

На шаге 1 определение и визуализация основных статей структуры затрат подразделения осуществляются с целью дальнейшего выявления ключевых драйверов влияния. Наиболее значимые показатели определяются на основе данных за последние 3–5 лет. Из полученного списка выбираются ключевые драйверы, которые имеют потенциал к улучшению и которыми мы можем управлять [17].

На шаге 2 для отобранных ключевых драйверов определяются условия, которые позволили добиться наилучших результатов.

Для этого необходимо:

1) собрать статистику на доступном горизонте анализа (3–5 лет) по ключевым драйверам влияния;

2) проанализировать влияние сезонности на драйверы;

3) выделить лучший исторический результат с учетом сезонности;

4) проанализировать условия, позволившие достичь наилучшего исторического результата;

5) выявить все условия, влияющие на драйвер;

6) оценить и зафиксировать их состояние на момент получения наилучшего результата.

На шаге 3 определяется наилучший возможный результат в условиях текущей технологии. Для этого может быть использовано несколько способов:

— на основе паспортных данных на технические и технологические характеристики оборудования;

— расчет или математическое моделирование идеальных условий работы оборудования при текущих технологических условиях;

— оценка на основе научной литературы или через профильные НИИ теоретически обоснованных пределов значений в идеальных технологических условиях;

— оценка на основе опыта работы, понимания технического состояния и реальных возможностей оборудования.

В результате получают два показателя: технический предел при действующей технологии и теоретический лучший результат при альтернативной технологии.

На шаге 4 осуществляется сравнение текущих показателей ключевых драйверов с лучшими результатами по отрасли и технологических условий, позволяющих достигать данного уровня. Для этого могут быть использованы инструменты внутреннего и внешнего бенчмаркинга. При этом необходимо обязательно учитывать различия в технологии [18].

На шаге 5 для каждого показателя производится предварительная оценка реализуемости для определения краткосрочной и долгосрочной цели, при этом бенчмарки с лучшими практиками также используются индикативно для проверки корректности расчетов общего потенциала: показатели лучших практик не могут быть выше общего выявленного потенциала. Стоит отметить, что теоретически достижимый потенциал необходимо периодически пересматривать.

Таким образом, на основе оценки теоретически достижимого потенциала для каждого подразделения определяется цель при использовании существующей технологии и при использовании альтернативной (прорывной) технологии (рис. 2).

Далее осуществляется оценка достаточности найденного потенциала для достижения конкурентного преимущества с помощью целеполагания «сверху вниз». Постановка целей «сверху вниз» базируется на достижении максимального на рынке значения показателя TSR (Total Shareholder Return, совокупный доход акционеров), который отражает, насколько успешно компания обеспечивает доход акционерам и делает компанию привлекательной для инвесторов. Из-за высокой конкуренции на металлургическом рынке целевые значения TSR необходимо определять относительно конкурентов. Этот показатель также был выбран по той причине, что по нему можно по-

лучить данные и аналитику от крупных инвестиционных банков, например, Goldman Sachs [4]. Это позволяет моделировать и прогнозировать данный показатель.

Сначала осуществляется оценка и прогнозирование данного показателя и его динамики у конкурентов. При этом учитываются проекты по снижению затрат, рост мультипликатора, снижение долга, дополнительная плановая EBITDA от CAPEX-проектов, макротренды на рассматриваемых рынках металлопродукции и сырья, курсы валют.

Для достижения требуемого значения TSR компании необходимо повышать EBITDA и Multiple (мультипликатор). Для выбора оптимальных целевых значений этих

показателей строится таблица чувствительности TSR (рис. 3).

Цель считается амбициозной, если она позволяет обогнать конкурентов по показателю TSR. Целевое значение мультипликатора целесообразно брать на основе прироста прошлого периода. В зависимости от текущего уровня EBITDA компании и найденного теоретически достижимого потенциала возможны три варианта:

1) если компания и так является лидером рынка и ей не требуется опережать конкурентов, то в качестве амбициозной цели по EBITDA используется теоретически достижимый потенциал на базе существующей технологии;

Рис. 2. Оценка значений целей на существующей и альтернативной технологии

		Мультипликатор						
		3	4	5	6	7	8	9
EBITDA	1000	73%	82%	91%	100%	109%	118%	127%
	1100	84%	93%	102%	111%	120%	129%	138%
	1200	95%	104%	113%	122%	131%	140%	149%
	1300	106%	115%	124%	133%	142%	151%	160%
	1400	117%	126%	135%	144%	153%	162%	171%
	1500	128%	137%	146%	155%	164%	173%	182%
	1600	139%	148%	157%	166%	175%	184%	193%
	1700	150%	159%	168%	177%	186%	195%	204%
	1800	161%	170%	179%	188%	197%	206%	215%
	1900	172%	181%	190%	199%	208%	217%	226%
	2000	183%	192%	201%	210%	219%	228%	237%

XX Значение показателя TSR лучше, чем у Конкурента 1
 XX Значение показателя TSR лучше, чем у Конкурента 2

Рис. 3. Таблица чувствительности TSR (иллюстративно)

2) если найденного теоретически достижимого потенциала на базе существующей технологии достаточно для того, чтобы опередить конкурентов, то его значение используется в качестве амбициозной цели по EBITDA. При этом в качестве цели берется весь теоретически достижимый потенциал, даже если для того, чтобы обогнать конкурентов, не требуется достигать его полностью;

3) если найденного теоретически достижимого потенциала на базе существующей технологии недостаточно для того, чтобы опередить конкурентов, то в значение амбициозной цели по EBITDA включают и эффект от использования альтернативных (прорывных технологий).

Полученная амбициозная цель декомпозируется для каждого подразделения пропорционально значению теоретического потенциала.

Таким образом, описанная методика позволяет обоснованно определить такие количественные значения целей, которые будут являться амбициозными, но при этом достижимыми. Ее использование позволит замотивировать персонал на поиск новых прорывных идей и при этом избежать проблем, связанных с демотивацией персонала из-за невозможности достижения целей. В результате применения данного подхода к целеполаганию в крупной металлургической компании экономический эффект от идей, подаваемых работниками, увеличился в 2 раза (с 885 млн. руб. до 1759 млн. руб.).

Литература

1. *Фатхутдинов Р.А.* Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент [Текст] / Р.А. Фатхутдинов. — М., 2000. — 223 с.
2. *Портер М.* Международная конкуренция [Текст] / М. Портер. — М.: ЮНИТИ, 2015. — 424 с.
3. *Портер М.* Конкуренция: пер. с англ. / М. Портер. — М.: Вильямс, 2000. — 495 с.
4. *Горшков Р.К.* Анализ существующих методов оценки конкурентоспособности предприятия / Р.К. Горшков // РИСК Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. — 2014. — №2. — С. 114–117.
5. *Сысоева Е.А.* Факторы конкурентоспособности предприятия: подходы и составляющие / Е.А. Сысоева // Экономические науки. Экономика и управление. — 2015. — №12. — С. 283–287.
6. *Карпов А.Л.* Конкурентоспособность: тактика и стратегия предприятия / А.Л. Карпов. — Иркутск: ОмГУ, 2013. — 180 с.
7. *Chalabyan A., Mori L., Vercammen S.* The current capacity shake-up in steel and how the industry is adapting [Electronic resource] // McKinsey&Company. 2018. — URL: <https://www.mckinsey.com/industries/metals-and-mining/our-insights/the-current-capacity-shake-up-in-steel-and-how-the-industry-is-adapting>.
8. *Селюков М.В.* Процесс постановки целей в системе менеджмента организации [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. — 2011. — №3. Режим доступа: www.science-education.ru/97-4700.
9. *Егорова Ю.А.* Роль целеполагания в системе управления // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2010. — №9. — С. 91–92.
10. *Булин Д.* Грэф: России требуется новая система управления. BBC Русская служба. 22.05.2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/business/2016/05/160522_gref_skolkovo_lecture.
11. *Grove A.* High Output Management. Vintage Books Edition. — 1983.
12. *Paul R., Lamorte N. Ben.* Objectives and Key Results: Driving Focus, Alignment, and Engagement with OKRs. — Hoboken, New Jersey: John Wiley&Sons, Inc.
13. *Wodtke C.* Radical Focus: Achieving Your Most Important Goals with Objectives and Key Results. — 154 p.
14. *Huether D.* An Introduction To OKR: Objectives And Key Results // Psychol. Bull. — 2016. — Vol. 142. — №2. — P. 198–229.
15. Google. Guide: Set goals with OKRs [Electronic resource] — URL: <https://rework.withgoogle.com/guides/set-goals-with-okrs/steps/introduction>.
16. *Глухов В.В.* Выбор критериев для оценки эффективности инновационной деятельности энергомашиностроительного предприятия / В. В Глухов, Ю.К. Петреня, П.С. Шилин // Промышленная политика в цифровой экономике: проблемы и перспективы, труды научно-практической конферен-

ции с международным участием. — 2017. — С. 374–380.

17. Корпоративный рост: методология измерения и управленческий инструментарий (финансовый аспект) [Текст]: монография / Каменева Е. А. и др. // — Москва: Науч. технологии, 2013. — 315 с.

18. Долгопятова Т.Г. Эмпирические исследования предприятий: методы и практика / Т.Г. Долгопятова // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2008. — №1. — С. 76–105.

Поступила в редакцию

7 сентября 2018 г.

Колобов Александр Владимирович — кандидат технических наук, директор по развитию бизнес-системы ООО «Север-групп».

Kolobov Alexander Vladimirovich — candidate of technical Sciences, Director of business system development of limited liability company «Severgroup».

162614, г. Череповец, пр. Победы, 33
33 Pobeda sq., 162614, Cherepovets, Russia
Тел.: +7 (820) 253-13-70, +7 (820) 253-14-91, +7 (921)723-07-21
E-mail: avkolobov@severgroup.ru

УДК 332.3:502.131.1

10.17213/2075-2067-2019-1-53-56

АНАЛИЗ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РИСКОВ СЕЛЬКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

© 2019 г. Л. Г. Долматова, И. А. Петрова

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

В статье рассмотрены группы хозяйственных рисков, которым подвержены сельскохозяйственные предприятия в рыночных условиях, и предложены способы и варианты снижения экономического риска как наиболее распространенного для хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: экономика; эффективность; рыночные условия; экономический риск; сельскохозяйственное предприятие; рациональное использование; земельные ресурсы.

The article discusses groups of economic risks to which agricultural enterprises are exposed in market conditions and suggested ways and options for reducing economic risk as the most common for economic entities.

Key words: economy; efficiency; market conditions; economic risk; agricultural enterprise; rational use; land resources.

Одним из важных организационно-экономических условий рационального использования земельных ресурсов при формировании и становлении землепользований сельскохозяйственных предприятий является оптимальное соотношение размеров производства и территории. Известно, что недостаточная площадь землепользования сдерживает возможности концентрации производства, ограничивает развитие отраслей и их правильное сочетание. В чрезмерно мелких по площади хозяйствах не создаются предпосылки для эффективного использования техники, ухудшаются условия для создания крупных поселений, ликвидации различий между городом и деревней. Наряду с этим чрезмерно крупные землепользования также нерациональны. Здесь усложняется оперативное руководство, увеличиваются транспортные расходы, снижается уровень использования земли.

Таким образом, при разработке вариантов организации любого хозяйства предва-

рительно необходимо рассмотреть прогнозные оценки доходов и расходов и установить возможные источники финансирования. Для этого составляют на заданный срок смету движения денежной наличности, определяют ожидаемую динамику рыночной конъюнктуры на сельхозпродукцию, а также на промышленные товары и услуги, необходимые хозяйству для его производственной деятельности. Особое внимание уделяется прогнозным оценкам возможных изменений на инвестиционном и финансовом рынках, колебаниям кредитных ставок, развитию инфляционного процесса, изменениям в налоговой системе, только тогда можно реально оценить способность хозяйства к финансированию тех или иных преобразований в его производственной базе и организационной структуре. Важно также четко определить степень хозяйственного риска, установить его источники, оценить их значимость и выбрать наиболее надежную стратегию действий в этих условиях.

Поскольку в условиях рынка понятие хозяйственного риска приобретает очень большое значение, следует остановиться на нем подробнее. Источники такого риска весьма многообразны и по-разному влияют на принятие хозяйственных решений. Условно их можно распределить по следующим группам:

— риск, обусловленный воздействием на производство слабо предсказуемых или вовсе непредсказуемых факторов: погодных условий, болезней растений и животных, генетических изменений и т.п. В результате могут значительно измениться урожайность культур, качество продукции, продуктивность животных, обеспеченность кормами, сохранность поголовья;

— финансовый риск, связанный с нестабильностью источников денежных средств;

— риск непредсказуемой динамики цен на сельскохозяйственную продукцию и средства производства;

— риск консервации устаревших технологических решений или неэффективных технологических изменений (другими словами, риск ошибок в осуществлении технической политики);

— риск ущерба от несчастного случая (пожара, стихийного бедствия, хищений и т.п.);

— юридический риск, вызванный изменчивостью государственной налоговой и инвестиционной политики, риск судебных издержек за вредное воздействие на окружающую среду, выплат в связи с несчастными случаями на производстве и т.п.;

— человеческий фактор риска, связанный с возможными изменениями намерений членов хозяйства, состоянием их здоровья и т.д. [1, 2].

Существенно ослабить экономический риск можно лишь на основе четко продуманной хозяйственной политики, руководствуясь следующими правилами:

— всегда иметь в запасе несколько альтернативных хозяйственных решений, реализуя наиболее выгодные из них;

— постоянно оценивать вероятность наступления тех или иных неблагоприятных событий, способных существенно повлиять на результаты хозяйственной деятельности;

— четко определять свое отношение ко всем перечисленным выше факторам рис-

ка и сохранять определенные финансовые резервы для исключения их наиболее разрушительных последствий;

— выбирать стратегию хозяйственной деятельности, позволяющую по возможности контролировать факторы риска и тем самым предотвращать его.

Последнее правило особенно важно. Реализовать его можно различными путями, в том числе за счет:

— повышения приспособляемости хозяйства к меняющейся социально-экономической обстановке, его способности подвергаться корректировке в неблагоприятных условиях;

— выбора сочетания отраслей, обеспечивающего устойчивый доход на длительный период времени;

— заключения долгосрочных договоров (снижающих риск неконтролируемых колебаний цен), страхования от падения цен (хеджирования);

— резервирования производственных ресурсов (кормов, семян, финансовых средств и др.);

— замены натуральной арендной платы за землю эквивалентными денежными выплатами;

— разумного финансового управления (сохранение высоколиквидных активов, резервирование части кредитов, вступление в корпорации с общим уставным и страховым фондом);

— максимального использования трудовых и управленческих возможностей хозяйства и его деловых партнеров.

На экономическую эффективность сельскохозяйственных предприятий неизбежно влияет их организационно-территориальное построение. При организации новых хозяйств необходимо учитывать уже сложившуюся инфраструктуру реорганизуемых предприятий с целью сохранения устойчивых элементов организации территории, так называемого агроландшафтного каркаса (дорог, лесополос, полей севооборотов, мелиоративных сооружений и других объектов долговременного действия) и одновременно соблюдать рациональные принципы территориального построения нового хозяйства (компактность, оптимальная площадь в зависимости от специализации и всех ресурсов хозяйства, экологически обоснованное рас-

положение границ, рациональная конфигурация участка и др.) [3, 4].

Таким образом, анализ организационно-экономических условий рационального использования земельных ресурсов в современных условиях хозяйствования позволяет сделать следующие обобщения:

— при организации новых хозяйств необходимо учитывать экономические принципы их эффективного функционирования, которые будут способствовать увеличению прибыли при сохранении экологических параметров территории;

— необходимо обеспечение динамичности землепользования как производственной и стабильности его как агроландшафтной системы, сохранение устойчивых элементов организации территории;

— реализация комплексного характера организации территории и производства позволит обеспечить пропорциональность и сбалансированность между выделяемой землей и ее количественными и качественными характеристиками, а также фондовооруженностью, трудообеспеченностью, технической оснащенностью и другими параметрами предприятий, своевременным и обязательным созданием необходимой производственной и социальной инфраструктуры для обеспечения процессов производства;

— максимальный учет экологических и организационно-территориальных условий земельных участков будет способствовать обеспечению высокой экономической эффективности хозяйствования;

— необходимость учета факторов хозяйственного риска в условиях рынка позволит выбрать надежную стратегию действий в нестабильной экономической ситуации;

— в процессе становления и развития хозяйствующих субъектов необходимо ис-

пользование всего комплекса статистических данных о состоянии рыночной системы, результатов специальных обследований территории, нормативно-правовых документов, регулирующих деятельность сельскохозяйственных предприятий.

Таким образом, осмысление важных аспектов экономического механизма позволит выявить условия и факторы, способствующие снижению хозяйственных рисков, повышению эффективности производства сельскохозяйственных предприятий и их устойчивого развития в современных рыночных условиях.

Литература

1. Долматова Л. Г. Социо-эколого-экономические аспекты территориального планирования использования и охраны земельных ресурсов: [монография] / Л. Г. Долматова. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2012.

2. Долматова Л. Г. Интеграция аспектов экономики и экологии в системе рационального использования земельных ресурсов // «Вестник ЮРГТУ (НПИ)». Социально-экономические науки. — 2015 г. — №6. — С. 159–164.

3. Долматова Л. Г., Петрова И. А. Основные факторы государственного регулирования экономических отношений сельскохозяйственных предприятий // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. — 2016. — №5. — С. 35–40.

4. Долматова Л. Г. Прогнозирование хозяйственной деятельности и эффективности использования земельно-ресурсного потенциала в фермерском секторе АПК // Engineering Studies, Issue 3 (2), Vol. 9. — Taylor & Francis. — 2017. — С. 481–486.

Поступила в редакцию

18 сентября 2018 г.

Долматова Людмила Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство» Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова.

Dolmatova Lyudmila Georgievna — candidate of economic Sciences, associate Professor of chair «Land management and land tenure» of Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute of A. K. Kortunov.

346410, г. Новочеркасск, ул. Фрунзе, 3
3 Frunze st., 346410, Novocherkassk, Russia
Тел.: 8 (8635) 27-96-36; e-mail: dolmatoval1971@mail.ru

Петрова Ирина Альбертовна — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство» Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова.

Petrova Irina Albertovna — candidate of agricultural Sciences, associate Professor of chair «Land management and land tenure» of Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute of A. K. Kortunov name of Don State Agrarian University.

346428, г. Новочеркасск, ул. Троицкая, 80а, кв. 98
80a Troitskaya st., app. 98, 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: 8 (8635) 24-63-59, 8 (904) 347-94-96
E-mail: rekngma@magnet.ru

УДК 332.624

10.17213/2075-2067-2019-1-57-61

МЕХАНИЗМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ЗОНИРОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

© 2019 г. *Н. Г. Овчинникова**, *Н. В. Алиева***

**Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону*

***Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

В статье рассмотрен механизм территориального зонирования в практике зарубежных стран, имеющего специфические особенности, которые обусловлены историческими причинами, различными способами формирования земельной собственности и связанных с ней отношений, иными взглядами отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: территориальное зонирование; правовой режим земель; землепользование; застройка территории; формирование земельной собственности.

The article deals with the mechanism of territorial zoning in the practice of foreign countries, which has specific features, which are due to historical reasons, different ways of formation of land ownership and related relations, other views of domestic and foreign scientists.

Key words: territorial zoning; legal regime of lands; land use; development of territory; formation of land ownership.

До появления территориального зонирования основным критерием при определении правового режима земель в России было их целевое назначение, вследствие чего возникает интерес к опыту правового регулирования зарубежных стран с развитым институтом территориального зонирования. Терминология в сфере территориального зонирования других государств имеет специфические особенности, которые обусловлены историческими причинами, различными способами формирования земельной собственности и связанных с ней отношений, иными взглядами отечественных и зарубежных ученых.

Законодательными актами США устанавливаются три вида зонирования: урбанистическое, сельскохозяйственное и экологическое. В стране не установлена единая нормированная система зонирования территорий [1].

Территориальное зонирование находится в ведении федеральных органов влас-

ти и исполняется специальными отделами штатов — управлениями по планированию, собственнлично разрабатывающими необходимую документацию с учетом индивидуальной программы развития и организации территории. Карты зонирования штатов отображают допустимые варианты использования недвижимости для каждого земельного участка в территориальном образовании.

Зонирование в США осуществляется посредством определения целевых зон. Ордо-нанс — нормативно-правовой документ о зонировании — регулирует права и обязанности по использованию земельных участков, расположенных в границах соответствующей зоны, и устанавливает перечень видов разрешенного использования, применяемых исключительно при получении специального разрешения. Помимо территориальных зон выделяются четыре категории пользователей территории, для которых устанавливается частный набор пла-

нировочных стандартов и правил [2]. Состав и назначение категорий представлены на рис. 1.

В Великобритании зонирование территорий как механизм планирования их использования реализуется под руководством комитетов по планировке и застройке муниципалитетов. Планами зонирования территорий устанавливаются земли транспорта, промышленности, сельскохозяйственного, историко-культурного и природоохранного назначения.

Аналогично с системой правового регулирования США выделены следующие группы или классы пользователей населенных пунктов, а именно: торговля, бизнес, жилище, рекреация и общественное пользование,

не указанные выше пользователи. Дополнительно устанавливаются смешанные зоны, где допустимо функциональное соединение жилых, общественных, производственных объектов недвижимости.

Органы местного самоуправления государств Западной Европы действуют самостоятельно в процессе реализации градостроительного зонирования [3]. На местном уровне первоначально разрабатываются планы рекомендательного характера, такие как директивные схемы во Франции или планы использования территории в Германии. Вторая стадия предполагает утверждение муниципалитетами юридических актов градостроительного зонирования, а именно: планов

ЖИЛАЯ	КОММЕРЧЕСКАЯ	ПРОМЫШЛЕННАЯ	ОБЩЕСТВЕННАЯ
<ul style="list-style-type: none"> • мало- и среднеплотные кварталы индивидуальных и многоквартирных домов • высокоплотная многоэтажная застройка и кварталы максимальной плотности • узловые центры и смешанные зоны 	<ul style="list-style-type: none"> • группы торговых центров • районные центры • транспортно-коммуникационные узлы • торговые улицы • многоэтажные жилые и офисные здания 	<ul style="list-style-type: none"> • предприятия тяжелой, средней и легкой промышленности • мелкие и автономные производства 	<ul style="list-style-type: none"> • учебные и административные учреждения • открытые территории и парки • земли с/х назначения вблизи населенных пунктов

Рис. 1. Категории пользователей территории в США

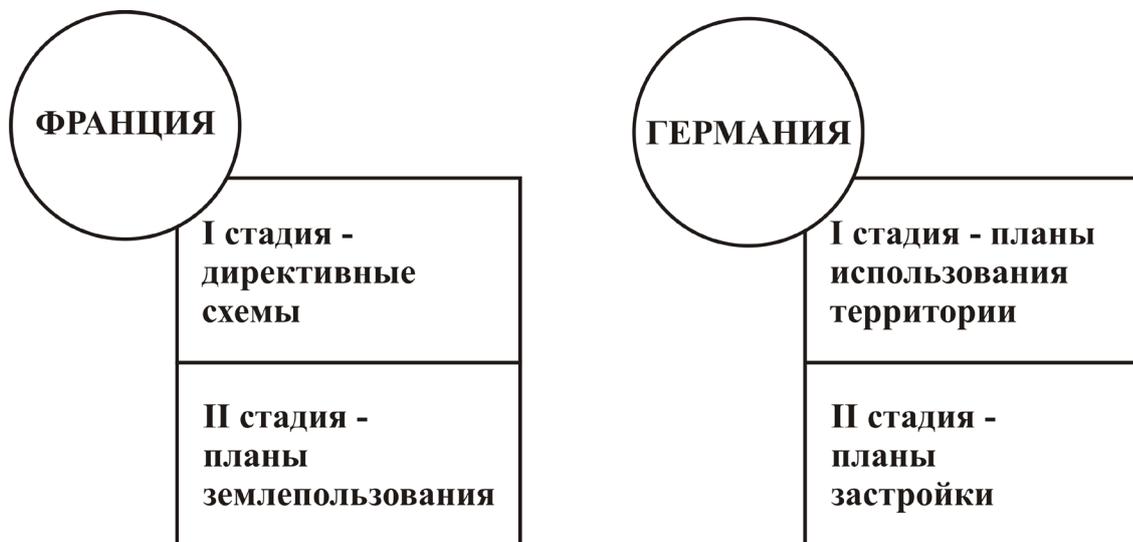

Рис. 2. Стадии реализации градостроительного зонирования

землепользования или планов застройки соответственно, что отображено на рисунке 2.

Во Франции организация территории производится путем ее деления на зоны жилой застройки, промышленности, транспорта, сельскохозяйственного использования, лесных земель и иные зоны. Зональные планы включают общий режим использования объектов недвижимости в соответствии с их назначением, условия застройки земельных участков, ограничения прав собственников, экологические нормы и правила, условия выкупа и передачи земельных участков, систему приоритетов целевого назначения земельных участков и рациональное использование природных ресурсов.

Местные органы власти имеют право принимать ординас по зонированию, регламентирующий целевое использование конкретных земельных участков, предельные размеры участков, типы и параметры зданий и сооружений и порядок их размещения.

Территориальные планы, разрабатываемые в Германии, содержат требования к застройке земельных участков: тип объекта, площадь территории, отведенной под здания, сооружения и улицы, способ строительства, прочие критерии. В планах учитываются каждый земельный участок территориально-образовательного образования с учетом характера их использования. Федеративные земли разрабатывают собственный комплекс мероприятий по развитию землепользования подконтрольных территорий [4].

Планирование территорий в Нидерландах осуществляется посредством разработки государственных планов сроком на 10–20 лет, а также провинциальных и муниципальных планов, обеспечивающих стабильность в управлении земельными ресурсами. По причинам непрерывного оборота земель с помощью территориального планирования реализуются мероприятия по рациональному использованию и охране земель.

В процессе национального планирования используется землеустроительная классификация, учитывающая характеристики почвенных, гидрологических и климатических условий, и выделяются такие виды использования, как жилая застройка, спортивные площадки, основные дороги, пастбища, пашни, сады, природные заповедники и леса.

Вышеприведенные факты доказывают, что в зарубежных странах накоплен многообразный опыт правового регулирования зонирования территорий, обусловленный их социально-экономическими, экологическими и иными особенностями [5, 6].

В итоге можно выделить следующие признаки института зонирования североамериканских и западноевропейских государств:

1) градостроительное зонирование муниципальных территорий североамериканских стран обычно проводится в одностадийной форме для всей территории и по всем компонентам, а для западноевропейских стран типичны две стадии системы планировки;

2) зонирование территорий представляет собой совокупность градостроительных документов — планов землепользования или застройки, которые распространяются на определенную часть земель территориально-административного образования;

3) органы местного самоуправления имеют высокую степень автономности при осуществлении градостроительной деятельности;

4) виды разрешенного использования и предельные параметры строительства объектов недвижимости существенно детализированы и конкретизированы;

5) территориальное планирование муниципальных территорий осуществляется при помощи разработки стратегических планов социально-экономического развития;

6) проекты планировки обычно формируются как схема разбиения незанятых территорий на земельные участки для дальнейшей застройки и базируются на положениях градостроительного зонирования и межевания земель [7, 8].

Таким образом, система зонирования зарубежных государств имеет схожие черты с отечественной системой касаясь установления территориальных зон и градостроительных регламентов посредством введения ординаса, регулирующего права и обязанности по использованию земельных участков в пределах установленной зоны. К спецификам градостроительного регулирования можно отнести выделение классов или категорий пользователей территории, для которых устанавливается ряд планировочных стандартов и правил.

Из вышесказанного следует, что градостроительное зонирование — это разверну-

тый во времени процесс постепенного наращивания содержания и объема регламентов с одновременным их уточнением и корректировкой. Разработка правил землепользования и застройки не может произойти разовым введением всей многосложной системы, а только путем поэтапного ее введения в каждодневную практику. При этом местные органы власти должны разрабатывать и включать новые компоненты системы правового регулирования, наряду с этим осваивая их на практике.

Литература

1. Овчинникова Н.Г., Шмакова В.В. Рассмотрение особенностей муниципальных образований РФ как целостной территориальной системы // Экономика и экология территориальных образований. — 2017. — №3. — С. 31–36.

2. Чешев А.С., Овчинникова Н.Г. Концептуальные основы формирования механизма устойчивого землепользования // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6. — №2-2. — С. 115–118.

3. Овчинникова Н.Г. Основные социо-эколого-экономические свойства земли и их влияние на регулирование использования зе-

мельных ресурсов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2011. — №4. — С. 117–122.

4. Овчинникова Н.Г. Организационно-территориальные аспекты использования земельных ресурсов // Инженерный вестник Дона, 2011. — Т. 17. — №3. — С. 236–240.

5. Овчинникова Н.Г. Использование и охрана земельных ресурсов в системе рационального землепользования // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель, 2011. — №6 (78). — С. 83–91.

6. Овчинникова Н.Г., Алиева Н.В. Территориальные условия организации использования земельных ресурсов // Инженерный вестник Дона. — 2012. — №3 (21). — С. 836–839.

7. Овчинникова Н.Г., Алиева Н.В., Шипулин Я.В. Совершенствование социо-эколого-экономического механизма устойчивого развития сельских территорий в аграрном природопользовании // Инженерный вестник Дона. — 2013. — Т. 27. — №4. — С. 187.

8. Овчинникова Н.Г. Формирование методов организации использования земельных ресурсов в новых условиях хозяйствования / Terra economicus. — 2011. — Т. 9. — №3-3. — С. 71–74.

Поступила в редакцию

11 августа 2018 г.

Овчинникова Наталья Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент Донского государственного технического университета.

Ovchinnikova Natalya Gennadyevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Don State Technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarin sq., 344022, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (951) 493-48-92; e-mail: natali281280@yandex.ru

Алиева Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО Донской государственной аграрный университет.

Alieva Natalya Vladimirovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Novocherkassk Engineering Meliorative Institute after A. K. Kortunov, FSBEI HE Donskoy State Agrarian University.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346400, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (951) 493-48-92; e-mail: natali281280@yandex.ru

УДК 338.31:625(06)

10.17213/2075-2067-2019-1-62-71

РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА MIDDLE- И ENTRY-УРОВНЯХ В РАМКАХ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2019 г. Г. П. Довлатова*, О. А. Ткачева*,
Н. И. Василюк*, А. С. Агафонов*, П. А. Евдокимов**

*Шахтинский автодорожный институт (филиал) ЮРГТУ (НПИ)

**Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

В статье представлена важность оценки конкурентоспособности предприятий в Российской Федерации, которая определяется потребностями реального сектора национальной экономики. Проанализировано основное понятие «конкурентоспособность предприятия» и выявлены взаимосвязь и взаимообусловленность экономической категории с устойчивостью предприятия и стратегическим развитием на основе comparative analysis, авторами разработан инструментарий для эффективного управления персоналом на основе изучения зарубежного опыта.

В настоящее время в мировой практике инвестиции в дорожный сектор растут, но в то же время инвесторы стали более осмотрительными и требовательными в своих ожиданиях от инвестиционных предложений. Целью данного исследования было выявление основных тенденций развития конкурентоспособности, устойчивости и стратегического развития предприятий Российской Федерации, позволяющих оценить потенциал исследуемой отрасли и ее внутреннюю среду (персонал).

Представленные результаты авторского исследования позволят сформулировать «точки спада» и определить тенденции развития данной отрасли, в том числе регионов Российской Федерации. Статья будет полезна владельцам бизнеса, госслужащим, образовательным организациям, которые готовят студентов и магистрантов по экономике предприятий (по отраслям) и управлению персоналом.

Ключевые слова: конкурентоспособность; стабильность; стратегическое развитие; персонал.

The article presents the importance of assessing the competitiveness of enterprises in the Russian Federation, which is determined by the needs of the real sector of the national economics. The basic concept «competitiveness of the enterprise» is analyzed and the interrelation and interdependence of economic category with stability of the enterprise and strategic development on the basis of comparative analysis is revealed, the tools for effective personnel management on the basis of studying of foreign experience are developed by authors.

At present, investments in the road sector are growing in the world practice, but at the same time, investors have become more cautious and demanding in their expectations of investment proposals. The purpose of this study was to identify the main trends in the development of competitiveness, sustainability and strategic development of enterprises of the Russian Federation, allowing to assess the potential of the studied branch and its internal environment (staff).

The presented results of the author's research will allow to formulate the «points of decline» and to determine the trends in the development of this industry, including the regions of the

Russian Federation. The article will be useful for business owners, civil servants, educational organizations that prepare students and undergraduates in enterprise Economics (by industry) and personnel management.

Key words: *competitiveness; stability; strategic development; staff.*

Важность оценки конкурентоспособности предприятий в Российской Федерации определяется потребностями реального сектора национальной экономики. В настоящее время в мировой практике инвестиции в строительно-дорожный комплекс растут, но в то же время инвесторы стали более осмотрительными и требовательными в своих ожиданиях от инвестиционных предложений. Цель данного исследования заключалась в выявлении основных тенденций развития конкурентоспособности, устойчивости и стратегического развития предприятий Российской Федерации, позволяющих оценить потенциал исследуемой отрасли и ее внутренней среды (персонал). Для анализа существующей проблемы использовались теоретические и эмпирические методы, методы количественного и качественного анализа, методы агрегирования данных, экспертной оценки, классификации и структурирования информации, справочные и статистические данные, метод сравнения. В результате исследования были описаны общие тенденции исследуемой экономической категории как в мире, так и в Российской Федерации. Обоснование этих тенденций позволяет оценить тактический, стратегический и кадровый потенциал на предприятиях Российской Федерации. Результаты исследования позволили сформулировать точки спада и определить тенденции развития данной отрасли, в том числе по регионам Российской Федерации.

В современных конкурентных условиях абсолютно все российские предприятия нуждаются в модернизации и оптимизации, а именно в необходимости создания инновационных условий для перспективного развития российской экономики и ее выхода на новый этап развития. Мы считаем, что прийти к этому невозможно без изучения зарубежного опыта и внедрения основных технологий в инновационные бизнес-процессы, что приобретает немаловажное значение для устойчивого и конкурентоспособного развития

автомобильной отрасли, являющегося ключевым в национальной экономике.

Основной проблемой конкурентоспособного развития автомобильной отрасли являются критические точки: недостаточно развитая технологическая база, несоблюдение основных профессиональных стандартов, недостаточное проявление со стороны персонала профессиональной ответственности в реализации коллективной цели. Важной проблемой является влияние уровня и качества жизни населения на результативность их работы и вклада. В связи с этим целесообразно отметить, что по результатам рейтинговой оценки международного экономического форума в определении индекса глобальной конкурентоспособности российская транспортная отрасль за 2017–2018 гг. занимает 123 место среди 138 стран [1]. Она далека от стран-лидеров по основным показателям и критериям оценки конкурентоспособности. А если изучить рейтинг качества дорог в мире, то в России ситуация плачевная — 123 место из 138 анализируемых стран. Странами-лидерами первого эшелона являются на сегодняшний день ОАЭ, Сингапур, Гонконг [1].

Соответственно, задача стоит перед всеми нами остро, и она влияет на безопасность жизни населения. Изучим такую многовековую проблему для нашей страны, как конкурентоспособность. На наш взгляд, конкурентоспособность как экономическая категория тесно связана с такими значимыми понятиями, как «устойчивость» и «стратегическое развитие», и как устоявшаяся дефиниция имеет довольно сложную структуру (рис. 1). По нашему мнению, в качестве наиболее важных компонентов следует выделить технологическую, кадровую, маркетинговую, техническую, инновационную экологическую, инвестиционную составляющие и затем на основании иерархичности системы можно увидеть, что каждый ее компонент состоит из нескольких элементов [4].

Из рисунка следует, что все компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены. Анализируя концепции по повышению конкурентоспособности, устойчивости и стратегического развития, мы пришли к выводу о том, что все усилия ученых-экономистов по созданию универсальной концепции достаточно далеки от реальности. Более адекватным, на наш взгляд, может стать моделирование технологий управления процессом стратегического и устойчивого развития предприятий автомобильной отрасли на основе ситуационного методологического подхода, то есть с учетом множества факторов, оказывающих влияние на конкретную ситуацию.

Рассмотрим более подробно такую экономическую категорию, как стратегическая устойчивость. Под стратегической устойчивостью предприятия мы понимаем сбалансированную способность создавать, разрабатывать, модернизировать и эффективно использовать для успешного долгосрочного развития инструменты (институциональные возможности, стратегические приоритеты, стремление к сравнительному преимуществу, соответствие качества продукции системы менеджмента качества), учитывая кадровую, финансовую, рыночную, инвестиционную, технологическую, информационную, инновационную устойчивость в эффективности работы всех звеньев.

В рамках расширения методологической и информационной базы принятия управленческих решений нами предлагается проведение компаративного анализа с целью выявле-

ния особенностей различных существующих подходов к оценке конкурентоспособности, устойчивости предприятий и их стратегического развития на долгосрочную перспективу как ключевых характеристик институциональной среды.

Так, маркетинговый подход к оценке конкурентоспособности, устойчивости предприятий и их стратегического развития на долгосрочную перспективу заключается в выявлении весовых показателей к оценке рыночной ситуации в конкурентной среде и определении показателей изменения рыночной ситуации, что позволит составить прогноз о том, как в будущем изменятся конкурентные преимущества на рынке.

На наш взгляд, применение системного подхода, являющегося одним из базовых, позволит логически выйти на целый ряд равноценных технических управленческих решений, а задачей системного подхода будет являться выражение принципов и понятий системных исследований на уровне единой общенаучной методологии.

Инновационный подход к оценке конкурентоспособности, устойчивости предприятия и стратегического развития весьма важен и носит как стратегический, так и инновационно-управленческий характер. С одной стороны, он дает право создавать инновации, а с другой — оценивать, кто их создает.

Комплексный подход изучает комплексную оценку конкурентоспособности, устойчивости предприятия и стратегического развития на основании выделения не только тактиче-

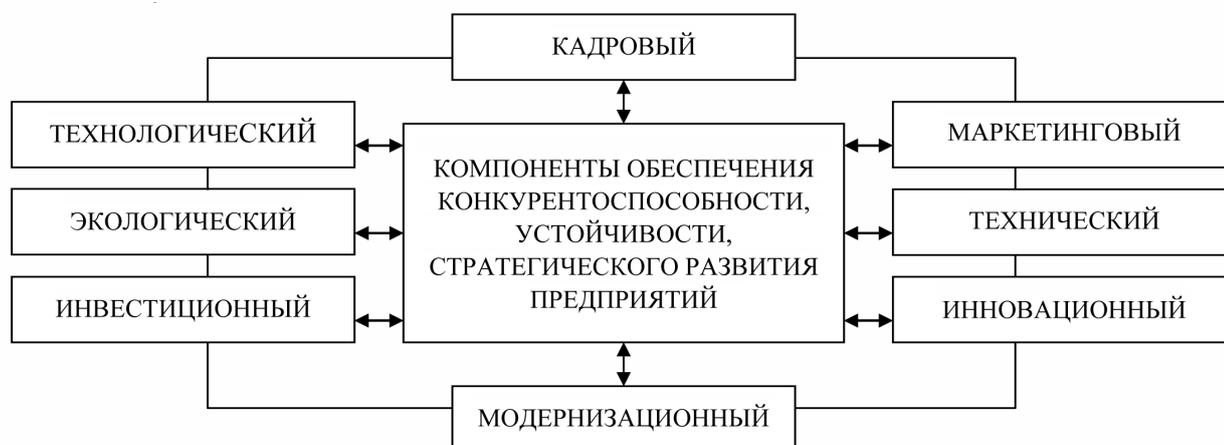

Рис. 1. Компоненты обеспечения конкурентоспособности, устойчивости, стратегического развития предприятия

кой, но и потенциальной степени устойчивости по отношению к инновационной активности.

Компетентностный подход актуален к оценке конкурентоспособности, устойчивости предприятия и стратегического развития. Он изучает внутреннюю среду, а именно: персонал и взаимосвязь личностно-поведенческих и профессиональных компетенций сотрудников, необходимых для работы в конкурентной среде, предлагая инновационные инструменты и нишу для разграничения компетентностей, как по отраслям экономики народного хозяйства и сферам жизнедеятельности общества, так и при ее выходе на «качественный результат».

Таким образом, необходим стратегически важный адаптационный процесс к институциональным изменениям — совершенствование инструментария управления конкурентоспособностью, устойчивостью в дорожно-строительном комплексе путем реализации стратегических инструментальных средств. Исследуя межстрановой анализ, следует отметить, что в качестве эффективного инструмента для устойчивого развития применяют комплекс стратегического планирования и прогнозирования на top-, middle- и entry-manager, и оперативно определяют и учитывают влияние экзогенных, а также эндогенных факторов.

Соответственно, мы считаем, что следует усовершенствовать сам управленческий ме-

ханизм в дорожно-строительном комплексе, адаптируя и совершенствуя на всех этапах жизненного цикла. Для этого целесообразно определить инструмент и его социально-экономическую значимость. Развитие исследуемой нами отрасли в динамично меняющейся среде — стратегический инструмент для построения траектории устойчивого развития российской экономики. Для этого необходима выработка методики к рейтинговой оценке конкурентоспособности, устойчивости и стратегического развития, позволяющая дать оценку уровню развития предприятия, минимизировав риски, связанные с банкротством и crisis-manager.

Несмотря на лидирующие позиции России в мировом рейтинге по наличию природных ресурсов, все перечисленные компоненты конкурентоспособности, в том числе и инновационная деятельность, характеризуются достаточно низкими результатами при высоком научном потенциале.

По результатам рейтинговой оценки ВЭФ США занимает 3 место в мире по конкурентоспособности из 138 стран (за 2017 г.) [1]. Из большого количества преимуществ этой страны выделим следующие: высокая эффективность роста (рис. 2), оплата и производительность труда и готовность делегировать полномочия (рис. 3).

Так, по оценке ВЭФ, Великобритания занимает 6 место по конкурентоспособнос-

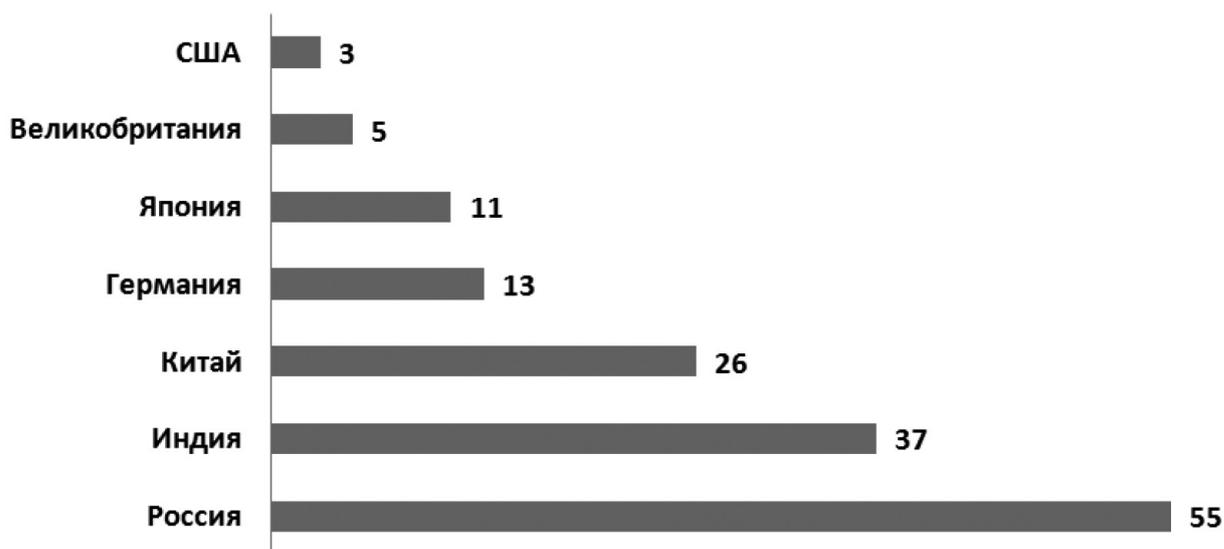

Рис. 2. Межстрановой рейтинг в рамках определения эффективности и экономического роста за 2016–2017 гг.

ти из 138 анализируемых стран. Выделим из рейтинга следующие преимущества: высокая доверительность профессиональным менеджерам и эффективность от внедрения corporate governance (рис. 4).

Так, из вышеизложенного следует отметить, что уровень образования и компетентность руководителей, топ-менеджеров компаний в Великобритании, их международный опыт снижает приоритетность дополнительного обучения персонала. В последние годы, начиная с 2009 г., это чаще продиктовано такими общемировыми кризисными явления-

ми, как возможность снижения финансовых затрат.

По инновационному потенциалу Япония — одна из ведущих стран в области научных исследований: высокие технологии, биомедицина и робототехника. Значительную роль в экономике Японии играют транспорт и связь [2]. На территории страны действует большое число средних и малых предприятий, связанных с другими отраслями и предприятиями в экономические группировки. Эта взаимосвязь основана на исторических традициях Японии, исходя из глубин которых

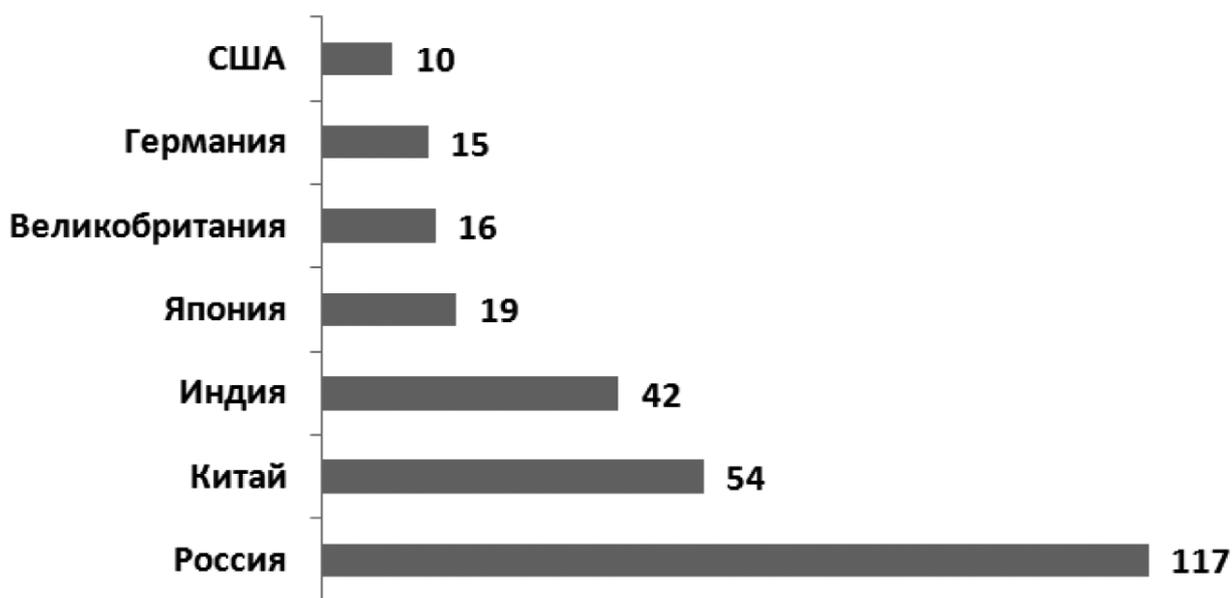

Рис. 3. Межстрановой рейтинг руководителей в рамках готовности к делегированию полномочий

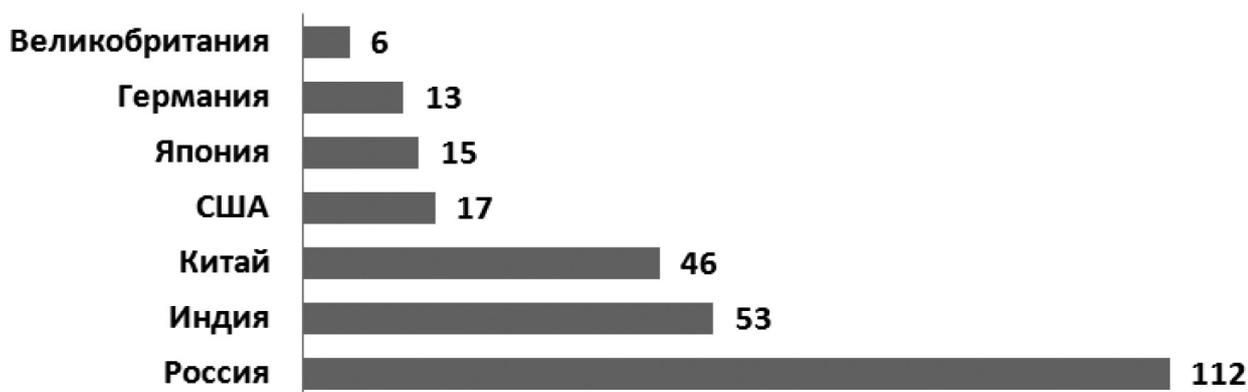

Рис. 4. Межстрановой рейтинг по доверительности профессиональным менеджерам и эффективности от внедрения corporate governance

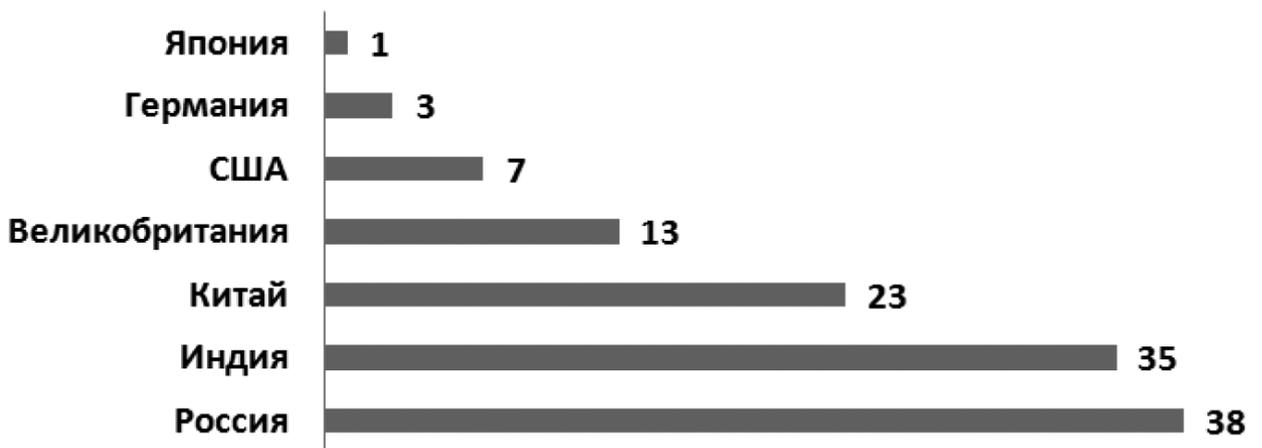

Рис. 5. Рейтинг стран по инновационному потенциалу

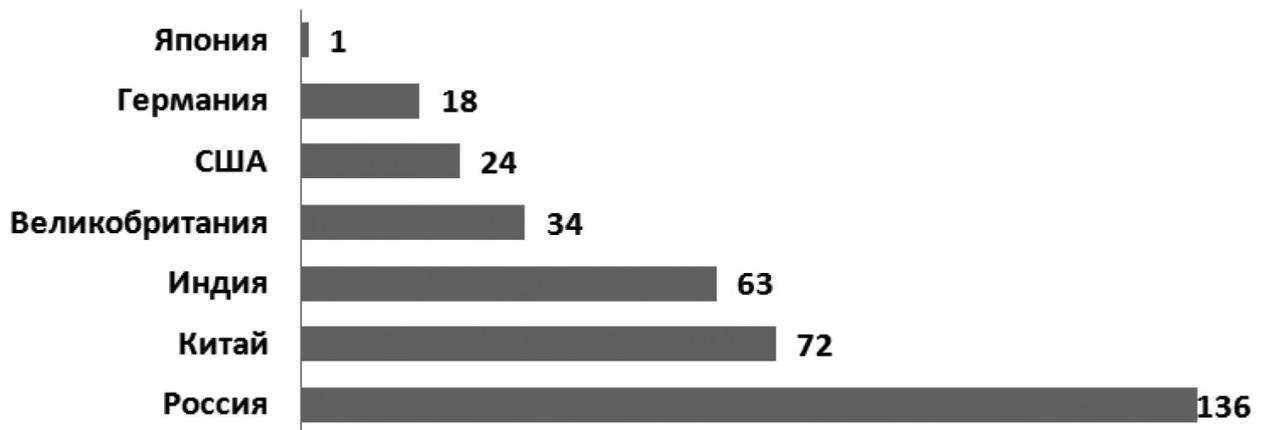

Рис. 6. Рейтинг стран по степени ориентации на клиента

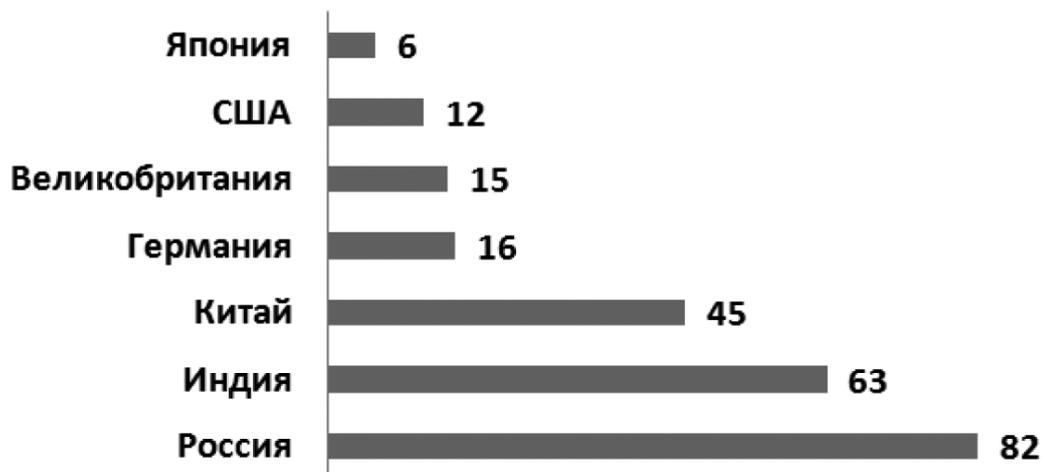

Рис. 7. Рейтинг стран по уровню подготовки персонала

выстраиваются экономические взаимоотношения между предприятиями (корпоративные группы), их руководством и персоналом (принцип пожизненного найма) [3]. В рейтинге за 2016–2017 гг. ВЭФ Япония занимает 11 место по конкурентоспособности из 138 стран. Из большого количества преимуществ этой страны выделим следующие: высокий инновационный потенциал (рис. 5), степень ориентации на клиента (рис. 6), уровень подготовки персонала (рис. 7) и уровень сотрудничества работодателя и работников (рис. 8).

Несмотря на недостаточно высокий уровень высшего образования, соответствующего требованиям конкурентоспособной экономики и управления образованием, не в полной мере отвечающего требованиям бизнес-общества, одним из приоритетов компаний Японии является обучение персонала, высокая социальная ответственность лидеров бизнеса, мотивация работников. Соответственно, по нашему мнению, корпоративные ценности следует учитывать в соответствии с ценностью самого персонала предприятия в связи с тем, что удовлетворенность запросов клиентов является важной целью в предприятии.

Таким образом, ключевые факторы, негативно влияющие на формирование конкурентоспособности, устойчивости и стратегическое развитие в целом, были определены экспертным методом российскими учеными Высшей школы экономики и дополнены нами по результатам анонимного анкетирования работодателей городских округов Ростовской области.

Ключевые факторы: недостаточный спрос на продукцию предприятия на внутреннем рынке, высокий уровень налогообложения, недостаток финансовых средств, неопределенность экономической ситуации, изношенность и отсутствие оборудования, высокий процент коммерческого кредита, недостаток квалифицированных кадров, конкурирующий импорт, недостаточный спрос на продукцию предприятия на внешнем рынке, несовершенство нормативно-правовой базы.

В своих выступлениях Президент РФ В. В. Путин неоднократно подчеркивает, что единственной альтернативой такому ходу событий является стратегия инновационного развития страны, опирающаяся на одно из наших конкурентных преимуществ — реализацию человеческого потенциала, наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов каждого из нас, жизни общества в целом [5].

По нашему мнению, необходимо отработать четкий инструментарий действий от разработки до внедрения инноваций, способствующий повышению инновационной и деловой активности сотрудников, предприятия и отрасли в целом.

Таким образом, мы считаем, что императивы расширения сферы действия рыночных институциональных инструментов, как стратегии долгосрочного развития национальной промышленности, диктуют необходимость применения антикризисных мероприятий

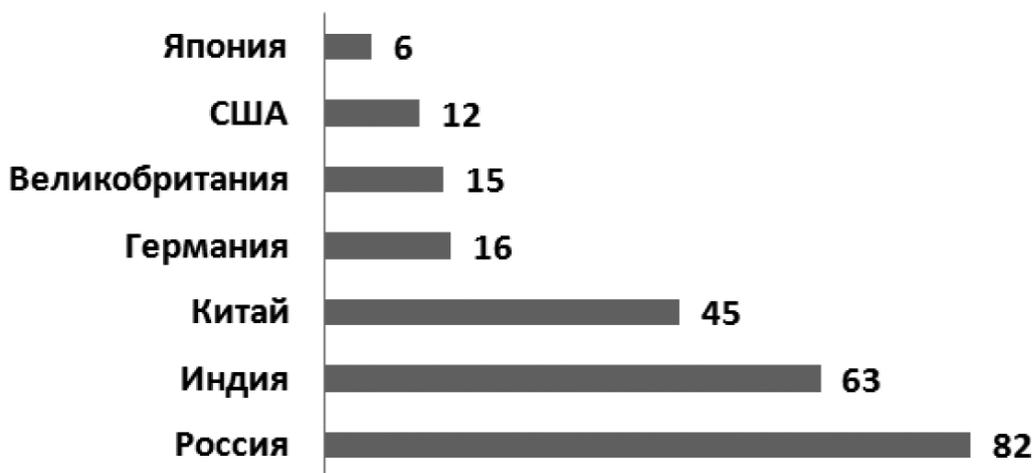

Рис. 8. Рейтинг стран по уровню сотрудничества персонала

для защиты от отрицательного воздействия рисков, влияющих на отрасли национальной экономики. Это позволит усилить аргументацию опоры на формирование в секторе экономики России инновационных «точек роста» при активизации роли эффективного управления и применения институциональных возможностей.

Литература

1. Официальный портал World Economic Forum, (2017). The Global Competitiveness Report 2017–18.
2. *Dovlatyan G. P., Chercesova E. Y., Makeeva E. I., Oboymova N. T.* // Potential of Use of Foreign Experience in Evaluatial of Strategic Sustainability of Enterprises Relating to Transition of Russia's Economy to Strategic Path of Development Asian Social Science. — 2015. — Vol. 11. — №20.

3. *Ветрова В.Д., Довлатян Г.П., Обоймова Н.Т.* Оценка конкурентоспособности услуговой сферы как инструмент, способствующий повышению уровня и качества жизни населения: монография / Институт открытого образования. — Новочеркасск: ЮРГТУ, 2013. — 183 с.

4. *Макеева Е. И., Довлатян Г.П.* Совершенствование инструментария повышения стратегической устойчивости промышленных предприятий на материалах Ростовской области (компетентностный подход) / ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова. — Новочеркасск: «НОК», 2019. — 114 с.

5. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>, свободный.

Поступила в редакцию

16 июля 2018 г.

Довлатова Галина Петровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Dovlatova Galina Petrovna — candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department «Economics and management» of the Road Institute (branch) of the South Russian state Polytechnic University (NPI).

346516, г. Шахты, ул. Толбухина, 4а
4a Tolbukhina st., 346516, Shakhty, Russia
Тел.: +7 (909) 405-99-99; e-mail: dovlatyan79@mail.ru

Ткачева Ольга Анатольевна — кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой «Экономика и управление» Автодорожного института (филиала) Южно-российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Tkacheva Olga Anatolyevna — candidate of technical Sciences, associate Professor, head of the Department «Economics and management» of the Road Institute (branch) of the South Russian state Polytechnic University (NPI).

346516, г. Шахты, ул. Толбухина, 4а
4a Tolbukhina st., 346516, Shakhty, Russia
Тел.: +7 (928) 100-30-04; e-mail: oa.tkachova@mail.ru

Василюк Наталья Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Автодорожного института (филиала) Южно-российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Vasilyuk Natalya Igorevna — candidate of sociological Sciences, associate Professor of the Department «Economics and management» of the Road Institute (branch) of the South Russian state Polytechnic University (NPI).

346516, г. Шахты, ул. Толбухина, 4а
4a Tolbukhina st., 346516, Shakhty, Russia
Тел.: +7 (918) 593-11-95; e-mail: niv_30@mail.ru

Агафонов Антон Сергеевич — ассистент кафедры «Экономика и управление» Автодорожного института (филиала) Южно-российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Agafonov Anton Sergeevich — assistant of the Department «Economics and management» of the Road Institute (branch) of the South Russian state Polytechnic University (NPI).

346516, г. Шахты, ул. Толбухина, 4а
4a Tolbukhina st., 346516, Shakhty, Russia
Тел.: +7 (928) 131-95-74; e-mail: senior.fonya505@yandex.ru

Евдокимов Павел Анатольевич — аспирант 2-го года обучения по специальности «Экономика» Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Evdokimov Pavel Anatolyevich — 2nd year postgraduate student majoring in Economics at St. Petersburg state University of Economics and Finance.

346516, г. Шахты, ул. Толбухина, 4а
4a Tolbukhina st., 346516, Shakhty, Russia
Тел.: +7 (919) 893-50-00; e-mail: esyn@rambler.ru

УДК 626.862.7

10.17213/2075-2067-2019-1-72-79

ВЛИЯНИЕ КРИТЕРИЕВ ПРОЦЕССА ОЧИСТКИ ТРУБОПРОВОДА НА ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДРЕНОПРОМЫВОЧНЫХ УСТРОЙСТВ

© 2019 г. Н. П. Долматов, С. С. Таран

Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»

Целью данной статьи является определение влияния критериев очистки трубопровода на технико-экономические показатели устройства. Для определения данных критериев были проведены экспериментальные исследования с опытным образцом. Задачей проведенных экспериментов являлось сопоставление критериев теоретических и полученных экспериментальных значений.

Ключевые слова: эксперимент; трубопровод; зависимость критериев; размывающая сила; наилкок; углы наклона; дренажпромывочное устройство; расход; напор; скорость подачи.

The purpose of this article is to determine the effect of pipeline cleaning criteria on the technical and economic indicators of the device. To determine these criteria, experimental studies were conducted with a prototype. The task of the experiments was to compare the criteria of theoretical and experimental values obtained.

Key words: experiment; pipeline; dependence of criteria; eroding force; filers; tilt angles; draining device; flow rate; pressure; feed rate.

При проведении экспериментов по промывке трубопроводов определяли степень очистки трубопровода, расход и объем воды, требуемый на очистку известной величины наносных отложений по заданной длине. Исследования работы экспериментального образца промывочной головки с оптимальным углом ориентации струеформирующих насадок ($\beta_{сфн} = 40^\circ$) для низконапорного промывщика в натуральных условиях проводились по методике испытаний опытных образцов, разработанной в СевНИИГиМ [1], и общепринятой методике полевого опыта [2]. При заилении трубопровода, обеспечивающего отвод грунтовых вод, свыше расчетного сечения производили дополнительную промывку обратным рабочим ходом. Статистическая обработка экспериментальных материалов в сравнении с расчетными осуществлялась на ПЭВМ с использова-

нием пакетов прикладных программ Mathcad и Excel.

В результате проведенных исследований было установлено, что угол наклона струеформирующего насадка β существенно влияет на гидравлические и экономические характеристики дренажпромывочного устройства, а также на эффективность очистки дренажной трубы от наносных отложений.

Основной целью экспериментальных исследований являлось достижение эффективной очистки дренажной трубы от наносных отложений путем оптимизации основных параметров дренажпромывочного устройства, в частности, угла наклона струеформирующих насадков относительно центральной оси дренажпромывочной головки.

Уменьшение угла β_{\min} приводит (рис. 1) к улучшению критерия η_n по проталкиванию пульпы и в то же время «налипанию» струи

к водонапорному шлангу. Увеличение β_{\max} приводит к улучшению критерия η_p на размыв наносных отложений и ухудшению параметра проталкивания. Из графика по оптимизации угла наклона β СФН (рис. 1), полученного аналитическим путем, отчетливо выделяется угол, равный 40° . Величина данного угла наклона СФН удовлетворяет требованиям критериев η_p на размыв наилка. А т.к. в данном случае (первые годы эксплуатации дренажа)

одним из важнейших факторов по очистке дренажа является вынос пульпы из полости трубопровода, поэтому необходимо увеличить характеристики критерия η_n на проталкивание.

В процессе проведения лабораторных исследований угол наклона β будет изменяться и обосновываться в зависимости от степени очистки дренажа.

Анализ динамики развития осесимметричной струи [3], формирующейся вблизи

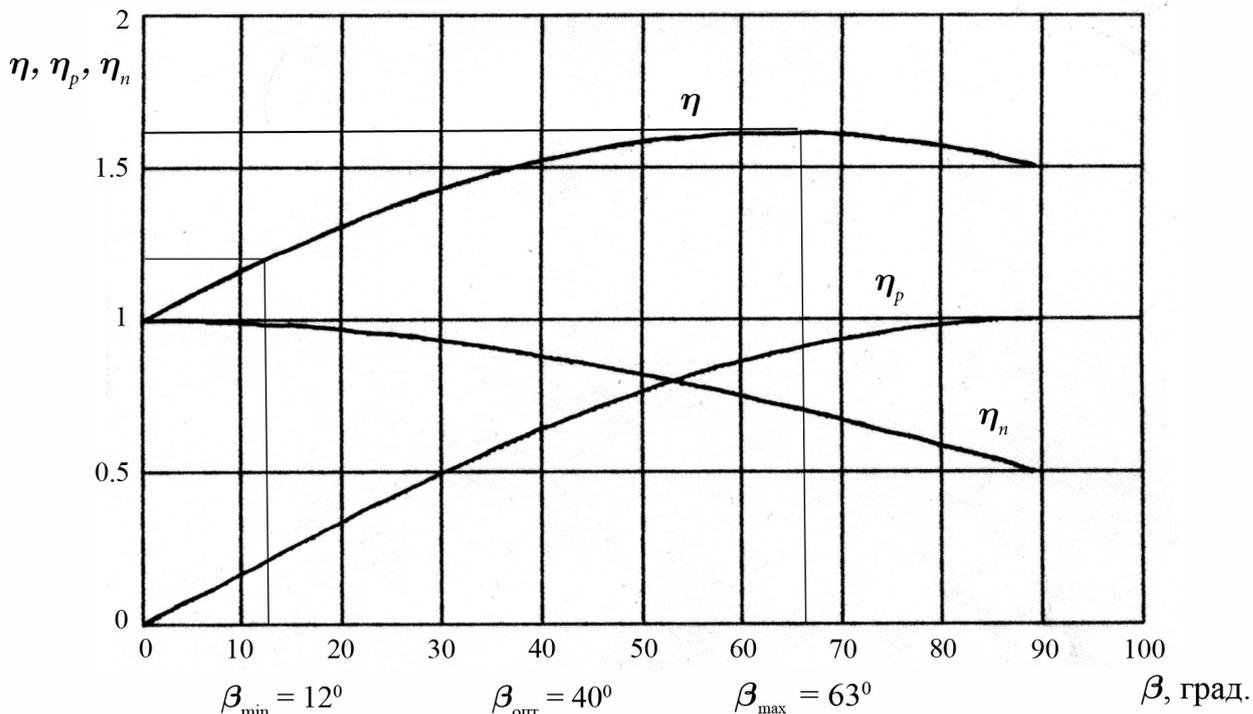

Рис. 1. К обоснованию оптимального угла наклона β СФН

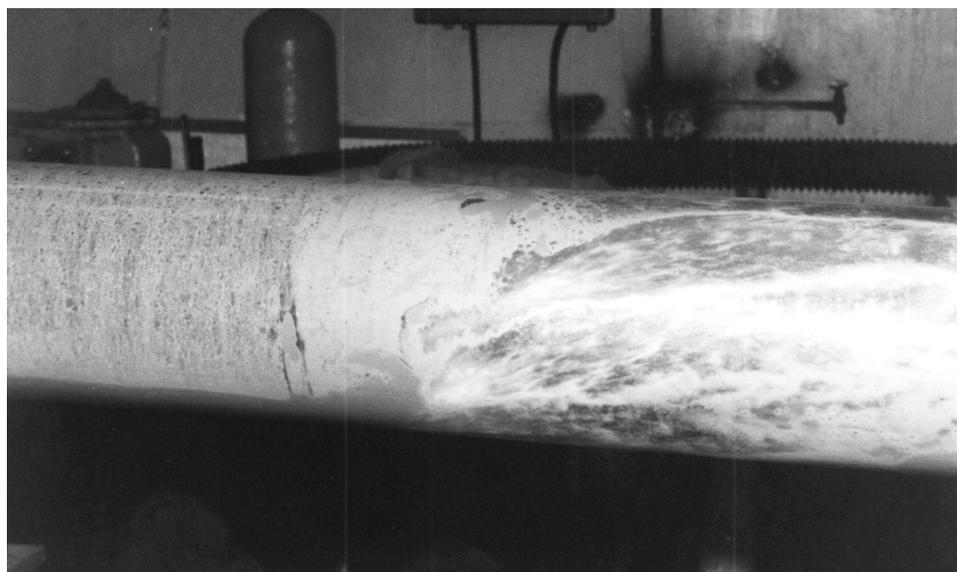

Рис. 2. Размыв наилка по внутреннему периметру дренажной трубы

стенки дренажной трубы, свидетельствует о наличии в пространстве между струей и стенкой сложных по структуре и динамике вторичных течений.

В процессе проведения эксперимента визуально наблюдался размыв по внутреннему периметру трубы наносных отложений осесимметричными турбулентными струями усовершенствованной дренажпромывочной головки (рис. 2).

Хотя минимальное и максимальное значения были определены в теоретическом расчете, тем не менее, максимальный угол β_{\max} в ходе эксперимента для уточнения гид-

равлических характеристик был увеличен до $\beta_{\max} = 70^\circ$. Изменяя угол наклона струеформирующих насадков $\beta = 70^\circ \div 12^\circ$, в то время как гидравлические и кинематические характеристики дренажпромывочного устройства ($Q_{\text{дн}}$, $Z_{\text{дн}}$, $W_{\text{лн}}$, U_n) оставались постоянными, изучался остаток наилка (степень очистки) после промывки трубы усовершенствованной дренажпромывочной головкой. В каждом опыте при проведении эксперимента толщина слоя наилка была также неизменной $\delta_n = 10$ мм (рис. 3).

В случаях, когда после промывки трубы при заданных гидравлических и кинемати-

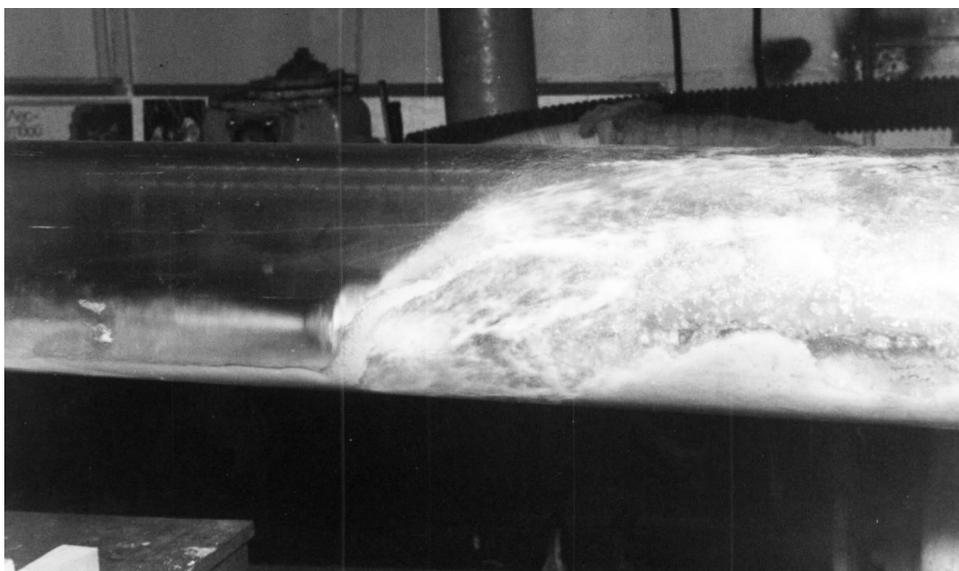

Рис. 3. Размыв заданной толщины слоя наносных отложений

Рис. 4. Остаток наилка после промывки

ческих параметрах в очередном эксперименте оставалась часть наилка (рис. 4), эксперимент проводился заново при тех же условиях, но давление в рабочей камере дренажпромывочной головки повышалось до значения, при котором после промывки наилка в трубе не оставалось.

Определенный таким образом расход устанавливался и при проведении экспериментов с гофрированной полиэтиленовой дренажной трубой. По прохождении всей трубы степень ее очистки оценивалась путем просмотра ее через продольный разрез.

Подобные серии лабораторных экспериментов проводились для каждого экспериментального образца дренажпромывочной головки, для различных углов ориентации струеформирующих насадок.

Результаты экспериментальных данных к обоснованию оптимальных гидравлических характеристик ДПУ от изменения угла β струеформирующих насадков в сравнении с расчетными представлены в таблицах 1, 2. В графическом виде сопоставление расчета с данными, полученными в результате эксперимента по оптимизации расхода ДПУ $Q_{\text{опт}}$ и необходимого объема $W_{\text{инм}}$ на размыв и вынос наилка из дренажного трубопровода, представлено на рисунке 7 в виде графиков и экспериментальных точек.

Изучив аналитические графики и точки, полученные в результате эксперимента, наблюдаем резкое возрастание показателей

расхода ДПУ $Q_{\text{опт}}$ и объема $W_{\text{инм}}$. Возрастание данных величин происходит с уменьшением угла β от 40° . Изучив и сопоставив графики к обоснованию оптимального угла наклона β СФН (рис. 1) с графиками связи расхода ДПУ $Q_{\text{опт}}$ и объема $W_{\text{инм}}$ (рис. 7), а также экспериментальные данные, приходим к выводу, что наиболее оптимальный угол наклона СФН $\beta = 40^\circ$.

В результате проведения лабораторных исследований по промывке дренажных труб произведена оптимизация величине угла β СФН. Оптимальный угол наклона СФН, удовлетворяющий по степени очистки от наносов при заданных гидравлических характеристиках, равен $\beta = 40^\circ$.

Следует отметить, что принятие ряда допущений в расчете преследовало целью повысить надежность промывки дрен и определялось, исходя из наихудших условий, поэтому экспериментальные точки на графиках (рис. 7) располагаются в целом ниже расчетных кривых. Это свидетельствует о наличии необходимого запаса мощности ДПУ с расчетными его характеристиками. В результате проведенных исследований было установлено, что угол ориентации струеформирующего насадка существенно влияет на гидравлические характеристики дренажпромывочного устройства, а также на эффективность очистки дренажной трубы от наносных отложений. В качестве положительного факта следует отметить, что эффективность промывки

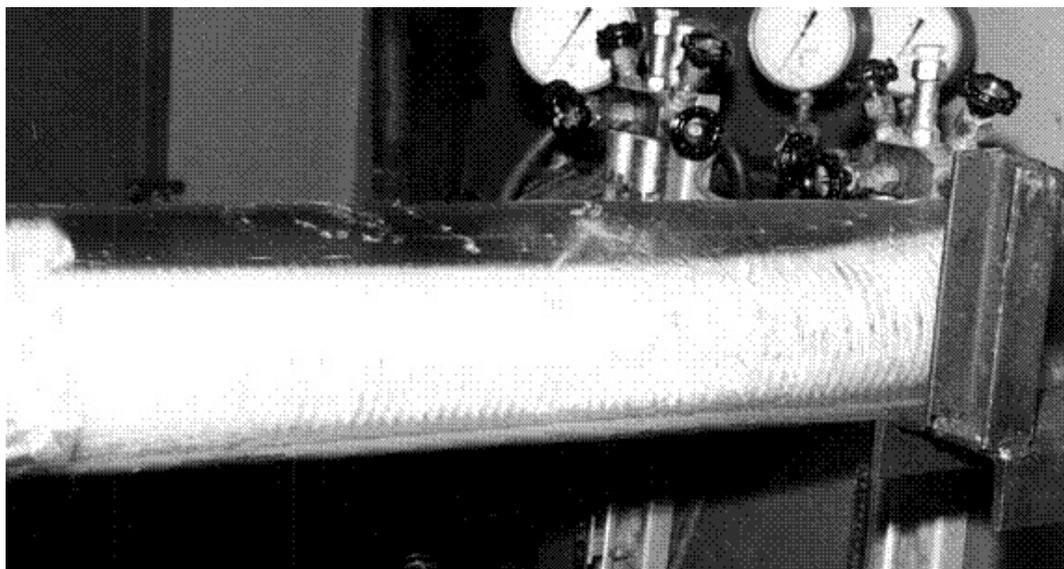

Рис. 5. Проникновение струи в перфорационные отверстия

Таблица 1

Влияние величины угла наклона β струеформирующих насадков на $W_{\text{н.м.}}$ (10^{-3} м^3)

№ опыта	Серия	Величина угла β						
		12	20	30	40	50	60	70
1	I	26	16	10,3	7,1	6,5	6,3	6,1
	II	25,8	15,5	10,1	7	6	6,2	6
	III	25,6	15	10	6,8	5,8	6,1	5,8
2	I	25,4	14,5	9,9	6,6	5,6	6	5,4
	II	25,2	14	9,7	6,4	5,2	5,8	5,2
	III	25	13,5	9,5	6,2	5	5,6	5
3	I	24,8	13	9,2	6	4,8	5,45	5,1
	II	24,4	13,1	9	5,8	4,2	5,2	5,11
	III	24	13,2	8,5	5,7	4	4,9	5,12
4	I	23,8	13,4	8,3	5,65	3,8	5	5,12
	II	23,4	13,5	8,4	5,6	3,6	5,1	5,12
	III	23,1	13,6	8,4	5,5	3,7	5,1	5,12
5	I	23,2	13,6	8,4	5,6	3,8	5,1	5,12
	II	23,2	13,6	8,4	5,6	3,8	5,1	5,12
	III	23,2	13,6	8,4	5,6	3,8	5,1	5,12
Оптимальный объем $W_{\text{лм}}$ для угла β		23,2	13,6	8,4	5,6	3,8	5,1	5,12

Таблица 2

Влияние величины угла β струеформирующих насадков на $Q_{\text{опт}}$ ($10^{-3} \text{ м}^3/\text{с}$)

№ опыта	Серия	Величина угла β						
		12	20	30	40	50	60	70
1	I	1,833	1,12	0,726	0,504	0,45	0,435	0,42
	II	1,8	1,1	0,724	0,5	0,445	0,43	0,41
	III	1,78	1,08	0,72	0,49	0,44	0,425	0,4
2	I	1,76	1,06	0,7	0,48	0,435	0,42	0,395
	II	1,74	1,04	0,68	0,48	0,425	0,415	0,39
	III	1,72	1,02	0,66	0,47	0,42	0,41	0,385
3	I	1,7	1	0,64	0,46	0,410	0,405	0,38
	II	1,68	1,02	0,645	0,45	0,4	0,406	0,382
	III	1,67	1,04	0,645	0,45	0,38	0,408	0,384
4	I	1,68	1,04	0,648	0,44	0,375	0,409	0,385
	II	1,68	1,04	0,65	0,43	0,377	0,409	0,386
	III	1,68	1,04	0,65	0,435	0,378	0,409	0,387
5	I	1,68	1,04	0,65	0,44	0,378	0,409	0,387
	II	1,68	1,04	0,65	0,44	0,378	0,409	0,387
	III	1,68	1,04	0,65	0,44	0,378	0,409	0,387
Оптимальный расход Q для угла β		1,68	1,04	0,65	0,44	0,378	0,409	0,387

гофрированной полиэтиленовой дренажной трубы и, в частности, ее перфорационных отверстий (рис. 5) становится выше при углах ориентации струеформирующих насадок $\beta_{сфн} \geq 40^\circ \div 45^\circ$.

Это в определенной степени подтверждает правильность теоретического обоснования оптимального угла ориентации СФН. Однако, с уменьшением угла $\beta_{сфн} \leq 40^\circ \div 45^\circ$ расход, а следовательно, и напор в ДПУ увеличиваются быстрее.

В результате статистической обработки полученные уравнения связи второго порядка с достоверностью:

- для расхода $Q_{дпу} = 0,9376$;
- для объема воды $W_{1м} = 0,9435$.

Учитывая неравномерность толщины слоя наносных отложений в естественных полевых условиях [4, 5, 6], для более высокой степени очистки дренажной трубы необходимо делать обратный ход дренажпромывочной головки рабочим (рис. 6). При этом скорость

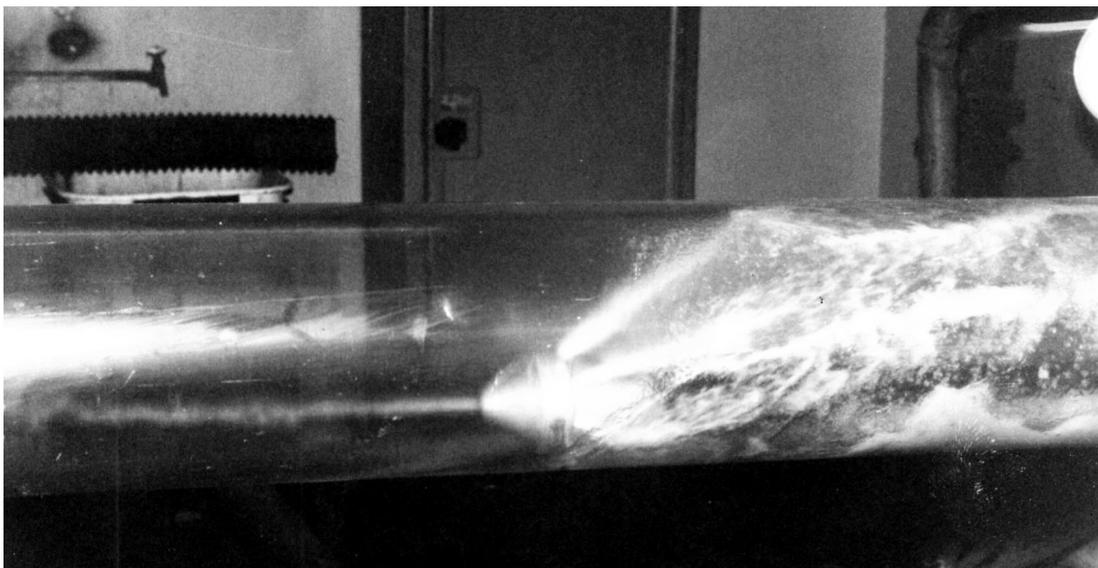

Рис. 6. Очистка трубы дренажпромывочной головкой при ее обратном ходе

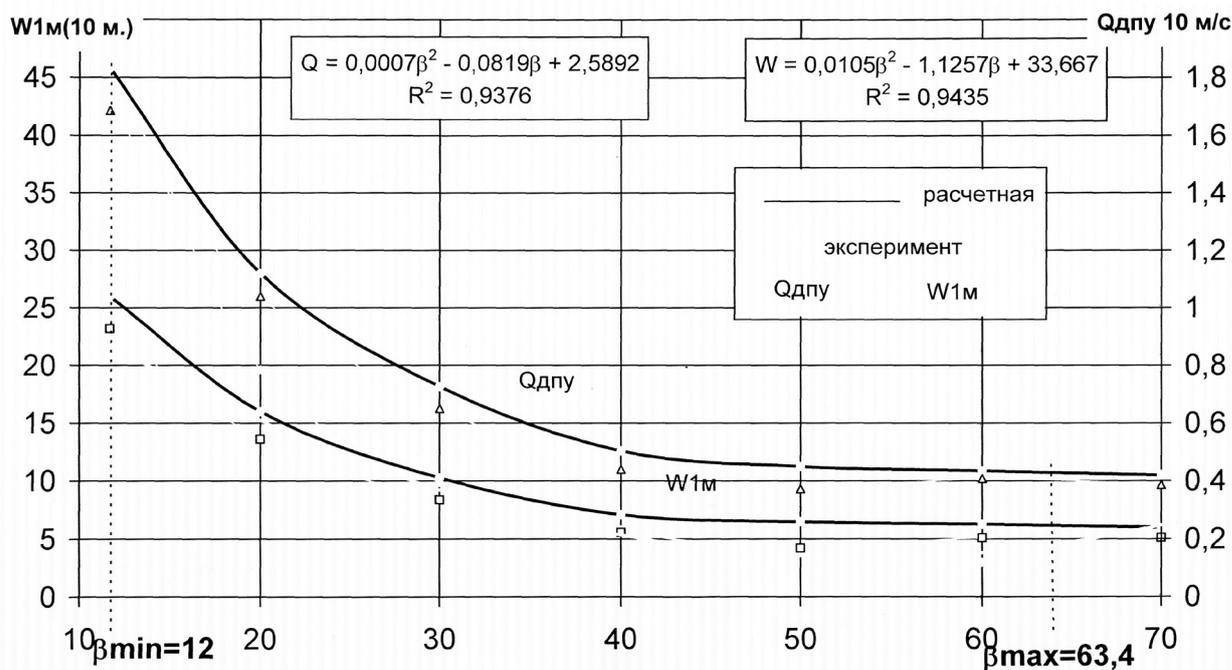

Рис. 7. Графики связи для расхода $Q_{дпу} = f(\beta)$ и объема $W_{1м} = f(\beta)$

продвижения обратным ходом остается равной скорости подачи U_n .

Анализ динамики развития осесимметричных струй вблизи стенки дренажной трубы свидетельствует о наличии в зоне взаимодействия системы веерных струй со стенкой трубы сложных по структуре и динамике течений. Структура течения, которая формируется после растекания смежных струй по поверхности трубы, для принятого количества струеформирующих насадок ДПУ обеспечивает равномерную промывку дренажной трубы по всему внутреннему сечению.

Литература

1. Программа и методика предварительных испытаний опытного образца насад-

ка фрезерного: НФП-00.00.000 ПМ: Утв. 29.05.84. / Разраб. Сев. науч.-исслед. ин-т гидротехники и мелиорации, Опытн.-констр. бюро — Л.: СевНИИГиМ, 1984. — 14 л.

2. Доспехов Б. А. Методика полевого опыта. — М.: Колос, 1979. — 415 с.

3. Альтшуль А. Д. и др. Гидравлика и аэродинамика: Учеб. для вузов. — М.: Стройиздат, 1987. — 414 с.

4. Хруцкая З. Я. Заиливание дренажа железистыми отложениями. — М.: Колос, 1970. — 96 с.

5. Бейлин Д. Х. Механизация дренажных работ. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Колос, 1975. — 205 с.

6. Мурашко А. И. Защита дренажа от заиливания. — Мн.: Урожай, 1978. — 242 с.

Поступила в редакцию

15 октября 2018 г.

Долматов Николай Петрович — кандидат технических наук, доцент кафедры «Машины природообустройства» Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Dolmatov Nikolay Petrovich — candidate of technical Sciences, associate Professor of the Department «Machine engineering» of Don State Agrarian University's Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering.

346410, г. Новочеркасск, ул. Фрунзе, 3
3 Phrunze st., 346410, Novocherkassk, Russia
Тел.: 8 (8635) 27-96-03, 8 (8635) 27-56-55, 8 (928) 602-27-00
E-mail: dolmanik@yandex.ru

Таран Сергей Сергеевич — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, исполняющий обязанности директора Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А.К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Taran Sergey Sergeevich — candidate of agricultural Sciences, associate Professor, acting Director of Don State Agrarian University's Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering.

346400, г. Новочеркасск, пер. Сосновый, 8, кв. 10
8 Sosnovy st., app. 10, 346400, Novocherkassk, Russia
Тел.: 8 (903) 435-11-11; e-mail: star-good@ya.ru

УДК 504.53.631.118

10.17213/2075-2067-2019-1-80-85

ЭКОЛОГООРИЕНТИРОВАННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В МЕЛИОРАТИВНОЙ СФЕРЕ

© 2019 г. Л. А. Александровская

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

В статье актуализируется необходимость разработки широкого комплекса форм, методов и инструментов экологизации процессов сельскохозяйственного природопользования. Рассмотрены вопросы организации использования земельных ресурсов в рамках агро-мелиоративных систем, которая представляет собой объективно сложный процесс, являющийся одним из основных направлений создания систем высококачественного агро-производства и повышения эффективности земельно-имущественных отношений.

Ключевые слова: земельный фонд; сельскохозяйственное природопользование; агро-экосистемы; природные экосистемы; агро-мелиоративная система; синергетический эффект; территории.

The article actualizes the need to develop a wide range of forms, methods and tools of ecological processes of agricultural environmental management. The questions of the organization of the use of land resources in the framework of agro-reclamation systems, which is an objectively complex process, which is one of the main directions of creating systems of high-quality agricultural production and improving the efficiency of land and property relations.

Key words: land fund; agricultural nature management; agroecosystems; natural ecosystems; agromeliorative system; synergetic effect; territories.

Взаимоотношениям между социально-экономической системой и окружающей средой присущ весьма сложный, внутренне противоречивый и неразрывно взаимосвязанный характер, позитивная направленность которого возможна только на основе согласования законов развития природы и общества. При этом особенности взаимодействия человека и природы находятся в прямой зависимости от способов производства, уровня развития производительных сил и характера общественных отношений. Определенный вектор отношений взаимодействия в системе «человек — природа» формируется на основе тех базовых ценностей и постулатов общественного развития,

которые сформированы в данный исторический момент времени.

Доминировавшая на протяжении длительного периода времени антропоцентричная картина мира базировалась на положении о том, что человек господствует над природой, а природа существует лишь для удовлетворения человеческих потребностей. Такая ориентация на потребление привела к истощению и деградации природной среды, что, в частности, весьма характерно для развития систем сельскохозяйственного производства.

Так, за последнее столетие в мировом масштабе было утрачено по различным причинам около 2 млрд. га продуктивных сельскохозяйственных земель, и этот процесс

не остановлен в настоящее время. Как следствие, если в середине XX века на каждого жителя нашей планеты приходилось 0,5 га обрабатываемых сельскохозяйственных земель, то в начале XXI века эта величина снизилась уже до 0,2 га [1]. За последнее столетие эрозионные процессы разрушили 27% сельскохозяйственных земель, а каждый смытый или вынесенный ветром сантиметр верхнего гумусового слоя означает снижение урожайности сельскохозяйственной продукции примерно на 1 ц/га. Специалистами было подсчитано, что сельскохозяйственная продукция, которая могла быть получена при условии сохранения необходимого качества эродированных почв, прокормила бы 30 млн. человек [2].

При этом в структуре земельного фонда планеты отмечается интенсивное уменьшение удельного веса земель, занимаемых пашней и пастбищами, о чем свидетельствуют данные, приведенные на рисунке 1.

Особую опасность представляет показанное на вышеприведенном рисунке увеличение удельного веса площадей, подпадающих под категорию так называемых «других земель», которые включают карьеры и иные объекты изъятия ресурсов, транспортные пути, инфраструктурные элементы хозяйственной деятельности. Следствием такой трансформации является интенсивное уничтожение природных объектов и ресурсов

(особенно водных, лесных, земельных), ухудшение качества окружающей среды, повышение заболеваемости населения.

Вышесказанное актуализирует необходимость разработки широкого комплекса форм, методов и инструментов экологизации процессов сельскохозяйственного природопользования.

В широком смысле сельскохозяйственное природопользование представляет собой комплекс мероприятий, предусматривающих использование различных методов, способов и технологий хозяйственного освоения земельно-ресурсного потенциала, сельскохозяйственного водопользования, обеспечения охраны природных ресурсов. При этом все перечисленные составляющие процесса природопользования находятся в тесной взаимосвязке и предусматривают наличие взаимного влияния.

Выбор конкретных форм, методов и инструментов сельскохозяйственного природопользования определяется социально-экономическими детерминантами, выступающими в качестве комплекса предпосылок для формирования такой институциональной среды хозяйственного освоения природно-ресурсного потенциала, которая ограничивает расточительное и разбалансированное использование природных ресурсов и стимулирует накопление природного капитала

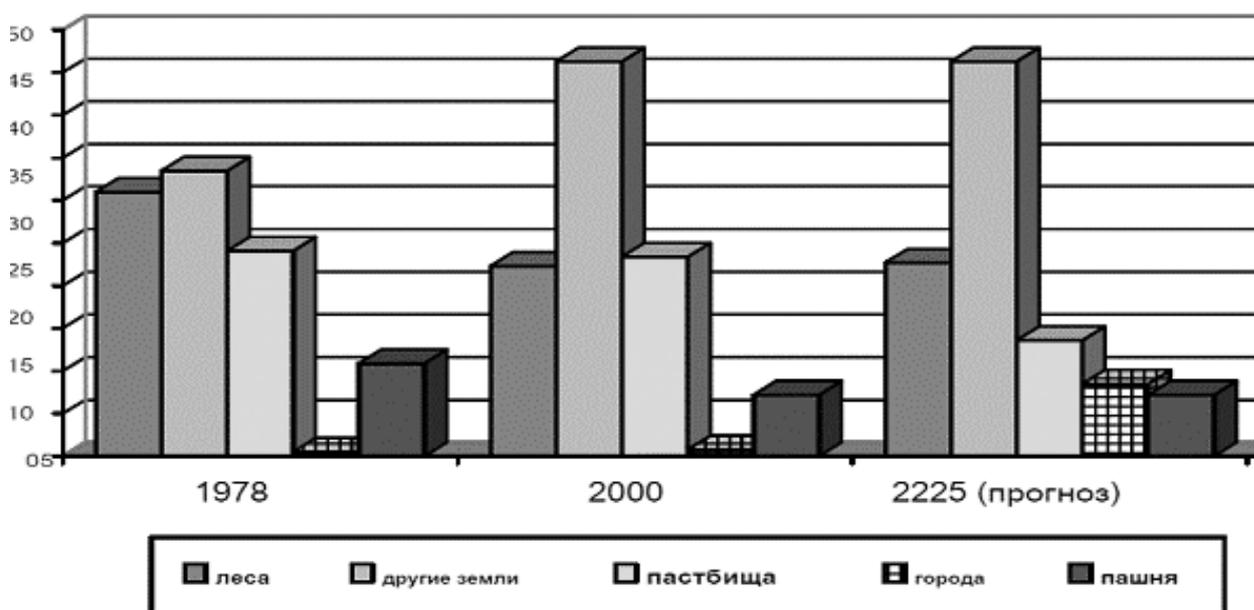

Рис. 1. Динамика изменения структуры земельного фонда в мировом масштабе [3]

как ресурсного базиса социально-экономического развития.

При этом важнейшей характеристикой сельскохозяйственного природопользования является то, что оно происходит в рамках сельскохозяйственной экосистемы (агроэкосистемы), под которой понимается природный комплекс, измененный (трансформированный) сельскохозяйственной деятельностью человека. Агроэкосистема представляет собой совокупность биогенных и абиогенных компонентов, находящихся на определенном отрезке агроландшафта и взаимодействующих между собой.

Искусственно созданные агроэкосистемы отличаются от естественно сформировавшихся экосистем, представляющих собой пространственно ограниченные природные комплексы, созданные популяциями живых организмов и средой их обитания на основе обмена энергией, веществом и информацией [4], рядом специфических особенностей, к важнейшим из которых можно отнести следующие:

1) видовое разнообразие организмов агроэкосистемы значительно уменьшено человеком, агроэкосистемы характеризуются обязательным доминированием выращиваемых культурных растений, которые оказывают основное влияние на формирование биотических особенностей искусственной системы;

2) поскольку в соответствии с законами общей экологии агроэкосистемы достаточно

нестабильны, стабильность в них достигается путем приложения дополнительной антропогенной энергии;

3) доминирующие в агроэкосистемах растения и животные подвергаются искусственному, а не естественному отбору;

4) регулирование процессов, происходящих в агроэкосистемах, подчинено внешней цели, так как они формируются человеком, а к самостоятельному возникновению и существованию не способны, при этом без надлежащего внимания со стороны человека в агроэкосистемах неизбежно происходят деграционные процессы.

Основные отличия природных экосистем и агроэкосистем представлены в таблице 1.

При этом можно выделить следующие подсистемы, в своей совокупности формирующие модель агроэкосистемы [5]:

1) технико-технологическая подсистема, включающая в себя комплекс технологических мероприятий, посредством которых осуществляется соединение и использование природно-биологических, материально-технических и трудовых ресурсов в процессе производства агропродукции;

2) организационно-экономическая подсистема, связанная с организацией и размещением производства, сочетанием отраслей, организацией труда, структурой производства. Применительно к третьему и четвертому этапам эволюции земледелия, по нашему мнению, имеет место взаимодействие ком-

Таблица 1

Ключевые свойства природных экосистем и агроэкосистем

Свойство	Природная экосистема	Агроэкосистема
Биологическое разнообразие	Высокое	Низкое
Замкнутость круговорота веществ	Высокая	Низкая
Изъятие органического вещества из экосистем	Практически отсутствует	Присутствует
Необходимость поступления веществ в экосистему извне	Отсутствует	Высокая
Трофические цепи	Длинные	Короткие
Эрозия	Слабая	Сильная
Вымывание веществ из экосистем	Слабое	Сильное
Потребность в антропогенной энергии	Отсутствует	Высокая
Устойчивость систем	Высокая	Низкая

плекса двух подсистем: технико-технологической и организационно-экономической;

3) агроэкологическая подсистема, ориентированная на сохранение экологического равновесия в агроэкосистемах при комплексном использовании всех видов ресурсов;

4) социально-экономическая подсистема, которая позволяет рассматривать сельскохозяйственное производство как открытую систему, посредством которой обеспечивается цикличность всего воспроизводственного процесса.

Взаимодействие указанных подсистем в едином комплексе образует единую эколого-экономическую систему, целью которой является производство требуемого количества экологически чистой продукции при минимальных затратах на ее единицу на основе комплексного учета природно-климатических условий, качественного состояния земельных и водных ресурсов, условий агроландшафта местности и биологического потенциала живой природы [6].

Применение экосистемного подхода, постулирующего в качестве имманентных для агроэкосистемы элементов взаимосвязь и взаимозависимость агропроизводства, природной среды и человеческой жизнедеятельности, формирует ситуацию, в рамках которой экологические параметры, ранее признаваемые в качестве внешних по отношению к производственной системе, становятся ее внутренними элементами, что определяет сущностное содержание экологизации сельскохозяйственной деятельности. При этом основные принципы экологизации в сфере сельскохозяйственного производства состоят в следующем:

1) принцип сочетания административных и рыночных механизмов управления процессом экологизации;

2) принцип эффективного инновационного совершенствования и модернизации сельскохозяйственной деятельности с учетом целей и задач повышения продуктивности сельскохозяйственного производства;

3) принцип минимизации антропогенного воздействия, способствующий неухудшению эколого-экономической ситуации в сельскохозяйственной сфере;

4) принцип приоритетности и комплексности (системности), который способствует

формированию критериев выбора приоритетных инвестиционно-финансово эффективных направлений экологизации деятельности в сельскохозяйственной сфере;

5) принцип сбалансированности текущих и перспективных целей и задач.

При реализации указанных принципов создаются условия для формирования устойчивой агроэкосистемы, имеющей количественную и качественную определенность.

М.И. Лопырев и С.А. Макаренко суть процесса обеспечения устойчивости агроэкосистем видят в приближении их функций к функциям естественных (природных) экосистем и соответствующем регулировании этих процессов [7].

На данной основе становится возможным сочетать такие целевые установки, как сохранение природного разнообразия в условиях сельскохозяйственной нагрузки и обеспечение восстановительных процессов на уровне почвенного покрова. Важнейшее значение при этом имеет реализация наиболее адекватного сложившимся условиям и указанным целевым установкам комплекса агро-мелиоративных мероприятий, реализация которых является базисом для формирования агро-мелиоративной системы (мелиоративной агроэкосистемы), под которой понимается совокупность природно-климатических, организационно-территориальных, социально-экономических и эколого-мелиоративных факторов, обеспечивающих устойчивое и надежное осуществление высокотехнологичных процессов, направленных на улучшение качественных параметров земельных ресурсов в контексте повышения эффективности сельскохозяйственного производства и поддержания устойчивого взаимодействия компонентов системы.

В целом агро-мелиоративную систему можно представить в качестве сложной, целостной и взаимосвязанной экосистемы, функционирующей в сельскохозяйственной сфере [8]. В данном контексте агро-мелиоративная деятельность должна рассматриваться как самостоятельная среда, способная обеспечивать наряду с интенсификацией использования земель также реализацию природоохранных мер, направленных на предотвращение негативных процессов, восстановление и улучшение качества окру-

жающей среды на прилегающих агроландшафтах и организацию рационального природопользования на агромелиоративных системах. В этих условиях процесс формирования эффективных агромелиоративных систем и рационального природопользования в их рамках невозможен без ресурсосберегающих и природоохранных технологий. В данном контексте, как подчеркивает абсолютное большинство специалистов, мелиоративные процессы должны базироваться на интенсивном, а не на ресурсозатратном подходе к их осуществлению [9]. Данная парадигма определяет сущность процесса экологизации агромелиоративной деятельности.

Необходимо отметить, что формирование и развитие агромелиоративных систем характеризуется такими аспектами, как:

— экономический, обусловленный тем, что агромелиоративное производство имеет свои характерные черты, которые оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие этих территорий;

— социальный, который указывает на возрастание роли человеческого фактора в агромелиоративном преобразовании отдельных территорий;

— технический, создающий условия для формирования агромелиоративных систем, которое осуществляется в рамках процессов возведения мелиоративных сооружений, рационализации водо- и землепользования на мелиорируемых территориях;

— экологический, предопределяющий использование земельных и водных ресурсов с учетом соблюдения требований создания экологически безопасного производства на агромелиоративных территориях;

— территориальный, обусловленный формированием агромелиоративных систем на конкретных территориях, характеризующихся особыми условиями для развития рационального природопользования.

Организация использования земельных ресурсов в рамках агромелиоративных систем представляет собой объективно сложный процесс, являющийся одним из основных направлений создания систем высококачественного агропроизводства и повышения эффективности земельно-имущественных отношений. Если проведение улучшений мелиорированного земельного участка представляет

собой процесс изменения его качественного состояния, то организация его использования есть процесс, обеспечивающий повышение производительных свойств и формирование целостной структуры такого участка, как агромелиоративная единица на мелиорируемых территориях.

Таким образом, при формировании агро-мелиоративных систем одновременно осуществляется не только процесс улучшения мелиорированных территорий, но и процесс улучшения организации их использования во взаимной увязке с водопользованием. Именно в этом заключается усложненный характер использования мелиорируемых участков, на территории которых осуществляется не только улучшение земель и улучшение организации их использования, но и рациональное использование оросительной воды. Посредством реализации совокупности мероприятий, направленных на решение вышеотмеченных задач, достигается синергетический эффект, состоящий в обеспечении комплексной рационализации использования природных ресурсов в процессе мелиоративной деятельности, с одной стороны, и повышением экономической эффективности производства сельскохозяйственной продукции, с другой.

Литература

1. *Рубинский Ю. И.* Кому на планете жить хорошо? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/komu-na-planete-zhit-khorosho>.

2. *Балджи М. Д.* Современное видение природопользования как социально-экономического явления // Известия. Списание на Икономически университет (Варна). — 2010. — №1. — С. 28.

3. Состояние мировых земельных и водных ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/018/i1688r/i1688r03.pdf>.

4. *Маржохова М. А., Халишхова Л. З., Горшкова О. П.* Экономико-экологические подходы к группировке факторов сельскохозяйственного природопользования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — №7. — С. 281.

5. Федорова Н. В. Ресурсы в системе земледелия: оценка использования и эффективность воспроизводства: дис. ... канд. экон. наук. — М., 2015. — С. 24.

6. Миркин Б. М., Суюндуков Я. Т., Хазиахметов Р. М. Управление в агроэко системе // Экология. — 2002. — №2. — С. 106.

7. Лопырев М. И., Макаренко С. А. Агрорландшафты и земледелие. — Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет, 2001. — С. 152.

8. Александровская Л. А. Эколого-экономические аспекты обоснования использования земельных ресурсов в системе агроландшафтов / Л. А. Александровская // Terra Economicus. — 2012. — Т. 10. — №2-2. — С. 80–83.

9. Карашиева А. С., Калибатова И. К. Проблемы сельскохозяйственного природопользования // Научный альманах. — 2016. — №3-3. — С. 462.

Поступила в редакцию

7 июля 2018 г.

Александровская Людмила Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство» Новочеркасского инженерно-мелиоративного института им. А. К. Кортунова.

Aleksandrovskaia Liudmila Anatolievna — candidate of economic Sciences, associate Professor of chair «Land management and land tenure» of Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute of A. K. Kortunov name of Don State Agrarian University.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346400, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (908) 170-98-82; e-mail: alika2007@rambler.ru

УДК 332.3:502.131.1

10.17213/2075-2067-2019-1-86-89

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

© 2019 г. Л. Г. Долматова

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

В статье рассмотрена система государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий в рыночных условиях и проанализирована современная ситуация в производственной сфере их деятельности.

Ключевые слова: экономический механизм; рыночные условия; система; государственное регулирование; сельскохозяйственные предприятия; управление; эффективность.

The article considers the system of state support for agricultural enterprises in market conditions and analyzes the current situation in the production sphere of their activities.

Key words: economic mechanism; market conditions; system; government regulation; agricultural enterprises; management; efficiency.

На современном этапе развития хозяйствующих субъектов, характеризующемся, с одной стороны, сложной структурой организации производительных сил и производственных отношений, усложнением и появлением новых форм экономических связей, а с другой стороны — накопленным опытом хозяйствования, проведения реформ и экономических экспериментов, все в большей степени становится очевидной трудность функционирования сельскохозяйственных предприятий в рыночных условиях.

Успех любого развития определяется, прежде всего, правильным выбором цели, траекторией движения к ней и скоростью самого движения. Цель развития аграрного сектора — это создание высокопроизводительного, конкурентоспособного сельскохозяйственного производства, обеспечивающего высокое качество жизни сельских тружеников и всего сельского населения.

Мы живем не в изолированном экономическом пространстве, поэтому при выборе стратегических ориентиров должны учитывать ряд важнейших условий, которые будут

определять пути развития сельского хозяйства как в стране, так и в области. Добиться позитивных сдвигов в хозяйствовании можно, лишь опираясь на три основных фактора: первый — государственное регулирование и финансовая поддержка отечественных сельскохозяйственных производителей; второй — эффективное управление на уровне предприятия; третий — преобразование внутриэкономических взаимоотношений в целях сделать каждого участника сельхозпроизводства экономически заинтересованным лицом. Но практика все яснее свидетельствует, что ни один из этих инструментов, ни одна из форм не действует изолированно, все они тесно взаимодействуют. Все эти составляющие рыночного механизма сориентированы на то, чтобы хозяйствующий субъект использовал находящиеся в его владении или пользовании природные ресурсы наиболее эффективно.

Для сельского хозяйства России государственная поддержка является насущно необходимой. Опыт показывает, что если она есть, сельский сектор развивается нормально, если нет — нищенствует. В современной

рыночной экономике существует немало социально-экономических проблем, неподвластных рынку и требующих государственного вмешательства. Понятия «рыночная экономика» или «рыночные отношения» абстрактны. Они представляют упрощенную картину действительности, в которой многие ее стороны отсутствуют. Ни сейчас, ни когда-либо прежде нет и не было ни одной страны, экономика которой функционировала бы только при помощи рыночного механизма. Наряду с ним всегда использовался и используется (сейчас еще в большей степени) механизм государственного регулирования экономики.

Нужно отметить, что и в стабильно развивающихся странах роль государства в сфере экономики весьма значительна. Смещаются лишь акценты экономической политики. Зарубежная концепция управления аграрным производством исходит из такой точки зрения, согласно которой без государственного регулирования и поддержки государства деятельность сельскохозяйственных предприятий малоэффективна, хотя в экономической теории стран Европы и Америки долгое время господствовало убеждение о самодостаточности рыночного механизма, саморегулирования экономики в целом и сельского хозяйства в частности.

Прибыльность сельскохозяйственного производства в развитых странах обеспечивается:

— поддержанием на внутреннем рынке такого уровня цен на сельхозпродукцию, который бы давал производителям возможность не только окупать затраты на производство, но и получать доход;

— искусственным понижением себестоимости производства сельскохозяйственной продукции посредством прямых государственных субсидий за счет бюджетных средств.

Указанные способы обеспечения прибыльности сельскохозяйственного производства во многом определяют главные направления, по которым осуществляется государственное регулирование агросистемы экономически развитых стран. Одним из важнейших направлений государственного регулирования является субсидирование сельского хозяйства, то есть его финансирование на возвратной, а чаще на безвозвратной основе. В настоящее время в стране накопилось огромное количество проблем, решение ко-

торых невозможно без помощи государства, поэтому нельзя сводить его роль лишь к примитивной функции охранителя собственности от всевозможных посягательств [1].

Реальная экономическая политика государства в общих чертах выражается в степени и методах его воздействия на объекты регулирования экономики. Таковыми могут выступать сферы, отрасли, регионы, а также ситуации, явления и условия социально-экономической жизни страны, где возникали или могут возникнуть трудности и проблемы, которые не разрешаются автоматически или же могут быть разрешены в отдаленном будущем. В области ценового регулирования и государственной финансовой поддержки аграрного сектора производства основным принципом является обеспечение эквивалентности товарного обмена между сельским хозяйством и промышленностью, а также конкурентоспособности национальных производителей на мировом рынке и социальной защиты работников сельского хозяйства. Важной является разница в ценах на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Как правило, сельхозпродукция реализуется по заниженным ценам, а техника, оборудование, минеральные удобрения приобретаются по высоким ценам у коммерческих организаций, занимающихся материально-техническим снабжением сельских товаропроизводителей.

Для устранения диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию необходимо ввести государственное регулирование цен на продукцию предприятий-монополистов путем установления предельных уровней цен на основные виды промышленной продукции и услуг. За нарушение установленных предельных уровней цен следует применять к монополистам экономические санкции. Государственное регулирование рыночных цен может осуществляться в формах государственных закупок сельскохозяйственной продукции и продовольствия или государственных залоговых операций в соответствии с Федеральными и региональными программами.

Поиск инвестиций, наличие финансовых ресурсов является еще одной важной проблемой успешного функционирования хозяйств. Решение этой проблемы в настоящее время главным образом связывается с помощью

государства, выделением средств бюджета на различные формы государственной поддержки сельскохозяйственного производства (дотации, субсидии, льготные кредиты и др.). Финансовую поддержку сельскохозяйственных предприятий следует осуществлять путем компенсации части затрат на горюче-смазочные материалы, электроэнергию, удобрения при производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции; создания специальных государственных фондов финансовой поддержки сельского хозяйства, обладающих стабильными источниками формирования и целевым характером использования; выделения дотаций по поддержке племенного дела в животноводстве и птицеводстве; ведения элитного семеноводства; субсидирования за счет средств бюджета части кредитов, используемых сельскохозяйственными товаропроизводителями на приобретение высокопроизводительных машин и оборудования; введения эффективных технологий и оказания финансовой помощи в становлении и развитии крестьянских (фермерских) хозяйств.

В настоящее время действует государственная поддержка на основе принятой Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы (Постановление Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2014 г. №1421) Подпрограмма «Поддержка малых форм хозяйствования», Ведомственная целевая программа «Поддержка начинающих фермеров на 2015–2017 годы и на период до 2020 года», по которой предусматривается помощь в обеспечении КФХ необходимой техникой. Если фермер нуждается еще в других единицах техники, то в этом может помочь обслуживающий кооператив.

Развитие АПК области характеризуется в целом положительной динамикой в части роста объемов производства продукции сельского хозяйства. В Ростовской области отмечается рост производства сельхозпродукции на 27,7% по итогам первого квартала 2018 года в сравнении с аналогичным периодом 2017 года. В январе-апреле 2018 года в Ростовской области хозяйства всех категорий произвели сельскохозяйственную продукцию на 27,5 млрд. рублей. Это не только почти

на треть больше, чем годом ранее, но и в 10 раз выше среднероссийского показателя. По состоянию на май текущего года на поддержку АПК и социальное развитие села за счет средств федерального и областного бюджетов направлено 1,2 млрд. рублей, а лимит бюджетных обязательств, предусмотренных минсельхозпроду области, составил 6,3 млрд. рублей.

Однако темпы роста недостаточно устойчивы. Так, за последние годы индекс физического объема производства продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств (в сопоставимых ценах к предыдущему году) составил в 2000 г. 109,4%, в 2001 г. — 121,3%, 2002 г. — 105,0%, 2003 г. — 98%, 2004 г. — 123,4%, 2005 г. — 103,2%, в 2006 г. — 101,3%, 2007 г. — 90%, 2008 г. — 140,6%, 2009 г. — 87,6%, 2010 г. — 98,6%, в январе-марте 2018 года — 128% [2, 3].

Возможно, следует также осуществлять меры государственной неценовой поддержки хозяйств, находящихся в экстремальных и неблагоприятных для ведения производства регионах. Это будет способствовать конкурентоспособности предприятий и развитию этих регионов, повышению уровня их самообеспечения продуктами.

Говоря о втором пункте (управление на уровне предприятия), хотелось бы отметить, что любое хозяйство, независимо от его организационно-правовой формы, требует осуществления управленческих функций как минимум по трем направлениям:

— взаимодействие предприятия с внешней средой — потребителями его продукции, поставщиками ресурсов и услуг, государственными органами, местным самоуправлением и т.д.;

— установление и регулирование организационно-экономических связей между производственными и обслуживающими подразделениями предприятия (вопросы специализации производства, планирования хозяйственной деятельности, внутрихозяйственных взаимоотношений и т.п.);

— создание механизмов заинтересованности каждого члена предприятия в его эффективной работе, материального и морального стимулирования, ответственности, участия рядовых членов в управлении, т.е. по всем тем вопросам, которые связаны с поведением человека на предприятии.

Таким образом, решение проблем управления, связанных с взаимодействием предприятия с внешней средой, является, пожалуй, одной из наиболее злободневных задач современного агропромышленного производства России, однако анализ деятельности большинства хозяйств показывает огромные неиспользованные ресурсы развития самого предприятия. Источником этих ресурсов является грамотная организация маркетинга товарной продукции, применение передовых технологий, эффективная организация технологического процесса производства сельскохозяйственной продукции. В хозяйстве важно создать «мини-рынок», на котором внутрихозяйственные подразделения могут покупать материальные ресурсы, необходимые для производства продукции или оказываемых услуг, а затем продать свою продукцию либо услуги. Только путем полного возмещения перерасходованных средств за счет личного дохода можно обеспечить безубыточность производственной деятельности.

Противозатратный принцип должен стать основным фактором управления предприятием в целом и мотивацией труда работников внутрихозяйственных подразделений. Таким образом, для повышения экономической эффективности сельскохозяйственного произ-

водства существенное внимание необходимо уделить экономическому механизму хозяйствования, эффективным методам управления и государственного регулирования.

Литература

1. Долматова Л.Г., Петрова И.А. Основные факторы государственного регулирования экономических отношений сельскохозяйственных предприятий // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. — 2016. — №5. — С. 35–40.
2. Социально-экономическое положение Южного федерального округа в январе-марте 2018 года / РОССТАТ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области [Электронный ресурс] — Ростов-на-Дону, 2018. — Режим доступа: <http://rostov.gks.ru>.
3. Подпрограмма «Поддержка малых форм хозяйствования» государственной программы Российской Федерации «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Поступила в редакцию

13 июля 2018 г.

Долматова Людмила Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство» Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова.

Dolmatova Lyudmila Georgievna — candidate of economic Sciences, associate Professor of chair «Land management and land tenure» of Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute of A. K. Kortunov.

346410, г. Новочеркасск, ул. Фрунзе, 3
3 Frunze st., 346410, Novocherkassk, Russia
Тел.: 8 (8635) 27-96-36; e-mail: dolmatovall1971@mail.ru

УДК 657.6

10.17213/2075-2067-2019-1-90-95

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОНИТОРИНГА И ОЦЕНКИ РИСКОВ
В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ
КАК ЭЛЕМЕНТА ПОВЫШЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ**

© 2019 г. Л. В. Голощанова*, Е. И. Зацаринная*, Г. П. Довлатова**

*Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск

Специфика деятельности предприятий автомобильной промышленности делает необходимым формирование финансового механизма управления на предприятии автомобильной промышленности с акцентом на систему внутреннего аудита и процесс мониторинга. Для достижения эффективности бизнес-процессов, а также для своевременного выявления рисков в организации необходимо понимание возможных направлений повышения эффективности и выполнения функциональных обязанностей служб внутреннего аудита.

Ключевые слова: *внутренний аудит; предприятия автомобильной промышленности; оценка риска; финансовый механизм.*

The specific of the automotive industry makes it necessary to create a financial management mechanism in the automotive industry with a focus on the internal audit system. It is necessary to understand the possible ways to improve the efficiency and performance of the functional responsibilities of internal audit services to achieve the effectiveness of business processes, as well as to timely identify risks in the organization.

Key words: *internal audit; the automotive industry; risk assessment.*

В своей деятельности автомобильная промышленность сталкивается с высокой конкуренцией, поэтому возникает необходимость проведения контрольных мероприятий, включающих в себя анализ выполнения финансовых планов, систему менеджмента, пожарную и экологическую безопасность, контроль сохранности активов, контроль соблюдения законодательства, оценку рисков [1].

Внутренний аудит — важный элемент системы корпоративного управления, направленный на сохранение и повышение стоимости компании через проведение объективных внутренних аудиторских проверок на основе риск-ориентированного подхода, предоставления рекомендаций и обмена знаниями [2].

При применении риск-ориентированного подхода следует различать внутренние и внешние риски. Внутренними рисками занимается организация в лице ее внутренних аудиторов, внешними рисками — государство в лице уполномоченных на то государственных органов.

Для вопросов, связанных с внутренним и внешним аудитом, системой внутреннего контроля, финансовой отчетностью, управлением финансовыми рисками и предоставлением рекомендаций по этим вопросам совету директоров, создается консультативный орган совета директоров автомобильной промышленности. Цели и основные задачи Комитета совета директоров по аудиту оп-

ределяются в соответствующем положении. В функции комитета совета директоров по аудиту должны входить в том числе оценка эффективности процедур внутреннего контроля организации и подготовка предложений по их совершенствованию.

На основании предоставленной информации от единоличного исполнительного органа и комитета совета директоров по аудиту совет директоров предприятия автомобильной промышленности выносит вердикт по эффективности внутреннего контроля общества [3].

Исполнительные единоличные и коллегиальные органы предприятий автомобильной промышленности обязаны исполнять решения совета директоров предприятий автомобильной промышленности, которые направлены на улучшение внутреннего контроля.

На предприятии автомобильной промышленности все руководители несут ответственность за разработку, документооборот, функционирование и инкорпорирование.

В обязанности службы внутреннего аудита входит:

- согласование с советом директоров плана внутреннего аудита на 1 год;
- сотрудничество с советом директоров по аудиту, если возникает необходимость внесения изменений в план для решения стратегических вопросов;
- разработка элементов регламентации и нормирования к системе внутреннего контроля;
- контролирование результатов по внедрению планов корректирующих действий;
- предоставление отчета по результатам аудита исполнительному органу;
- взаимодействие с внешними аудиторами;
- взаимодействие с ревизионной комиссией организации.

Внутренние аудиторы в своей работе руководствуются Международными основами профессиональной практики, которые состо-

ят из международных стандартов и основных принципов и Кодекса этики.

Служба внутреннего аудита предоставляет отчет по результатам аудита ревизионной комиссии и совету директоров для заключения выводов, дальнейшей проработки и анализа [4]. В отчетах, как правило, содержатся следующие сведения:

- существующие недостатки в системе внутреннего контроля, которые в дальнейшем могут оказать негативное влияние на деятельность автомобильной промышленности;
- существующие риски и риски будущего;
- как система внутреннего контроля предприятий автомобильной промышленности будет реагировать на происходящие изменения вовне;
- публичная отчетность, оценка качества ее проработки.

При проведении проверок объектов аудита, как правило, осуществляется одновременно и оценка эффективности процесса управления рисками, присущими объекту аудита, и эффективности системы внутреннего контроля объекта аудита. По элементу «оценки рисков» внутреннему аудиту необходимо выявить потенциальные риски, а также оценить их и принять возможные меры по их минимизации.

Существуют несколько этапов управления риском (рис. 1).

Рассмотрим, как применяется оценка рисков в ПАО «АВТОВАЗ». Служба внутреннего аудита представляет собой сложную многоуровневую систему, работающую с большим количеством дополнительных самостоятельных блоков информации, характерных для крупной компании, которой необходимо поддерживать высокий уровень конкурентоспособности. В таблице 1 представлен перечень служб внутреннего аудита и область их ответственности по сферам деятельности ПАО «АВТОВАЗ».

Рис. 1. Технологический процесс оценки рисков

Целью службы внутреннего аудита ПАО «АВТОВАЗ» является оказание поддержки руководству в результативном и эффективном исполнении его обязанностей по осуществлению контрольных мероприятий. Служба внутреннего аудита дает возможность руководству перейти от ретроспективного контроля за уже произошедшими событиями к перспективному, заключающемуся в выявлении и управлении рисками.

При осуществлении внутреннего аудита наиболее важно оценить риски, присущие данному сектору: финансовые риски, маркетинговые риски, производственные риски, инновационные риски и риски, связанные с персоналом.

Для оценки неотъемлемого риска внутренний аудитор ориентирует на показатели конкурентоспособности компании и влияние на финансовое положение организации внешних факторов.

Для снижения рисков компании возможны следующие меры: оптимизация финансовых потоков, фокусирование на наиболее важных бизнес-процессах, привлечение зарубежных специалистов, повышение мотивации работников и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что система внутреннего аудита в ПАО «АВТОВАЗ» обширна и охватывает все области хозяйственной деятельности организации, детально проработан стандарт организации «Организация менеджмента риска в группе «АВТОВАЗ».

Система оценки рисков как элемент системы внутреннего аудита позволяет выявить риски на начальной стадии и своевременно их предотвратить. В сферах и областях деятельности сегодня появляются инновации в технологиях и производстве, автомобильная промышленность также не остается в стороне, стараясь учитывать изменения,

Таблица 1

Области внутреннего аудита в компании ПАО «АВТОВАЗ»

Область аудита	Служба внутреннего аудита
Внутренний аудит бизнес-процессов	Управление внутреннего аудита и оценки рисков
Внутренний аудит системы менеджмента качества	Дирекция по качеству
Внутренний аудит системы внутреннего контроля подготовки внешней финансовой и налоговой отчетности	Управление внутреннего аудита и оценки рисков
Внутренний аудит пожарной безопасности	Центральная пожарно-техническая комиссия
Внутренний аудит охраны труда	Комиссия IV ступени контроля охраны труда и безопасности
Внутренний аудит системы внутреннего контроля сохранности, целевого и эффективного использования активов	Контрольно-ревизионное управление
Внутренний аудит информационных систем	Управление внутреннего аудита и оценки рисков
Внутренний аудит взаимоотношений с персоналом и соответствия трудовому договору	Управление организации труда и заработной платы
Внутренний аудит системы внутреннего контроля подготовки внутренней финансовой отчетности	Управление внутреннего аудита и оценки рисков
Внутренний аудит соответствия законодательству	Контрольно-ревизионное управление
Внутренний экологический аудит	Управление энергетики, природопользования и экологии

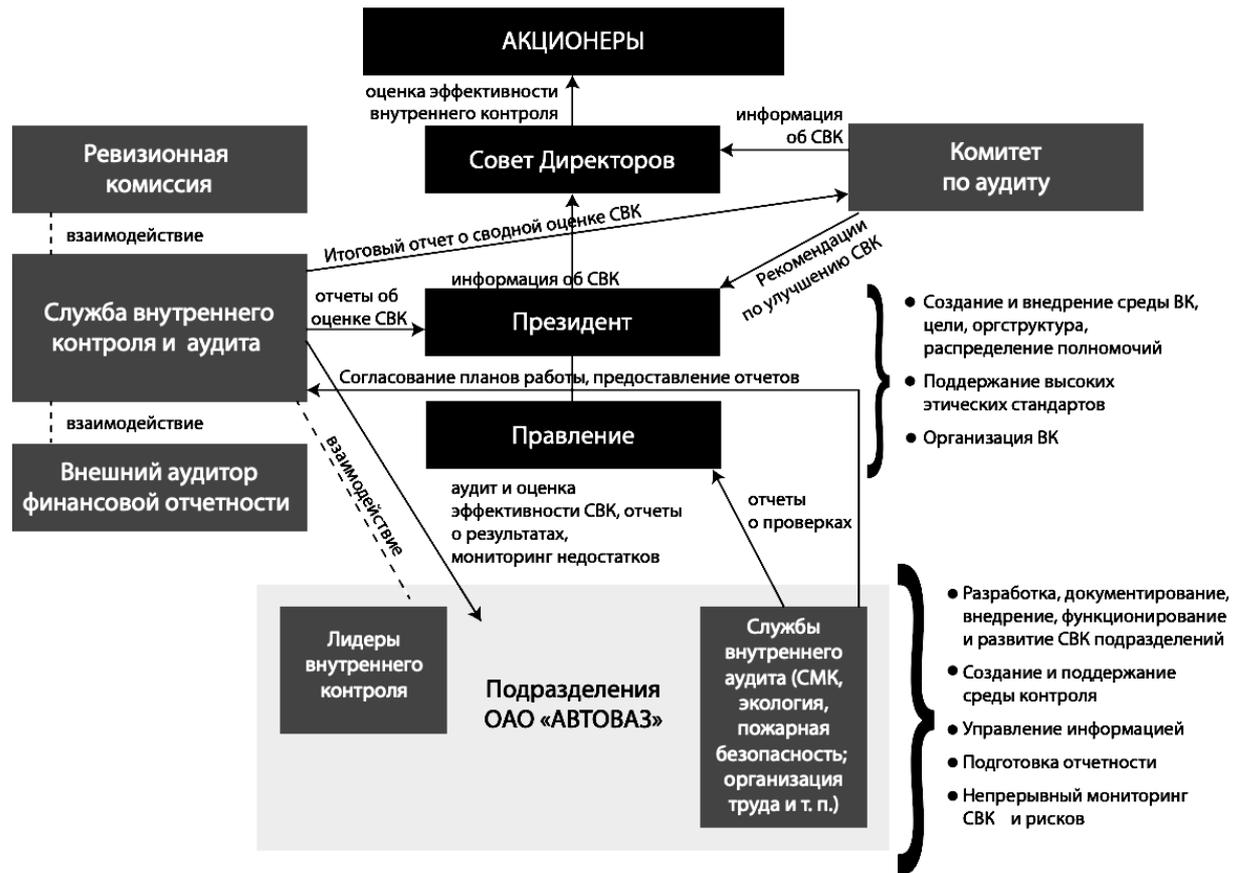

Рис. 2. Действующая система внутреннего контроля ПАО «АВТОВАЗ», 2018 г.

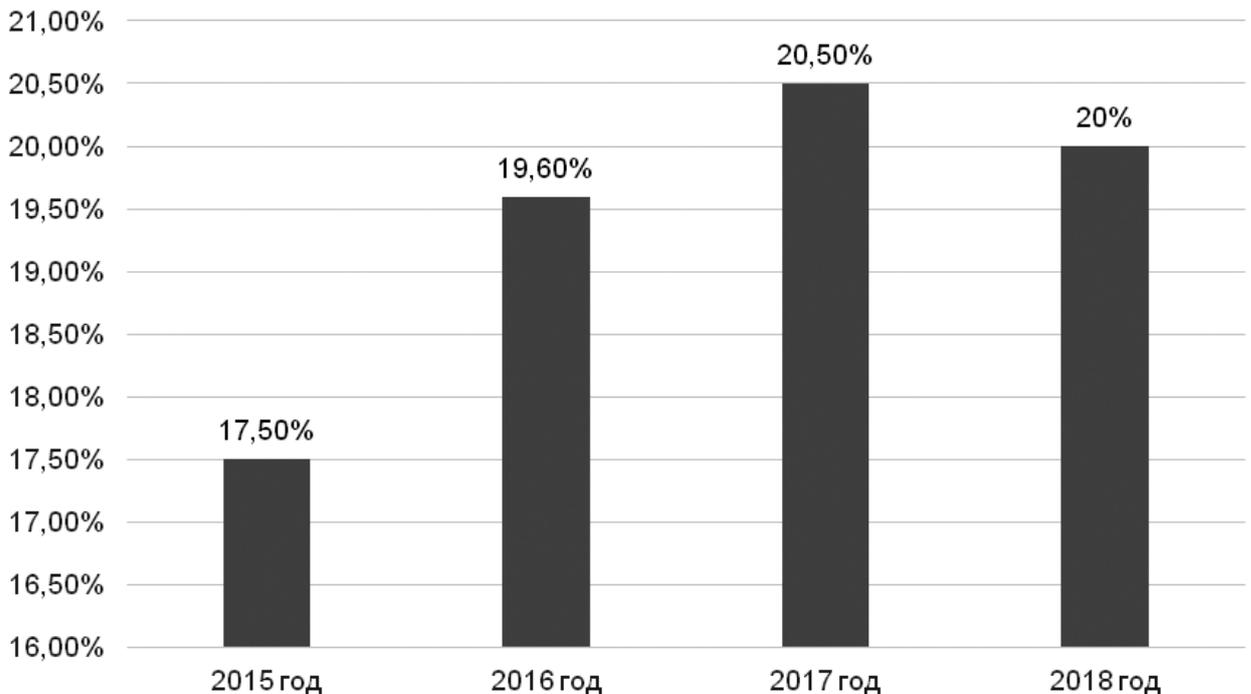

Рис. 3. Оценка изменения доли компании ПАО «АВТОВАЗ» на рынке автомобильной промышленности в 2015–2018 гг. в условиях трансформации системы контроля

происходящие во внешней и внутренней среде, а также проводить анализ рисков, независимо от того, контролирует компания их источник или причины рисков являются неочевидными. Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что «АВТОВАЗ» удерживает лидерство на российском авторынке, реализовав в 2018 году 360204 автомобиля. В сравнении с 2017 годом наблюдается увеличение продаж на 16%. Это достигается при условии использования мониторинга и постоянной оценки рисков, обновления карт-рисков группы «АВТОВАЗ» и разработки при мер по снижению рисков.

Литература

1. Годовой отчет ПАО «АВТОВАЗ» // Официальный сайт ПАО «АВТОВАЗ» [Элек-

тронный ресурс] — Режим доступа: <http://info.avtovaz.ru/>. (Дата обращения: 02.04.2019 г.).

2. Крышкин О. Настольная книга по внутреннему аудиту. Риски и бизнес-процессы // О. Крышкин. — Издательство «Альпина Паблишер», 2018. — 101–120 с.

3. Кузнецов М. Управление рисками, аудит и внутренний контроль // М. Кузнецов, А. Филатов, Э. Джураев, Е. Егорова. — Издательство «Издательские решения», 2017. — 61 с.

4. Курилов К. Ю., Кирюшкина А. Н. Оценка рисков российских предприятий автомобильной промышленности // Карельский научный журнал. — 2017. — №4 (21).

5. Курилова А. А., Курилов К. Ю. Влияние системы управления рисками на статистику работы ПАО «АВТОВАЗ» // АНИ: экономика и управление. — 2016. — №2 (15).

Поступила в редакцию

15 августа 2018 г.

Голощাপова Людмила Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления г. Москвы Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Goloshchapova Liudmila Vyacheslavovna — candidate of economic Sciences, associate professor of the base Department financial control, analysis and audit Main control Department of the city of Moscow of Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny st., 117997, Moscow, Russia
Тел.: +7 (926) 883-37-73; e-mail: cool.lvg2012@yandex.ru

Зацаринная Елена Ивановна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления г. Москвы Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Zatsarinnaya Elena Ivanovna — candidate of economic Sciences, associate professor of the base Department financial control, analysis and audit Main control Department of the city of Moscow of Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny st., 117997, Moscow, Russia
Тел.: +7 (903) 660-61-21; e-mail: e29175z@yandex.ru

Довлатова Галина Петровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Dovlatova Galina Petrovna — candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department «Economics and management» of the Road Institute (branch) of the South Russian state Polytechnic University (NPI).

346516, г. Шахты, ул. Толбухина, 4а
4a Tolbukhina st., 346516, Shakhty, Russia
Тел.: +7 (909) 405-99-99; e-mail: dovlatyan79@mail.ru

УДК 005:001.895:378.4

10.17213/2075-2067-2019-1-96-99

**УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНТРАМИ ИННОВАЦИОННОГО,
СОЦИАЛЬНОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ:
ИЗВЕСТНЫЕ ПОДХОДЫ И ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

© 2019 г. *Е. Ю. Кошевец*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

В работе изучены механизмы управления инновационным развитием вузов. Рассмотрены функции вузов в инновационных процессах. Обозначена значимость социального и экономического направлений развития для инновационного университета. Изучено перспективное направление управления центрами инновационного, социального и технологического развития на основе модели «тройной спирали».

Ключевые слова: инновационный вуз; бизнес-инкубаторы и научно-технологические парки; модель «тройной спирали»; предпринимательский университет; трансфер технологий.

The work examines the mechanisms for managing the innovative development of universities. The functions of universities in innovation processes are considered. The significance of the social and economic development directions for an innovative university is indicated. The perspective direction of management of innovation, social and technological development centers based on the triple helix model has been studied.

Key words: innovative university; business incubators and science and technology parks; triple helix model; entrepreneurial university; technology transfer.

В настоящее время современное мировое сообщество выдвигает высшее образование на передний план, так как именно оно является одним из действенных и эффективных ресурсов развития современной экономики. Именно в сфере высшего образования зарождаются и активно развиваются такие экономические категории, как знания, информация и инновация.

Социально-экономическому развитию страны способствует активизация в ней научно-технической и инновационной деятельности. Стимулирование развития инновационных процессов является одной из важнейших составляющих национальной инновационной политики.

В России с целью формирования инновационной инфраструктуры стремительное развитие получило создание бизнес-инкубаторов и научно-технологических парков, центров коммерциализации и трансфера технологий, инновационных центров и зон научно-технического развития. При этом важную роль в реализации инновационной политики играет вузовская наука, что требует эффективной системы управления инновационными процессами высшей школы.

Так, высшая школа занимает особое место в концепции устойчивого развития экономики России. Мировой исторический опыт показывает, что в кризисные периоды экономики каждое государство пытается выбрать

такое направление развития, которое способно было бы помочь преодолению кризиса, обеспечить успешное движение страны, в результате которого можно было бы добиться конкурентных преимуществ перед другими государствами. Такое направление развития общества давно известно — это развитие высшей школы.

Актуальность обозначенной темы определила значительный интерес отечественных и зарубежных исследователей к проблемам инновационного развития высшей школы, что, в свою очередь, привело к появлению работ, посвященных сущности и содержанию инноваций и инновационной деятельности в системе высшего образования (С. Винтер, Р. Фостер, Н. Сорокина, А. Абрамешин и др.).

Имеются также работы отечественных ученых, посвященные исследованию проблем высшего профессионального образования в условиях модернизации экономики в нашей стране (труды Л.И. Абалкина, С.А. Дятлова, Е.Н. Жильцова, В.М. Зуева), а также работы зарубежных авторов, к которым относятся Ф. Котлер, К. Макконелл, А. Маршалл и др.

В работах указанных авторов описываются сущность, содержание, а также основные категории инновационных процессов, приняты попытки их классификации. В данных трудах исследованы основные тенденции инновационного развития образовательных систем, способствующие повышению качества предоставляемых учебными заведениями образовательных услуг, что, в свою очередь, является основой становления и повышения конкурентоспособности образовательных услуг не только в масштабах рынка труда той или иной страны, но и на мировом уровне.

В современных условиях приоритетной проблемой развития российской экономики является активизация инновационных процессов. В глобальном масштабе научно-технический прогресс признан важнейшим фактором перехода к устойчивому экономическому росту и все чаще связывается с формированием инновационных механизмов, которые объединяют науку, технику, предпринимательство и менеджмент. Путем регулирующих воздействий государство осуществило разворот к инновационной модели экономического развития. На сегодняшний день

российская экономика находится в состоянии перехода от инновационной стагнации к инновационному «разгону».

Ключевая роль в формировании инновационной экономики, называемая экономикой знаний», безусловно, принадлежит сфере науки и образования. Развитие вузовской науки является базовым условием достижения стратегических целей инновационных преобразований российской экономики.

Неотъемлемой задачей современного университета вместе с образовательной и научной деятельностью становится его инновационная деятельность. Сегодня инновационная деятельность и трансфер технологий — это реальность современных взаимоотношений между наукой, промышленностью и рынком. Во всем мире признано, что университеты — важнейший источник инноваций. Именно здесь осуществляется значительная часть фундаментальных, прикладных исследований и технологических разработок.

В качестве двух основных функций вузов в инновационных процессах специалисты традиционно выделяют функцию подготовки специалистов и функцию исследования и разработок, что отражает линейную модель инновационного развития высших образовательных учреждений. В развитых инновационных системах сформировались более сложные модели, определяющие, с одной стороны, участие вузов на всех стадиях инновационного цикла — от создания и распространения до диффузии инноваций, с другой стороны, взаимодействие со всеми участниками инновационных процессов и достижение синергетического эффекта.

Интеграционные процессы, которые выражаются в развитии и углублении взаимодействий между экономическими субъектами, являются закономерностью в развитии инновационных процессов. По мнению В.А. Цигляева, интеграционные процессы вузов определяются как «объединения всех видов ресурсов высшей школы в целях углубления инновационного потенциала вузов, а также создание инновационной инфраструктуры на базе взаимодействия субъектов образовательной и научной деятельности для активного участия в формировании национальной инновационной системы» [1].

Такой подход представляется ограниченным, замыкающим вузы внутри научно-исследовательского сектора как элемента НИС, в связи с чем необходимо обратиться к концепциям и моделям, которые подразумевают выход вуза из узких рамок на основе взаимодействия со всеми участниками НИС. Представляют интерес статьи В. В. Соколовой [2], М. В. Федорова, Э. В. Пешинной [3], в которых проведен научный обзор современных интеграционных моделей инновационного развития вузов, разработанных российскими и зарубежными учеными.

В инновационной сфере получает все большее распространение модель «тройной спирали» (Triple Helix), созданная в Англии и Голландии в начале XXI века профессором университета Ньюкасла Генри Ицковицем (Henry Etzkowitz) и профессором амстердамского университета Лойетом Лейдесдорфом (Loet Leydesdorff).

Модель «тройной спирали» идет дальше линейного взаимодействия между тремя ключевыми институтами экономики знаний (Власть, Бизнес и Университет), базируясь на трех началах: усилении в инновационной экономике роли вузов во взаимосвязи с бизнесом и правительством; трансформации стремления к сотрудничеству науки, бизнеса и государства в инновационный механизм; частичном принятии на себя каждым из трех институтов дополнительных функций. Вертикальные механизмы управления инновационным развитием дополняются горизонтальными связями между лицами, входящими в разные группы участников НИС. Традиционные миссии вузов (образование и наука) дополняются третьей миссией — инновации [1, 3].

Вузы в модели «тройной спирали» выступают в качестве «точки отсчета» инновационного процесса, генератора новых знаний и технологий, определяют инновационный потенциал государства и конкурентоспособность национальной экономики.

Действие модели «тройной спирали» лаконично и исчерпывающе сформулировано А. Ф. Уваровым: «Предприятия создают структуры в действующих университетах; университеты создают предприятия; власть поощряет независимую экспертизу и полагается на мнение партнеров. Максимально воз-

можное взаимопонимание, взаимодействие, каналы информации открыты» [4].

Передовой опыт ведущих университетов мира свидетельствует о том, что ключевым фактором их успешного развития является предпринимательская деятельность, которая обеспечивает адекватную реакцию на изменения внешней среды, способствует одновременному удовлетворению социальных запросов общества и потребностей рынка. В связи с этим особое значение приобретает определение сущности предпринимательского университета как формы интеграции образования, науки и бизнеса в рамках.

При этом Б. Р. Кларк довел, что университет может реализовывать предпринимательскую функцию, не причиняя вреда «традиционным университетским ценностям» (образовательному процессу и результативности научных исследований).

В современной российской экономической литературе часто встречается определение предпринимательского университета Г. Н. Константинова и С. Р. Филоновича. По мнению ученых, предпринимательский университет — «это высшее учебное заведение, которое систематически прилагает усилия по преодолению ограничений в трех сферах — генерации знаний, преподавании и преобразовании знаний в практику — путем инициирования новых видов деятельности, трансформации внутренней среды и модификации взаимодействия с внешней средой» [5].

А. А. Сидорова, Н. А. Румянцев отмечают, что «предпринимательский университет — это такого рода научно-исследовательский центр, в котором помимо традиционных функций образования и науки осуществляется перенос знаний в практические области экономики и общества в целом, воплощение знаний в продукте или услуге» [6].

В системах высшего образования экономически развитых стран происходят радикальные трансформации, связанные с решающим значением университетов для инновационного развития и экономического роста и, как следствие, ведущие к процветанию государства и росту благосостояния граждан. Реальность свидетельствует об изменении социально-экономических функций университета. Рядом с его традиционными миссия-

ми — образовательной и научной — возникает быстрорастущая сфера экономической активности. В новую сферу деятельности университета входят разработка и трансфер технологий, коммерциализация продуктов академической науки и вывод их на рынок, создание новых бизнесов, управление интеллектуальной собственностью с целью получения прибыли. Современный университет принимает на себя миссию социального и экономического развития, благодаря созданию соответствующих инновационных центров, что доказывают современные модели развития инновационного вуза.

Литература

1 Цигляев. В. А. Теоретические основы интеграции вузовской науки в национальную инновационную систему // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2010.

2. Соколова В. В. Развитие инновационной инфраструктуры университета // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2014. — №166. — С. 53–59.

3. Федоров М. В., Пешина Э. В. Современные концепции управления знаниями // Стратегическое управление университетом. — 2012. — №3 (79). — С. 6–12.

4. Уваров А. Ф. Региональная инновационная система: университет в тройной спирали экономики знаний. — 2014.

5. Константинов Г. Н., Филонович С. Р. Что такое предпринимательский университет // Вопросы образования. — 2007. — №1. — С. 49–62.

6. Сидорова А. А., Румянцев Н. А. Предпринимательские университеты: сущность и тенденции развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2430627.

Поступила в редакцию

16 сентября 2018 г.

Кошевец Елена Юрьевна — магистрант кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Koshevets Elena Yuryevna — master student of the Production and Innovation Management department of the South-Russian State Polytechnical University (NPI) of M. I. Platov name.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (928)767-36-35; e-mail: elena.skachkova.95@inbox.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.7 (06)

10.17213/2075-2067-2019-1-100-106

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2019 г. И. А. Тищенко*, Ю. Г. Багаджиян**, П. А. Пономарев***

*Шахтинский автодорожный институт (филиал) ЮРГТУ (НПИ)

**Ростовский государственный медицинский университет

***Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ,
г. Шахты

В статье изложены основные результаты анализа гендерных стереотипов современного российского общества в контексте изучения его гендерного пространства. Выявлены существенные неравномерные трансформации традиционных гендерных конструктов в условиях реформирующегося общества, а также устойчивость ряда традиционных гендерных представлений, обусловленная (устойчивость) воздействием социальной инерции.

Ключевые слова: гендер; гендерные стереотипы; гендерное пространство социума; эклектический стереотип; трансформация традиционных гендерных конструктов; социальная инерция.

The article presents the main results of the analysis of gender stereotypes of modern Russian society in the context of studying its gender space. Significant non-uniform transformations of traditional gender constructs in the conditions of a reforming society, as well as the stability of a number of traditional gender representations, caused by the (stability) effect of social inertia, are revealed.

Key words: gender; gender stereotypes; gender space of society; eclectic stereotype; transformation of traditional gender constructs; social inertia.

Современные реалии российского общества, в частности, симметричное развитие его сегментов, затянувшийся переход от постиндустриального общества к информационному, постсовременному, обусловлены в значительной степени не только структурными, экономическими факторами, но и косностью массового сознания, в котором продолжают доминировать патерналистские установки, традиционные ценности и стереотипы. Последние оказывают сдерживающее, инерционное воздействие на динамику современного

общества, темпы его модернизации и демократизации.

Выбор гендерных стереотипов современного российского общества в качестве предмета анализа обусловлен, прежде всего, тем, что именно гендерные стереотипы, пронизывая все сферы общественных отношений, постоянно продуцируют гендерные иерархии, гендерную асимметрию во всех подсистемах общества, что препятствует его успешному реформированию, устойчивому поступательному развитию.

Исследование гендерных стереотипов современного российского общества осуществлялось в контексте изучения его гендерного пространства, внутри которого стереотипы формируются, функционируют, трансформируются.

Анализ отечественной научной литературы по исследуемой проблеме позволил установить, что работы, затрагивающие в той или иной мере гендерное пространство современного социума, появились сравнительно недавно — в последние два десятилетия, и они, к сожалению, не многочисленны. В частности, в работах О. А. Ворониной [2] и Ю. Н. Кашиной [3], содержащих современные концепции социального развития, анализируются социокультурные формы нынешнего этапа общественного развития России. В диссертационном исследовании С. В. Явон [9], изучавшей динамику социальной роли современной молодежи, рассматривается гендерное пространство индивида, дано определение этого понятия, выделены его измерения.

В целом анализ существующей по данной проблеме литературы показал, что вплоть до настоящего времени в отечественной социологической науке отсутствуют работы, содержащие результаты изучения гендерного пространства современного российского социума и конструктов, функционирующих в нем, что и обусловило выбор темы настоящего исследования.

Современная социологическая наука разделяет понятия «пол» (sex) и «гендер».

Понятие «пол» применяется для обозначения определенных биологических особенностей человека, на основе которых принято разделять индивидов на мужчин и женщин.

Гендер в самом общем виде обозначает систему социокультурных норм, которым общество предписывает следовать индивидам в зависимости от их биологического пола. Иначе говоря, гендер трактуется как социальный феномен, как некий «достижимый» человеком статус, который конструируется социальными, культурными и психологическими средствами.

В рамках данной работы гендер рассматривается как социальный конструкт (т.е. результат гендерной социализации и идентификации индивида) и как процесс его формирования. В качестве основных компонентов

гендера выделены: 1) *аскриптивный пол*, т.е. женский или мужской пол, приписанный обществом на основании биологических особенностей индивида; 2) *гендерная стратификация* (ранжирование социальных статусов и ролей полов); 3) *гендерные технологии*, т.е. социокультурные практики социальных субъектов, участвующих в конструировании гендера и гендерных отношений; 4) *гендерная идентичность* (самосознание личности в контексте существующего гендерного порядка, категоризация себя и другими как представителя того или иного пола); 5) *гендерные стереотипы* (гендерные идеалы, статусно-ролевые позиции полов, гендерные нормы) [7].

Под гендерными стереотипами как составной частью социального конструкта мы понимаем социально конструируемые модели мужчин и женщин, включающие в себя комплекс стандартизированных представлений об образах маскулинности-феминности (гендерные идеалы), статусно-ролевых позициях мужчин и женщин (гендерные диспозиции), их моделях поведения и межличностных отношений (гендерные нормы), присущих им и приемлемых для них в рамках определенно-го социокультурного пространства [7].

Гендерные стереотипы как социальные феномены подвержены неравномерным трансформациям во времени и имеют пространственное измерение.

Применение пространственного подхода к анализу социальной реальности общества в гендерном измерении позволяет рассматривать ее как гендерное пространство современного социума: «...контекст конструирования, функционирования, трансформации гендера. Гендер здесь понимается не просто как социальный конструкт, но как интегральный показатель динамики социальных процессов» [6]. Под социальной динамикой гендерного пространства социума понимается совокупность процессов трансформации его структур «посредством нормативного механизма».

Гендерное пространство социума определяется нами как форма освоения его пространственных структур на основе сложившихся гендерных технологий (гендерные режимы социальных институтов и поведенческие практики индивидов), ментальных установок и социокультурных нормативов [7].

Гендерное пространство, как известно, социально конструируется, следовательно, в разных обществах оно различно, однако в большинстве из них оно асимметрично таким образом, что мужчины и все «маскулинное» (персональные характеристики, модели поведения, виды деятельности и др.) считаются первичными, социально значимыми и доминирующими, а женщины и все «феминное» рассматриваются как социально незначимое, вторичное и подчиненное (суть конструирования гендера — полярность и иерархизированность). «Гендерное пространство как таковое отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола» [9]. Со временем социальные нормы меняются, но гендерная асимметрия остается.

Важнейшую роль в развитии и поддержке гендерного пространства социума играет сознание индивидов. Конструирование их гендерного сознания осуществляется посредством распространения и поддержания стереотипизированных гендерных представлений, социокультурных стандартов, норм, регулирующих жизнедеятельность как каждого отдельного человека, так и общества в целом.

Каждое общество на определенном этапе своего развития формирует свою систему символов, стереотипов, норм, предписаний, которые, отражаясь в сознании индивидов и воплощаясь в их повседневных поведенческих практиках, наполняют гендерное пространство социума своеобразными структурами (конструктами). Каковы же гендерные конструкты современного российского социума?

Для ответа на данный вопрос необходимо определить исторически сложившуюся культурную форму, в рамках которой они сформировались, то есть определить нынешний этап развития российского общества.

Современный этап социокультурного развития российского общества определяется отечественными социологами неоднозначно: одни исследователи (О. А. Воронина [2], Ю. Н. Кашина [3] и др.) детерминируют этот период как «культурную форму патриархата» — «советский неопатриархат», для которого характерны патриархальные стереотипы маскулинности и феминности; другие исследователи — как своеобразную переход-

ную ступень «от патриархата к феминизму», при этом «активная женская поведенческая модель» (феминный стереотип) является доминирующей; третья группа исследователей, в частности, С. В. Явон [9], определяет настоящий этап социокультурного развития России как «гендерный культурный промежуток», для которого характерно функционирование эклектического и партнерского стереотипов.

В результате анализа гендерного пространства современного российского общества установлено, что оно достаточно сложно, неоднородно, противоречиво, характеризуется кризисным состоянием, поливариантностью эклектических стереотипов, функционирующих в нем. Его современным социокультурным конструктом является так называемый «гендерный культурный промежуток» (по терминологии С. В. Явон, 2010) и сформировавшиеся в его рамках эклектические стереотипы, представляющие собой смешение таких «гендерных идентификационных сценариев», как «маскулинность» и «феминность», ведущих к формированию андрогинного типа личности.

Что касается партнерского стереотипа, который, по мнению С. В. Явон, функционирует в гендерном пространстве современного российского общества, то он как таковой, на наш взгляд, еще не сформировался, о чем свидетельствуют сегодняшние социальные реалии: гендерная асимметрия рынка труда, применение дискриминационных практик в отношении женщин в публичной и профессиональной сферах деятельности (горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация), гендерное неравенство в оплате труда (межотраслевой принцип) и др.

Эклектические стереотипы, будучи смешением традиционного (патриархального) и феминного стереотипов, следовательно, совмещая в своем содержании представления традиционной культуры и феминизма, многообразны, поливариантны в своих проявлениях: в зависимости от их содержания, то есть долей традиционной и эгалитарной составляющих, оказывают различное, либо негативное, либо позитивное влияние на динамику модернизационных процессов, протекающих во всех подсистемах современного общества.

Если в содержании эклектических стереотипов «...превалируют традиционные гендерные представления, то такие стереотипы в условиях реформирующегося общества оказывают *сдерживающее, инерционное воздействие...*» [6] на его социально-экономическое развитие, приводя к значительным экономическим потерям, регрессу общества в целом.

Преобладание новационной, эгалитарной составляющей в содержании эклектических стереотипов обеспечивает их прогрессивный характер, что способствует улучшению гендерного климата в современной России, содействует процессам ее демократизации и модернизации.

«Если типологизировать содержание эклектических стереотипов по характеру его влияния на динамику современного общества, то традиционные гендерные представления следует отнести к *инерционной составляющей* содержания, а новационные, эгалитарные представления — к *инновационной составляющей*» [6].

Для анализа эклектического стереотипа мы предполагали построить его теоретическую модель, что оказалось практически невозможным, поскольку он (эклектический стереотип), как уже указывалось выше, «многолик», поливариантен, проявляется в поведенческих моделях индивидов чрезвычайно разнообразно, поэтому исследование гендерных стереотипов современного российского общества осуществлялось нами в рамках изучения гендерных конструктов студенческой молодежи Ростовской области (РО), поскольку гендерные стереотипы, по мнению социологов, в наибольшей степени распространены в молодежной среде, в том числе в среде студенческой молодежи.

Итак, в результате анализа гендерных стереотипов студенческой молодежи РО установлено, что ее гендерные конструкты имеют противоречивый, неоднородный характер, что проявляется в эклектическом сочетании у субъектов стереотипизации установок, стереотипных представлений традиционной и «модернистской» культуры, при этом доля инерционной (традиционной) составляющей в содержании их стереотипов о разделении труда между полами достигает 50%, а в стереотипах о семейных ролях полов превышает 60%.

Так, традиционные гендерные представления о дифференциации сферы труда между полами, статусно-ролевых позициях мужчин и женщин в сфере профессиональной занятости отчасти продолжают сохраняться в сознании современной студенческой молодежи, в большей степени у мужчин, в меньшей степени — у женщин. Ряд сфер профессиональной занятости, ранее считавшихся сугубо мужским «полем самореализации» (научная, техническая, творческая и др.) либо сугубо женским (сферы образования, бытовых услуг, общественного питания и др.), определяются современными студентами как гендерно нейтральные, однако представления о наличии «мужских» и «женских» профессий продолжают сохраняться в их сознании.

Традиционный для российского менталитета приоритет семейных ценностей по-прежнему сохраняется в сознании современного студенчества, но его представления о распределении ролей полов в семье и обществе существенно изменились: иерархические позиции супругов в семье «тяготеют» к эгалитарным, паритетным началам. Сторонниками эгалитарных семейных взаимодействий являются преимущественно женщины, большинство же мужчин ориентированы на традиционную модель семейных отношений.

Что касается традиционных конструктов маскулинности-феминности, то они в гендерных представлениях сегодняшних студентов стали менее полярными, отчетливыми, более «размытыми»: современные образы мужчин и женщин более полно, чем ранее, учитывают многообразие индивидуальных вариаций и содержат наряду с типично мужскими/женскими качествами значительное количество андрогинных характеристик личности. Склонность современной российской молодежи в оценке женских и мужских образов к андрогинизму отмечена также в работах С. Бем [1], Н.В. Кивокурцевой [4], Н.В. Ланиной [5], С.В. Явон [9] и других исследователей. Следовательно, можно констатировать, что в условиях современного российского общества формируется новый тип личности — андрогинный, гармонично сочетающий как маскулинные, так и феминные качества.

В целом традиционные гендерные конструкты в сознании современной студенческой молодежи подверглись существенным, но не-

равномерным трансформациям: в большей степени изменились представления об образах маскулинности-феминности, о разделении труда между полами, в меньшей степени — взгляды молодежи на модель семейных отношений, роли супругов, что свидетельствует об эклектичности гендерных стереотипов, функционирующих в настоящее время в гендерном пространстве российского общества.

Подводя итоги проведенного исследования, следует констатировать, что гендерное пространство реформирующегося российского общества наполнено эклектическими гендерными конструктами, демонстрирующими, с одной стороны, существенные позитивные изменения, произошедшие в сознании современных россиян, с другой стороны, устойчивость доминантно-зависимой модели гендерных отношений в семье, характерной, как известно, для традиционного общества.

Причины установленной нами стабильности ряда традиционных гендерных представлений кроются, как мы полагаем, в воздействии *социальной инерции*, которая в значительной степени проявляется в периоды кризиса, когда социальные изменения принимают довольно противоречивый характер. Так, по мнению П. Штомпки, «в периоды динамичного и успешного социального развития интерес к традициям ослабевает, новизна, оригинальность, необычность становятся доминирующими ценностями, а люди в целом устремляются вперед. Напротив, в периоды стагнации или кризиса — экономического, политического, культурного — происходит оживление традиции, обращение людей к прошлому, его идеализация» [8].

В настоящее время в условиях интенсивного реформирования российского общества, его социальной и экономической нестабильности, отсутствия системы общепринятых ценностей и норм инерционность, проявляющаяся, в том числе и в устойчивости стереотипных установок традиционной культуры, выступает в качестве значимого фактора социальной динамики, сдерживающего общество от погружения в состояние хаоса.

В заключение следует отметить, что инерционность — это процесс, неизбежно со-

путствующий социальным изменениям, механизм, обеспечивающий преемственность, связь прошлого с настоящим. Устойчивость инноваций становится возможной, только когда «отработано» прошлое, традиции, стереотипы, установки, когда традиционные формы не отрицаются категорично, а естественно вплетены в ткань нового общества.

Литература

1. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем; пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — 336 с.
2. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. — М.: Едиторал, УРСС, 2004. — 239 с.
3. Кашина Ю. Н. Неопатриархальность как социокультурный дискурс современной России. — М.: Прогресс, 2010. — 98 с.
4. Кивокурцева Н. В. Гендерные стереотипы у подростков и студенческой молодежи // Сборник «Интеграция гендерного подхода в социальную политику региона» [Электронный ресурс] (ЖОО «Фемина», Набережные Челны). — Режим доступа: <http://www.femin.ru/ig/ig0,17.php>, свободный. (Дата обращения: 21.04.2010 г.).
5. Ланина Н. В. Тенденции гендерного развития современной молодежи // Ананьевские чтения — 2008: Материалы научно-практической конференции. — СПб., 2008. — С. 733–734.
6. Тищенко Ю. Г., Тищенко И. А. Динамика традиционных гендерных конструктов в сознании современной студенческой молодежи // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. — 2015. — №5. — С. 155–158.
7. Тищенко Ю. Г. Гендерные стереотипы современной студенческой молодежи: социологический анализ: Дис. ... канд. социол. наук. — Ставрополь, СКФУ, 2014. — 187 с.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
9. Явон С. В. Динамика социальной роли молодежи: гендерный подход: Дис. ... д-ра социол. наук: — М.: МГПИ, 2010. — 405 с.

Тищенко Ирина Александровна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автомобильного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Tishchenko Irina Alexandrovna — associate Professor, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of «Economics and management» Department of Shakhty Automobile and Road Construction Institute (branch) of South Russian state Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Russia
Тел.: 8 (919) 871-26-61; e-mail: lingvan@yandex.ru

Багаджиян Юлия Геннадьевна — кандидат социологических наук, специалист отдела организации учебного процесса учебного управления Ростовского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Bagadzhiyan Yulia Gennadievna — candidate of sociological Sciences, specialist of the educational process organization Department of the Rostov State medical University of the Ministry of health of the Russian Federation.

344022, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 29
29 Nakhichevansky st., 344022, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: 8 (928) 766-99-96; e-mail: Yuliatiss@yandex.ru

Пonomarev Petr Andreevich — профессор, доктор философских наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты.

Ponomarev Petr Andreevich — Professor, doctor of philosophy, Professor of the Department of «Social and humanitarian disciplines» of the Institute of the Service Sector and Entrepreneurship (branch) of the Don state technical University in Shakhty.

346500, г. Шахты, ул. Шевченко, 147
147 Shevchenko st., 346500, Shakhty, Russia
Тел.: 8 (961) 272-87-49; e-mail: ponomarev_p@mail.ru

УДК: 81'42:32

10.17213/2075-2067-2019-1-107-110

ФУНКЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2019 г. Юе Сюе, Гуань Шаоян

Даляньский университет иностранных языков, Китай

В статье рассмотрены функции концептуальной метафоры в рамках политического дискурса. Обозначается процесс повышения метафоричности современного политического дискурса, что определяет формирование новых технологий политического влияния. Сделан вывод о том, что концептуальная метафора посредством реализации мировоззренческой, познавательной и деятельностно-мотивировочной функции является ключевым элементом в механизме, обеспечивающем манипулятивное воздействие политического дискурса.

Ключевые слова: *концептуальная метафора; политический дискурс; технологии политического влияния.*

The article deals with the functions of conceptual metaphor in the framework of political discourse. The process of increasing the metaphoricity of modern political discourse is indicated, which determines the formation of new technologies of political influence. It is concluded that the conceptual metaphor through the implementation of ideological, cognitive and activity-motivational functions is a key element in the mechanism that provides a manipulative impact of political discourse.

Key words: *conceptual metaphor; political discourse; technologies of political influence.*

Современный этап развития цивилизации характеризуется кардинальными изменениями во всех сферах общественной жизни, результатами которых является значительное усложнение общественных связей и отношений. Политическая сфера не является исключением — в ее рамках происходит трансформация политического дискурса, понимаемого в качестве совокупности специальных текстов, созданных и создаваемых для коммуникации в сфере общественно-политической деятельности. Возрастает его роль в качестве технологии политического воздействия, что сопряжено с изменениями его первичных элементов — лексических смысловых конструкций. В частности, исследователи обращают внимание на возрастание функционального значения концептуальной метафоры в политическом дискурсе абсолютного большинства современных государств.

Можно заключить, что метафора представляет собой особую технику мышления, которая характеризуется спецификой формируемой в результате отражения объективной реальности логической формы. Определение «концептуальная» означает, в первую очередь, повышенную значимость метафорической конструкции для общественного сознания. В связи с этим концептуальную метафору следует характеризовать в качестве особой формы мышления, способа концептуализации мира [1]. Данный лингвистический феномен в настоящее время активно исследуется в рамках теории концептуальной метафоры. Метафоричность представляет собой один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи.

С учетом вышесказанного предметом исследования настоящей статьи является выявление основных функций концептуальной метафоры в рамках политического дискурса,

определяющих повышение ее значимости в его логико-смысловой структуре [2].

Несомненно, ключевой из таких функций является мировоззренческая. Как справедливо отмечает Н. А. Чес, когнитивный и прагматический потенциал, заложенный в метафоре, обуславливает ее исключительную «востребованность» в политической коммуникации [3].

Являясь уникальным по своей природе лингвокогнитивным механизмом, концептуальная метафора играет ключевую роль в формировании нового концептуального содержания, впоследствии объективирующегося в новых лексических единицах, и позволяет создавать емкие, компактные и зачастую экспрессивно-выразительные обозначения новой политической реальности.

В этой связи концептуальная метафора может рассматриваться в качестве когнитивного механизма формирования не только отдельных единичных понятий, но и фрагментов политической концептосферы и концептуальной картины мира в целом [3].

Иными словами, концептуальная метафора выступает в качестве главного фактора детерминации политического мировоззрения наиболее активной части общества, в адрес которой и направлен политический дискурс. Соответственно, определяя представления относительно сущности системных политических понятий и категорий данной социальной группы, концептуальная метафора способна определять и динамику политического процесса конкретного общества в краткосрочной перспективе.

Тесным образом связана с мировоззренческой и другая функция концептуальной метафоры в рамках политического дискурса, которая условно может быть обозначена как мотивировочно-деятельностная. Определяя отношение к наиболее важным событиям и явлениям политической реальности с помощью средств языковой номинации, концептуальная метафора позволяет субъектам политического процесса осуществлять оценку политической реальности на предмет осуществления того или иного политически значимого действия [4].

Иначе говоря, концептуальная метафора формирует причинно-следственную связь между выражением отношения к тому или

иному явлению или процессу и конкретным действием субъекта политического процесса в соответствии со сформированной мировоззренческой установкой.

Лексико-смысловый потенциал концептуальной метафоры обуславливает ее познавательную функцию в рамках политического дискурса. В этом смысле концептуальная метафора выступает в качестве способа репрезентации новых знаний о политическом процессе в языковой, доступной каждому, даже не обладающему специальными знаниями и навыками гражданину. При этом в процессе концептуализации новых явлений и событий могут использоваться как конвенциональные концептуальные метафоры, являющиеся неотъемлемой частью концептуальной системы того или иного социума, так и новые концептуально-метафорические проекции, задающие аналогии и ассоциации между ранее не сопоставлявшимися областями [3].

Анализ вышеобозначенных функций концептуальной метафоры в рамках политического дискурса позволяет еще раз подчеркнуть тот факт, что именно данная лингвистическая конструкция в настоящее время выступает в качестве ключевого элемента, обеспечивающего манипулятивное воздействие системы политической коммуникации. Приведем характерные примеры, подтверждающие данный вывод.

Как известно, политический процесс на завершающем этапе существования СССР был обозначен партийным руководством в качестве концептуальной метафоры «перестройка». Введение в политический дискурс данной метафоры позволило кратковременно стабилизировать политическую ситуацию и организовать конструктивную реформистскую деятельность, поскольку, во-первых, у большинства населения СССР сложилось представление о необходимости поддержки проводимых преобразований, имеющих цель обеспечить построение справедливого и совершенного социально-политического порядка, для обозначения которого была использована интуитивно близкая и понятная большинству советских граждан концептуальная метафора «социализм с человеческим лицом»; во-вторых, был активизирован деятельностный потенциал традиционного для советского гражданина концепта «тру-

женника-энтузиаста»; наконец, в-третьих, советские граждане получили знания о практической возможности реформирования социалистического общества и преодоления негативных последствий предыдущего исторического периода за счет осуществления комплексных реформ, «перестраивающих» общественные отношения [5].

Вместе с тем в отечественной политической практике в относительно недавней ретроспективе можно найти примеры и неудачного использования концептуальной метафоры в политическом дискурсе. Так, в частности, обозначение радикальных реформ первой половины 1990-х гг. концептуальной метафорой «шоковая терапия» в конечном счете привело не только к дискредитации идеи рыночной экономики в общественном сознании российского общества, но и к деградации его конструктивного деятельностного потенциала, а в конечном итоге — к устойчивому абсентеизму. Современные попытки преодоления данной негативной тенденции посредством введения в политический дискурс новых концептуальных метафор, в первую очередь, «суверенной демократии» пока не дают однозначно положительных результатов. Напротив, в общественном сознании под воздействием политического дискурса современных российских политиков происходит реанимация деструктивной по своей сущности концептуальной метафоры «застой» [5].

Итак, проведенное исследование позволяет установить, что концептуальная метафора в рамках современного политического дискурса имеет определяющее значение в процессах категоризации и номинации но-

вых реалий общественно-политической жизни. Встраивая их в существующую систему политических взглядов, ценностных установок и нравственных оценок, концептуальные метафоры способны изменять понятийную систему человека и влиять на его взгляды, оценки и поведение, предлагая новые способы концептуализации и репрезентации тех или иных событий и явлений в области политики, в том числе и посредством образов.

В таком качестве данный лингво-культурологический феномен является главным фактором, обеспечивающим формирование общественно-политического мировоззрения, а также определение мотивов для совершения политических действий. Указанные обстоятельства обеспечивают значительный манипулятивный эффект использования концептуальных метафор в политическом дискурсе.

Литература

1. *Бесценная Ж. П.* Роль метафоры в политическом дискурсе // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. — №36. — 2007. — С. 24–26.
2. *Зарипов Р. И.* Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. — 2014. — №2. — С. 145–158.
3. *Чес Н. А.* О функциях концептуальной метафоры в политическом дискурсе // Человеческий капитал. — №8. — 2014. — С. 48–52.
4. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 256с.
5. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М.: Перемена, 2000. — 367с.

Поступила в редакцию

10 ноября 2018 г.

Юе Сюе — аспирантка политической лингвистики Даляньского университета иностранных языков.

Yue Xue — doctor of political linguistics of Dalian University of Foreign Languages.

116041, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6
6 Lushun road, 116041, Dalian, China
Тел.: (+86-411) 861-122-77, (+86-411) 861-152-05
E-mail:yuex570@126.com

Гуань Шаоян — аспирантка политической лингвистики Даляньского университета иностранных языков.

Guan Shaoyang — doctor of political linguistics of Dalian University of Foreign Languages.

116041, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6
6 Lushun road, 116041, Dalian, China
Тел.: (+86-411) 861-122-77, (+86-411) 861-152-05
E-mail:yuex570@126.com

ХРОНИКА

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ И ТОВАРИЩА

26 января новочеркасских политехников постигла тяжелейшая утрата: на 60-м году жизни скоропостижно скончался ректор Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ), председатель редакционного Совета нашего журнала Владимир Григорьевич Передерий.

Жизнь и судьба Владимира Григорьевича были всецело связаны с донским краем. Он родился 22 октября 1959 года в городе Шахты. В 1983 году окончил Новочеркасский политехнический институт по специальности «Автомобили и автомобильное хозяйство». Работая заместителем секретаря комитета ВЛКСМ НПИ, Владимир Григорьевич много сил и энергии отдавал развитию комсомольских проектов. Его особой гордостью была организованная комсомольцами вуза автоколонна «Тихий Дон», в течение многих лет отправлявшаяся на третий трудовой семестр в степи Казахстана.

В 1992 году он основал и свыше пяти лет руководил работой ЗАО «Алеко-Юг» — регионального технического центра по реализации и техническому обслуживанию автомобилей автозавода «Москвич». В 1998 году в качестве внешнего управляющего В. Г. Передерий возглавил процесс по выводу из банкротства крупнейшего в стране электровозостроительного завода, градообразующего предприятия Новочеркасска. Благодаря его умелым действиям была предотвращена гибель завода. Деятельность Владимира Григорьевича на посту генерального директора ЗАО «Донавтотранс» с января 2004-го по октябрь 2006 года также была успешной. Предприятие было награждено дипломом Федеральной таможенной службы РФ как ведущий таможенный перевозчик.

В этот же период Владимир Григорьевич вел активную исследовательскую деятельность в стенах НПИ. Его работы были посвящены вопросам конструирования двигателей внутреннего сгорания для тяжелой колесной техники. Он успешно защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации.

Владимир Григорьевич Передерий стал ректором ЮРГТУ (НПИ) в 2009 году, в 2014 году был переизбран на второй срок. За это время наш университет преобразился не только внешне — вуз последовательно улучшал свои позиции в различных престижных рейтингах: стал одним из ведущих вузов стран СНГ, вошел в топ-50 лучших технических вузов России с самой высокой репутацией у работодателей, в топ-100 лучших российских вузов. ЮРГТУ (НПИ) признан центром инновационного развития региона.

С большой ответственностью Владимир Григорьевич относился и к сохранению исторической памяти и традиций первого вуза Юга России. В 2013 году нашему университету было присвоено имя графа М. И. Платова, в стенах вуза началась и успешно продолжается работа по духовно-нравственному, культурному казачьему воспитанию молодежи, налажена система непрерывного казачьего образования.

В. Г. Передерий на протяжении многих лет являлся одним из руководителей и активным членом Российского Союза промышленников и предпринимателей, где его разносторонняя и многоплановая деятельность оценивалась как последовательная, целеустремленная, отличающаяся государственной направленностью.

За большой вклад в развитие отечественной промышленности и предпринимательства В. Г. Передерий награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

Коллектив новочеркасских политехников глубоко скорбит по поводу скоростижного ухода из жизни ректора ЮРГПУ (НПИ) Владимира Григорьевича Передерия и выражает искренние соболезнования его семье и близким. Светлая память о Владимире Григорьевиче — замечательном человеке, талантливом ученом, прекрасном организаторе и руководителе — навсегда сохранится в наших сердцах!